Книгоиздательство Е. Д. Мягкова.
«КОЛОКОЛЪ»

Лассаль.

Косвенные налоги.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
—
1906.

Тип. «Сѣверъ» А. М. Лесмана, Спб., Садовая, 42.

Ф. Лассаль.

Косвенные налоги и положенiе рабочаго класса.

Защитительная рѣчь передъ берлинскимъ Королевскимъ судомъ по поводу обвиненiя автора въ публичномъ возбужденiи неимущихъ классовъ къ ненависти и презрѣнiю противъ имущихъ.

Господа!

Бурные дебаты, возникшiе въ этомъ процессѣ въ первой инстанцiи, примутъ сегодня, надѣюсь, болѣе спокойное теченiе. Я готовъ, съ своей стороны, всячески этому содѣйствовать, такъ какъ я по многимъ причинамъ нахожусь сегодня въ лучшемъ положенiи, чѣмъ тогда.

Мнѣ незачѣмъ развивать сегодня доводы, которые я приводилъ въ своей прежней защитительной рѣчи. Эта рѣчь отпечатана и представлена вамъ, какъ pars integra моей аппеляцiонной жалобы; эти доводы помогаютъ мнѣ здѣсь въ моей защитѣ и если бы сочли необходимымъ утвердить первоначальный приговоръ—я далекъ отъ того, чтобъ заподозрить васъ въ этомъ—то вамъ придется ихъ опровергнуть, хотя я и не стану вновь повторять ихъ здѣсь. Судья первой инстанцiи даже не пытался ихъ опровергать!

Второе преимущество моего сегодняшняго положенiя—

то, что рѣшеніемъ суда рамки защиты съужены. Въ первой инстанціи я долженъ былъ защищать всю свою лекцію цѣликомъ, такъ какъ вся она подверглась обвиненію со стороны прокурора. Естественно, что мотивами приговора поле судебнаго состязанія ограничено: я имѣю теперь возможность, не защищая, какъ тогда всего, отстаивать лишь тѣ пункты, которые признаны наказуемыми.

И эта возможность дана мнѣ самимъ приговоромъ суда, признавшимъ, что моя лекція имѣетъ чисто научный характеръ и тѣмъ самымъ подходитъ подъ статью 20 Конституціи. Достаточно поэтому обсудить, наказуемо ли то, что якобы заключается въ моей лекціи помимо ея научнаго содержанія. Правда, судъ не указываетъ такихъ пунктовъ, да и не могъ указать,—доказательства тому я вамъ приводилъ уже въ критическихъ замѣткахъ къ приговору. Опровергнувъ по отдѣльности всѣ основанія, на которыхъ построенъ приговоръ, я привелъ вамъ тамъ три главныхъ довода:

1) что судъ самъ, своими собственными словами, признаетъ чисто научнымъ и дозволеннымъ все то, что позже, опять таки своими собственными словами, объявляетъ наказуемымъ; такимъ образомъ, постоянно, въ каждой строчкѣ противорѣча себѣ, онъ самъ себя опровергаетъ;

2) что вмѣсто того, чтобы найти составъ преступленія въ словахъ моей лекціи, судъ занимается неслыханною инквизиціей мысли, что за неимѣніемъ состава преступленія, онъ дѣлаетъ заключенія о невысказанныхъ мною мнѣніяхъ, и въ этихъ то, покоящихся на днѣ моей души, невысказанныхъ мнѣніяхъ пытается отыскать объективный поводъ для обвиненія; что судъ—какъ я доказалъ вамъ это шагъ за шагомъ съ историческими документами въ рукахъ—въ этой инквизиціи мысли далеко превзошелъ „святую инквизицію", средневѣковые религіозные процессы и чудовищныя времена императорскаго Рима, которые своими ужасами заставляли содрогаться современниковъ и потомство.

3) Я вамъ, наконецъ, доказалъ, что и такимъ путемъ,—путемъ смѣшенія сыска мысли съ криминальной сущностью дѣла,—судъ, даже по его собственному взгляду, все еще не открылъ ничего, на чемъ онъ могъ бы построить обвиненіе, и что поэтому онъ переходитъ къ навязыванію мнѣ словъ, которыхъ я въ своей лекціи вовсе не

произносилъ и ставитъ въ вину положенія, которыхъ въ моей брюшюрѣ совершенно нѣтъ.

Я только напоминаю вамъ тѣ доказательства, которыя я приводилъ въ своемъ аппеляціонномъ отзывѣ, не входя въ ихъ ближайшее разсмотрѣніе. Я не хочу повторять ихъ здѣсь, потому что моя цѣль вовсе не въ томъ, чтобы вызвать въ обществѣ волненія, какъ ошибочно усмотрѣли изъ моей защитительной рѣчи въ первой инстанціи. Но я все таки буду касаться ихъ, и соображеніе о томъ, что это можетъ задѣть кого-либо — не остановитъ меня и я выскажу и разовью все то, что необходимо и полезно для моей защиты. И такъ, — не возвращаясь болѣе къ тому, что я высказалъ въ своей аппеляціи,—я еще разъ, хотя и безмолвно, но горячо, рекомендую вашему вниманію тѣ рѣшительные доводы, которые я приводилъ тамъ.

Это то обстоятельство, — что мнѣ не придется вновь затрагивать ни моей защитительной рѣчи, ни аппеляціонныхъ доводовъ,—я считаю тоже выгодной стороной моего сегодняшняго положенія.

Но главное преимущество послѣдняго я вижу въ томъ, что я сегодня веду защиту передъ высшимъ судомъ, а стало быть и передъ людьми съ болѣе широкимъ взглядомъ. Мы всѣ вполнѣ въ своей роли, господа! Судъ первой инстанціи, когда произноситъ приговоръ, нуждающійся въ исправленіи, — къ чему же тогда и высшіе суды, какъ не для исправленія рѣшеній низшихъ инстанцій? — я, когда нахожу этотъ приговоръ плохимъ, вы—когда согласитесь со мной и отмѣните его!

Наконецъ еще одно обѣщаетъ сдѣлать сегодняшее засѣданіе менѣе бурнымъ, это перемѣна въ моемъ собственномъ настроеніи.

Въ первой инстанціи я встрѣтилъ со стороны прокуратуры недостойное ко мнѣ отношеніе—этого, надѣюсь, сегодня не повторится. Представитель обвиненія утверждалъ, что я мошенническимъ образомъ, съ цѣлью ввести въ обманъ полицію и судъ, придалъ моей лекціи мнимый видъ научности.

Господа, я считалъ ниже своего достоинства дать прокурору иной отвѣтъ, чѣмъ тотъ, который опирался бы на факты.

Судъ первой инстанціи, да и сами вы могли достаточно убѣдиться изъ моей первой защитительной рѣчи, что по-

добный обманъ и уловки совсѣмъ не въ моемъ характерѣ. Напротивъ, послѣ такой провокаціи, я въ своей защитительной рѣчи, естественно, пошелъ гораздо дальше, гораздо безпощаднѣе выступилъ противъ государственныхъ учрежденій, чѣмъ въ своей лекціи. Въ обычаѣ смѣлыхъ людей дѣйствовать сильнѣе, когда имъ бросаютъ вызовъ и не прибѣгать къ обману. Вотъ въ чемъ заключалось мое фактическое возраженіе и единственный фактическій отвѣтъ, который я могъ дать на брошенное мнѣ прокуроромъ обвиненіе въ трусливомъ образѣ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи я достаточно удовлетворенъ приговоромъ суда, хотя и осудившимъ мою лекцію, но все же признавшимъ ее по существу несомнѣнно чисто научной,—такимъ образомъ, здѣсь во всякомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что я придалъ моей лекціи мнимый видъ научности.

Но и независимо отъ этого совершенно неприличнаго пріема, который прокуроръ позволилъ себѣ еще тогда,—въ обвинительномъ актѣ—мотивируя свои обвиненія,—я былъ тогда, и съ полнымъ правомъ, очень возбужденъ. Поставьте себя на минуту въ мое положеніе, господа, въ положеніе ученаго. Время, которое другіе отдаютъ наслажденіямъ и погонѣ за наживой, онъ посвящаетъ кропотливому изученію. Въ долгія ночи, которыя онъ проводитъ при свѣтѣ своей лампы, только одно поддерживаетъ его бодрость—жажда истины и сознаніе, что онъ служитъ своимъ ближнимъ. Это служеніе не вознаграждается ни внѣшними выгодами, ни признаніемъ современниковъ. Да онъ и не расчитываетъ на нихъ и не ищетъ ихъ. Исторія научила его, что признаніе заслугъ является запоздалымъ цвѣткомъ, украшающимъ только могилы! Но въ то время, когда онъ сидитъ, углубившись въ напряженныя размышленія, его грубымъ окрикомъ заставляютъ очнуться и оторваться отъ своей работы: его зовутъ въ судъ. Онъ долженъ предстать передъ трибуналомъ, который его судитъ, какъ преступника, за то, во что онъ безкорыстно вкладывалъ всѣ свои лучшія силы и чѣмъ онъ въ глубинѣ души надѣялся послужить обществу, — единственная награда, которая ему дорога. И послѣ этого вы удивляетесь, господа, что потревоженный такимъ образомъ ученый въ негодованіи вскакиваетъ, перековываетъ науки въ блестящій мечъ и въ своемъ гнѣвѣ разитъ все вокругъ себя?

Итакъ, это было естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ обвиненія. Казалось бы, обвинительный приговоръ долженъ былъ еще усилить мое негодованіе. Наоборотъ, именно благодаря ему, оно смѣнилось совершенно другимъ настроеніемъ, которое излишне здѣсь охарактеризовать, такъ какъ оно,—если только я не слишкомъ полагаюсь на силу истины,—должно въ теченіе моей защиты охватить васъ самихъ, господа!

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что я буду сегодня приводить только тѣ пункты возраженія, которые я оставилъ незатронутыми въ моей аппеляціи. Къ нимъ я теперь и перехожу.

Главной опорой обвиненія служитъ то, что я говорилъ о косвенныхъ налогахъ. Въ рѣшеніи суда не разъ подчеркивается, какъ истинное основаніе для обвинительнаго приговора, что именно этой частью своей лекціи я возбуждалъ къ ненависти и презрѣнію противъ имущихъ классовъ.

Посмотримъ сначала, что я сказалъ въ своей лекціи о косвенныхъ налогахъ. Я тамъ развиваю философское положеніе, что всякое господствующее сословіе дѣлаетъ тотъ принципъ, на которомъ основано его собственное существованіе, господствующимъ принципомъ у всѣхъ общественныхъ учрежденій, что этотъ принципъ кладетъ на нихъ всегда свой особый отпечатокъ. На страницѣ 6-й своей лекціи, разсматривая періодъ господства дворянства,—феодальный или средневѣковый періодъ всемірной исторіи,—я доказываю это положеніе четырьмя крупными фактами. Вслѣдствіе этого на страницѣ 19-й,—при разсмотрѣніи второго міровогo періода, основаннаго на капиталовладѣніи, или періодъ господства буржуазіи,—я перехожу, опять таки разсматривая тѣ же четыре факта, къ доказательству того, что великій законъ, которому подчинены всѣ историческія эпохи, остается вѣрнымъ себѣ и здѣсь: буржуазія дѣлаетъ теперь капиталовладѣніе съ такой же послѣдовательностью признакомъ господства и общественной привилегіей, какъ раньше дѣлало это дворянство по отношенію къ землевладѣнію.

Прежде всего я показываю, что теперешнее избирательное право, основанное на имущественномъ цензѣ, соотвѣтствуетъ представительному государству среднихъ вѣковъ, основанному на владѣніи землей.

Затѣмъ я продолжаю эту параллель и по отношенію ко второму пункту—податной системѣ, и говорю по этому поводу дословно слѣдующее: (стр. 26).

Тоже самое и по отношенію ко всѣмъ другимъ явленіямъ, въ которыхъ въ средніе вѣка принципъ землевладѣнія обнаруживалъ свое господствующее значеніе.

Я обратилъ тогда ваше вниманіе, что дворянское землевладѣніе въ средніе вѣка было освобождено отъ налоговъ и сказалъ вамъ, что всякое господствующее, привилегированное сословіе старается свалить бремя поддержанія общественнаго благосостоянія на угнетенные неимущіе классы.

Совершенно также поступаетъ и буржуазія. Правда, ей неудобно, конечно, объявить открыто о своемъ желаніи быть свободной отъ податей. Напротивъ, она обыкновенно высказываетъ принципъ, что каждый долженъ платить налоги сообразно со своими доходами. Но того же результата она достигаетъ въ скрытой формѣ—по крайней мѣрѣ, пока ей удается—различеніемъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

Прямые налоги, господа, это такіе, которые—подобно поразрядному подоходному налогу или классной подати—взимаются съ дохода и потому опредѣляются по величинѣ дохода или капитала. Косвенные же налоги—тѣ, которыми обложены нѣкоторые предметы потребленія, напримѣръ: соль, пиво, хлѣбъ, мясо, топливо, или же которые взимаются за пользованіе судебной защитой—въ видѣ судебныхъ издержекъ, гербоваго сбора и т. п.; отдѣльное лицо часто оплачиваетъ ихъ въ цѣнѣ вещи, не зная и не замѣчая, что оно платитъ именно налогъ, увеличивающій цѣну товаровъ.

Но вамъ вѣдь извѣстно, господа, что если кто-нибудь въ 20, 50, 100 разъ богаче другого, то это отнюдь не значитъ, что онъ съѣдаетъ въ 20, 50, 100 разъ больше соли, хлѣба, мяса, выпиваетъ въ 60 или 100 разъ больше пива или вина, или что ему нужно въ 100 разъ больше тепла, а стало быть и топлива,—чѣмъ рабочему или мелкому бюргеру.

Отъ этого происходитъ то, что вся сумма косвенныхъ налоговъ вмѣсто того, чтобы распредѣляться пропорціонально доходу или капиталу отдѣльныхъ лицъ выплачивается въ своей подавляющей части неимущими,

бѣдными классами населенія. Правда, буржуазія не изобрѣла косвенные налоги, они существовали и до нея. Но буржуазія развила ихъ въ цѣлую неслыханную систему и взвалила на нихъ всю тяжесть государственныхъ расходовъ.

Чтобы показать вамъ это, я брошу взглядъ на государственный бюджетъ Пруссіи за 1855 годъ:

Совокупность всѣхъ государственныхъ доходовъ выразилась въ томъ году круглымъ числомъ 108.930.000 талеровъ. Отсюда слѣдуетъ вычесть доходъ отъ домэновъ и лѣсовъ,—т. е. доходъ отъ государственныхъ имуществъ, который не можетъ быть принимаемъ здѣсь въ расчетъ, въ размѣрѣ 11.967.000 талеровъ. Остается стало быть около 97 милліоновъ прочихъ видовъ государственныхъ доходовъ. Изъ нихъ согласно подраздѣленію бюджета, около 26 милліоновъ должны покрываться прямыми налогами. Но и это опять таки невѣрно и только кажется такимъ, потому что нашъ бюджетъ въ своей классификаціи нигдѣ не слѣдуетъ указаніямъ науки, а руководствуется только внѣшнимъ способомъ взиманія налоговъ. Изъ этихъ 26-ти милліоновъ слѣдуетъ откинуть и тѣ 10 милліоновъ поземельнаго налога, которые, хотя и взимаются непосредственно съ землевладѣльца, но послѣднимъ снова перелагаются на цѣну хлѣба; этимъ путемъ они выплачиваются въ концѣ концовъ потребителемъ хлѣба и представляютъ поэтому косвенный налогъ. По тѣмъ же соображеніямъ отпадаетъ и 2.900.000 талеровъ промысловаго налога.

Изъ доходовъ, покрываемыхъ действительными прямыми налогами, остаются только:

2.928.000 тал. поразряднаго подоходнаго налога.
7.884.000 тал. классной подати.
2.036.000 тал. добавочнаго сбора.

Итого 12.848.000 талеровъ.

Итакъ, господа, изъ 97 милліоновъ государственныхъ доходовъ только 12.800.000 талеровъ своимъ источникомъ имѣютъ въ дѣйствительности прямые налоги. Все, что сверхъ этихъ 12.800.000,—здѣсь не приходится, конечно, слѣдовать не научнымъ подраздѣленіямъ бюджета, который, напримѣръ, не причисляетъ къ косвеннымъ налогамъ доходъ отъ соляной монополіи въ размѣрѣ 8.300.000 талеровъ или доходы судебнаго вѣдомства 8.849.000 талеровъ,—

все, что сверхъ этихъ 12.800.000, говорю я, за исключеніемъ развѣ немногихъ и то незначительныхъ пунктовъ, занимающихъ особое положеніе, получено изъ источниковъ дохода, имѣющихъ характеръ косвенныхъ доходовъ, а потому и должны разсматриваться какъ косвенные налоги.

„Такимъ образомъ, господа, косвенный налогъ есть институтъ, посредствомъ котораго буржуазія осуществляетъ для крупнаго капитала свободу отъ податей и взваливаетъ издержки государства на неимущіе классы общества.“

Итакъ въ сказанномъ содержатся слѣдующіе тезисы:

1) Косвенные налоги падаютъ на отдѣльныя лица не пропорціонально ихъ капиталу или доходу и чрезмѣрно обременяютъ бѣдные классы—въ отличіе отъ прямыхъ налоговъ, гдѣ эта пропорціональность соблюдается;

2) поэтому вся масса косвенныхъ налоговъ въ подавляющей своей части собирается съ бѣдныхъ классовъ народа;

3) къ косвеннымъ налогамъ принадлежатъ не только тѣ, которые бюджетъ, придерживающійся и могущій придерживаться лишь внѣшней податной практики, приводитъ подъ этой рубрикой, но и всѣ тѣ налоги, которые падаютъ на отдѣльное лицо не на основаніи размѣровъ его владѣнія, а въ связи съ какой-нибудь особенной потребностью.

4) Поэтому къ косвеннымъ налогамъ, по правдѣ и научно говоря, принадлежатъ также промысловый и поземельный налоги, которые бюджетъ считаетъ прямыми;

5) вслѣдствіе всего этого, разсмотрѣнный мною на лекціи бюджетъ 1855 года въ 108.930.000 талеровъ слагается изъ трехъ источниковъ дохода: а) изъ дохода въ 11.967.000 тал. отъ государственныхъ имуществъ, в) изъ дохода въ 12.848.000 тал. отъ прямыхъ налоговъ и с) изъ косвенныхъ налоговъ, составляющихъ всю остальную часть, слѣдовательно около 85 милліоновъ.

Вотъ эти то выводы прокуроръ въ первой инстанціи принялся опровергать такимъ образомъ: онъ не оспариваетъ вѣрности сообщенныхъ мною цифръ,—да и не могъ, разумѣется оспаривать, потому что они взяты изъ оффиціальной смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ. Мною представлена была тогда суду книга по финансовой статистикѣ, въ которой эта смѣта была отпечатана. Я присоединяю сегодня къ дѣлу государственную смѣту въ ея оффиціальномъ изданіи.

Но эти выводы, сказалъ прокуроръ, основаны на голомъ

софизмѣ. „Несомнѣнно“,—буквально говоритъ онъ (стр. 20 стенографическаго отчета)—„богатый потребляетъ больше соли, хлѣба, мяса и топлива, потому что онъ кормитъ извѣстное число людей какъ разъ изъ низшихъ сословій, частью за своимъ столомъ, частью же выдавая имъ плату, высота которой соразмѣряется съ цѣнами пищевыхъ продуктовъ. Обвиняемый, кромѣ того, намѣренно игнорируетъ тотъ фактъ, что косвенные налоги захватываютъ не только соль, мясо, хлѣбъ и топливо, но что они ложатся и на другіе предметы, и прежде всего—на предметы роскоши. Налоги эти, напримѣръ: на шелкъ и даже на сахаръ не затрагиваютъ бѣдняка. Равнымъ образомъ бѣдняку рѣдко приходится покупать гербовую бумагу, особенно высокой цѣнности, стало быть онъ не участвуетъ въ этомъ „косвенномъ“ (какъ иронически восклицаетъ прокуроръ), налогѣ. Полагаю, что въ этомъ отношеніи софистика обвиняемаго совершенно очевидна и что, если онъ въ такомъ же родѣ говоритъ передъ рабочими, то онъ возмутительнѣйшимъ образомъ подстрекаетъ слушателей къ нарушенію общественнаго спокойствія“.

Я не считалъ, господа, это разсужденіе заслуживающимъ какого либо отвѣта. Въ моей защитительной рѣчи я обошелъ этотъ пунктъ молчаніемъ. Но прокуроръ въ своей репликѣ снова возвращается къ нему: „Относительно другого довода“, — говоритъ онъ (стр. 31 стенографическаго отчета),—„будто на самомъ дѣлѣ содержаніе рѣчи чисто научно, я позволяю себѣ преимущественно обратить вниманіе на то, какимъ мало научнымъ путемъ подошелъ обвиняемый къ вопросу. Онъ предпочелъ вовсе не возражать на это мое утвержденіе. Я сказалъ ему, что въ его лекціи приведены невѣрные факты. Напримѣръ, я указалъ на опредѣленно выраженное тамъ утвержденіе, будто буржуазія взвалила все бремя налоговъ на плечи народа, развивъ,—буквально такъ и сказано,—систему косвенныхъ налоговъ до неслыханныхъ размѣровъ, хотя она существовала и раньше. Удивительное утвержденіе, будто косвенные налоги собираются исключительно съ четвертаго сословія, съ бѣдныхъ! Бѣднякъ фактически не въ состояніи платить такую долю косвенныхъ налоговъ. Четвертое сословіе получаетъ предметы, обложенные косвеннымъ налогомъ, преимущественно отъ буржуазіи, какъ отъ класса имущихъ, и потому не платитъ вовсе никакого налога“.

На это я отвѣтилъ въ моемъ вторичномъ объясненіи—вы найдете его на стр. 34 стеногр. отчета—немногими убѣдительными замѣчаніями: все сказанное мною о косвенныхъ налогахъ распадается на фактическую часть и выводы. Фактовъ—приводимыхъ мною цифръ—прокуроръ не оспариваетъ; еще менѣе можетъ онъ опровергнуть мои выводы. Что прямые налоги составляютъ лишь очень ничтожную долю государственныхъ доходовъ, — было ясно изъ самаго оффиціальнаго бюджета, такъ какъ, согласно ему, они составляютъ всего 26 милліоновъ, изъ 108 милліоновъ всѣхъ доходовъ. Что заключающіяся въ этихъ 26 милліонахъ суммы поземельнаго и промысловаго налоговъ тоже взвалены на потребителей и, такимъ образомъ, представляютъ собой косвенные налоги,—есть вѣдь всѣмъ извѣстный фактъ, да и вообще въ наукѣ совершенно нѣтъ спора о томъ, что всѣ налоги, собираемые съ особенныхъ потребностей, и не основанные на имущественномъ обложеніи, имѣютъ характеръ косвенныхъ налоговъ. Въ дѣйствительности остаются, стало быть, всего 12, 13 милліоновъ прямыхъ налоговъ противъ 84 милліоновъ косвенныхъ налоговъ. Я не говорилъ, что косвенные налоги покрываются единственно и исключительно бѣднѣйшими классами, — да это было бы чистѣйшимъ вздоромъ, такъ какъ потребляетъ вѣдь всякій. Я сказалъ только, что косвенные налоги въ значительной мѣрѣ, въ подавляющей ихъ части несутъ на себѣ бѣдные классы.

Но вѣдь это ясно, какъ Божій день, уже изъ того, что косвенные налоги — это то и есть ихъ несообразность — падаютъ на отдѣльное лицо пропорціонально не его доходу, а его потребности въ предметахъ, обложенныхъ этими налогами, — а потребность эта никоимъ образомъ не находится въ соотвѣтствіи съ его доходами. Но такъ какъ уже было установлено, что косвенное обложеніе не пропорціонально имуществу и доходу отдѣльныхъ лицъ,—такъ что если кто нибудь богаче другого въ 20, 50, 100 разъ, то онъ не потребляетъ во столько разъ больше соли, хлѣба, мяса, пива и пр., чѣмъ рабочій или мелкій бюргеръ,—то уже изъ простого соображенія, что бѣдныхъ людей гораздо больше, чѣмъ богатыхъ, ясно вытекаетъ, что большая часть косвенныхъ налоговъ оплачивается бѣдными. Кромѣ того, все сказанное мною на эту тему давнымъ

давно, больше ста лѣтъ, установлено наукой и статистикой, и болѣе чѣмъ излишне распространяться дальше о давно установленныхъ въ наукѣ фактахъ.

Этими краткими и убѣдительными замѣчаніями, простымъ указаніемъ на постоянное и единодушное свидѣтельство науки, я и ограничился. Я считалъ несправедливымъ и ниже своего достоинства воспользоваться своимъ естественнымъ превосходствомъ въ наукѣ, съ которой я давно уже вполнѣ освоился, и подробнымъ анализомъ дать тяжело почувствовать прокурору, какъ недостаточна диллетантская экскурсія, предпринятая имъ въ цѣляхъ обвиненія въ чуждую ему спеціальную область, — для того, чтобы имѣть право говорить, что онъ что-нибудь смыслитъ въ ней.

Въ особенности же мнѣ казалось, что я нравственно оскорбилъ бы судъ, если бы вздумалъ ему подробно доказывать вещи, о которыхъ можно было бы прочесть во всѣхъ учебникахъ еще сто лѣтъ тому назадъ.

Правда, я не имѣлъ права предполагать въ судебной коллегіи спеціальныхъ познаній по политической экономіи и статистикѣ. Но я считалъ, что вещи, сдѣлавшіяся съ незапамятныхъ временъ общепризнанными — какъ то, что я говорилъ о косвенныхъ налогахъ, — судьямъ слѣдовало бы знать въ общихъ чертахъ, хотя бы по наслышкѣ. Поэтому я считалъ и излишнимъ и нелѣпымъ приводить серьезныя доказательства въ защиту избитыхъ вещей, давно ставшихъ достояніемъ всѣхъ учебниковъ.

Я ошибся, господа, и ничего нѣтъ естественнѣе, что я ошибся. Мы, которые всю жизнь посвятили наукѣ, знаемъ кое что и даже многое. Но въ одномъ пунктѣ мы остаемся въ вѣчномъ невѣдѣніи, какъ дѣти: мы и понятія не имѣемъ о томъ, какъ многаго другіе не знаютъ!

Въ самомъ дѣлѣ объявленный приговоръ суда согласился съ разсужденіями прокурора, призналъ невѣрнымъ сказанное мною о косвенныхъ налогахъ, призналъ, что тяжесть косвеннаго обложенія не ложится на бѣдные классы, какъ это говорилъ я.

Это вмѣстѣ съ тѣмъ послужило для объявленнаго приговора основаніемъ признать мою лекцію въ существенномъ, но не сплошь научной: дѣло въ томъ, что въ сказанномъ мною о косвенныхъ налогахъ онъ усматриваетъ „логически — не научныя“ доказательства. (стеногр. отчетъ стр. 51).

А въ редакціи приговора, выданной мнѣ на руки, это оспариваніе истинности того, что было сказано мной о косвенныхъ налогахъ какимъ то, во всякомъ случаѣ страннымъ, образомъ полностью взято обратно. Здѣсь нѣтъ больше ни слова о томъ, что мое ученіе невѣрно или неточно.

Вы поймете, господа, что по существу для меня объявленный приговоръ имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ выданный мнѣ на руки, потому что приговоръ, объявленный тотчасъ же въ судебномъ засѣданіи, показываетъ мнѣ тѣ дѣйствительные, психологическіе мотивы, по которымъ я былъ осужденъ. Приговоръ же въ полученной мною редакціи показываетъ мнѣ только тѣ основанія, которыми заднимъ числомъ оправдывается обвиненіе.

Но, даже оставляя это въ сторонѣ, — хотя въ окончательной редакціи приговора и отсутствуетъ протестъ противъ истинности моихъ разсужденій о косвенномъ налогѣ, — но все же онъ, считая эти мои разсужденія способными возбудить къ ненависти и презрѣнію, выставляетъ ихъ истиннымъ фундаментомъ моего обвиненія.

Остается еще допустить, что приговоръ только наружно взялъ назадъ свой протестъ противъ истинности моихъ разсужденій, внутренно же, какъ и прежде, опирается на него.

Одно изъ двухъ. Если мое ученіе о косвенныхъ налогахъ научно правильно, то оно не можетъ быть уголовно наказуемымъ. Если оно научно-правильно, то оно стоитъ подъ охраной статьи 20-й Конституціи: „Наука и ея ученія свободны!“ Если оно истинно, то и независимо отъ этой статьи (конституціи) оно совершенно ненаказуемо, потому что мы живемъ не въ тѣ времена, когда можно было объявить преступленіемъ финансовую статистику и политическую экономію — безразлично, гдѣ и когда онѣ проповѣдуются.

Это призналъ и самъ прокуроръ въ первой инстанціи. Ибо все его обвиненіе основывается на томъ, что, по его мнѣнію, мое ученіе содержитъ „невѣрные факты“ и „софизмы“.

Другой могъ бы привести вамъ слѣдующій доводъ: если бы даже это ученіе было заблужденіемъ — все же оно остается научнымъ заблужденіемъ. Съ какихъ это поръ научное заблужденіе стало наказуемымъ? Но какъ ни убѣ-

дителенъ in jure этотъ доводъ, я отбрасываю его далеко отъ себя.

Считайте, что я въ своей лекціи поступилъ какъ обманщикъ, завѣдомо говоря неправду, и, стало быть, имѣя намѣреніе подстрекнуть. Но чѣмъ я здѣсь уступчивѣе, чѣмъ больше воздерживаюсь я отъ всякой защиты, могущей показаться слабостью съ моей стороны, тѣмъ тверже я долженъ отстаивать положеніе: если то, что я высказалъ научно вѣрно, то преслѣдованіе, а не провозглашеніе этого научнаго ученія есть преступленіе!

Отстаивая справедливость моихъ словъ, я воспользуюсь матеріаломъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ мнѣ для доказательства того, какъ чрезвычайно далекъ я былъ въ своей лекціи отъ намѣренія возбудить кого-либо. А именно я покажу вамъ, что сказанное мною о косвенныхъ налогахъ не только истинно, но составляетъ только ничтожную часть истины, что оно было слишкомъ смягчено, что я могъ наговорить на тему о косвенныхъ налогахъ гораздо болѣе рѣзкихъ и возбуждающихъ вещей; что я поэтому никоимъ образомъ не преслѣдовалъ цѣль возбудить, но напротивъ сказать какъ можно меньше, какъ разъ столько, сколько безусловно необходимо было для проведенія основной философской мысли, проникающей всю лекцію.

И замѣтьте, господа, какъ и при чьей помощи буду я приводить вамъ эти научныя доказательства. Я возьму ихъ не у тѣхъ авторовъ, которые принадлежатъ къ моему направленію въ политической экономіи; но только у тѣхъ людей науки, которые въ политической экономіи являются представителями буржуазіи, — у главныхъ представителей господствующихъ школъ; я приведу свидѣтельство прославленнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ именъ буржуазныхъ экономистовъ.

Мнѣ остается предпослать еще одно предварительное замѣчаніе. Авторы, на которыхъ я буду ссылаться распадаются на двѣ группы: на такихъ, которые изъ за указанныхъ недостатковъ, хотѣли бы отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ, — и такихъ, которые этого не хотятъ. Конечно, съ точки зрѣнія практической рутины косвенные налоги имѣютъ извѣстныя крупныя преимущества. Они уплачиваются мелкими взносами незамѣтно для плательщика. А въ особенности они приносятъ чрезвычайно большія суммы

въ государственныя кассы, и трудно, безъ коренныхъ реформъ, возмѣстить выручаемый отъ нихъ доходъ. По этимъ мотивамъ большинство писателей, на которыхъ я буду ссылаться, стоитъ за сохраненіе косвенныхъ налоговъ. Но и эти писатели признаютъ всѣ факты, приведенные въ моей лекціи относительно косвенныхъ налоговъ. На этотъ счетъ, какъ вы увидите, царитъ полное единогласіе!

Такъ какъ судъ первой инстанціи не пожелалъ повѣрить мнѣ на слово, то я возьму сегодня за правило—отнюдь не говорить ничего такого, чего я не могъ бы сейчасъ же подтвердить въ доказательной формѣ. Прежде всего я хочу подтвердить положеніе, лёгшее въ основу моей критики косвенныхъ налоговъ,—что всякій налогъ, который падаетъ на отдѣльное лицо несоотвѣтственно его доходамъ, является неравенствомъ, а стало быть—несправедливостью; что, слѣдовательно, только пропорціональный налогъ есть равный налогъ,—подтвердить ссылкой на авторитетъ, который вы не можете оспаривать, авторитетъ прусскаго законодателя. Уже въ эдиктѣ 28-го апрѣля 1743 г. было сказано: „чтобы въ государствѣ, гдѣ всѣ пользуются одинаковой защитой, всѣ были бы также обязаны принимать участіе въ расходахъ, которые идутъ на эту защиту, и притомъ каждый по состоянію своихъ доходовъ". [1])

Въ своей лекціи я не имѣлъ въ виду излагать цѣлый трактатъ о косвенныхъ налогахъ, а лишь коснулся этого предмета на двухъ страницахъ,—поэтому я обошелъ молчаніемъ другіе существенные недостатки косвенныхъ налоговъ, напримѣръ, непомѣрно высокіе расходы по взиманію ихъ. Поэтому въ лекціи своей я былъ такъ снисходителенъ, что можно было подумать, будто прямой пропорціональный налогъ, взимаемый въ видѣ однообразнаго процента со всякихъ доходовъ, соотвѣтствуетъ основному правилу эдикта.

Но это не такъ. Послушайте, что говоритъ Сэй, глава французскихъ буржуазныхъ экономистовъ, бывшій при Луи Филиппѣ профессоромъ политической экономіи въ Collège de France, самое знаменитое и любимое имя ортодоксаль-

---

[1]) Срав. правительственныя предложенія, сдѣланныя уже въ 1741 году сословіямъ завоеванной Силезіи; см. Ранке: „Новыя книги прусской исторіи", 11, 467.

ной буржуазной экономической школы во Франціи. Въ своемъ „Cours complet d'économie politique“, въ IV гл. VIII ч. на стр. 495 брюссельскаго изданія 1844 г., онъ говоритъ о налогахъ, объ ихъ правомѣрности и границахъ слѣдующее:

„Развѣ простой пропорціональный налогъ для бѣдняка не тяжелѣе, чѣмъ для богатаго? Долженъ ли человѣкъ, добывающій только то количество хлѣба, которое необходимо для прокормленія его самого съ семьей, платить налогъ въ одинаковой пропорціи съ тѣмъ, кто благодаря своимъ особеннымъ талантамъ, своимъ огромнымъ имуществамъ и значительнымъ капиталамъ, доставляетъ себѣ и своимъ близкимъ не только всѣ наслажденія роскоши, но и ежегодно пріумножаетъ свое богатство? Не находите ли вы, что въ подобномъ утвержденіи есть нѣчто, возмущающее чувство справедливости?“

Итакъ Сэй—и съ нимъ очень многіе! — самъ считаетъ пропорціональный прямой налогъ непомѣрно обременительнымъ для менѣе обезпеченныхъ классовъ и требуетъ, чтобы прямой налогъ, справедливости ради, былъ прогрессивнымъ налогомъ, т. е. такимъ, который съ болѣе крупныхъ доходовъ долженъ взиматься и въ большемъ процентномъ отношеніи. Своей аудиторіи объ этомъ я тоже не сказалъ ни слова — такъ мало моя рѣчь была направлена къ возбужденію въ комъ - либо негодованія и презрѣнія!

Но что говоритъ онъ собственно о косвенномъ налогѣ? Буквально слѣдующее (стр. 496, назв. сочин.):

„Обложеніе предметовъ потребленія по необходимости пропорціонально количеству потребляемаго товара; а такъ какъ послѣднее не можетъ быть пропорціонально состоятельности лица, то отсюда слѣдуетъ, что этотъ родъ налоговъ, — играющій главную роль въ странахъ съ высокимъ податнымъ обложеніемъ,—падаетъ на плательщиковъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ они менѣе состоятельны. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, получающій 300.000 франковъ дохода, не смогъ бы потребить сахару или вина въ 300 разъ больше того, кто получаетъ всего 1000 фр. дохода. Менѣе состоятельные люди въ этомъ отношеніи несутъ обратный прогрессивный налогъ, т. е. такой, при которомъ процентъ обложенія тѣмъ выше, чѣмъ ограниченнѣе средства плательщика. Это одинъ изъ самыхъ крупныхъ недостатковъ косвенныхъ

налоговъ, и возрастающая прогрессія для прямыхъ налоговъ была бы справедливой, но недостаточной ему компенсаціей“.

Такъ говоритъ Сэй! А въ слѣдующей главѣ онъ сопоставляетъ преимущества и недостатки косвенныхъ налоговъ (стр. 499):

„Говорили, что косвенные налоги менѣе стѣснительны, и что ихъ легче платить, чѣмъ другіе; говорили даже, что плательщикъ выплачиваетъ ихъ, не замѣчая этого и не отдѣляя ихъ отъ той суммы, которую онъ рѣшается заплатить за право пользованія даннымъ предметомъ. Кажется, чего проще избавиться ему отъ этихъ налоговъ: стоитъ только не разрѣшать себѣ дѣйствій (т. е. потребленія), которыя даютъ поводъ къ взиманію налоговъ. Однако, косвенные налоги сопровождаются многими неудобствами.

„Прежде всего, крупный ихъ недостатокъ заключается уже въ томъ, что производитель не можетъ потреблять свои продукты или тѣ, которые онъ на нихъ могъ бы промѣнять. И какъ разъ на томъ основаніи, что эти налоги недоступны личнымъ жалобамъ, и что агенты фиска могутъ сказать тѣмъ, кто на нихъ жалуется: „Вы вѣдь свободны избавиться отъ нихъ“, — фискъ и могъ дать имъ такое скандальное распространеніе; такъ было съ акцизными сборами въ Англіи и въ управленіи неокладныхъ сборовъ во Франціи.

„Они не находятся, далѣе, въ соотвѣтствіи со средствами плательщика. Соль потребляетъ и богатый и бѣдный, но богатый, имѣющій состояніе въ сто тысячъ разъ большее, чѣмъ бѣдный, не съѣстъ по этой причинѣ соли въ сто тысячъ разъ больше его. Налогъ на напитки заставляетъ 7/8 жителей Франціи лишать себя въ обыденной жизни вина, укрѣпляющаго напитка, который въ избыткѣ доставляется ихъ почвой; это—явное неравенство въ распредѣленіи налоговъ, позволяющее употребленіе продукта одному и запрещающее его другому.

„Этотъ налогъ, далѣе, совершенно не сообразуется с цѣнами. Онъ не можетъ приспособиться ни къ качеству, ни къ размѣрамъ урожая. Такса въ 30 франковъ представляетъ 10% налогъ на бочку вина стоимостью въ 300 франковъ и 300% на бочку въ 10 франковъ; и, что хуже всего, нуждающійся платитъ болѣе высокую таксу, а богатый болѣе низкую.

„Можно поручиться, что изъ всѣхъ налоговъ наиболѣ

неравномѣрно распредѣлены косвенные налоги, и въ націяхъ, гдѣ они преобладаютъ, наиболѣе нуждающіяся семьи приносятся въ жертву. Это одна изъ язвъ Англіи.“

Такъ говоритъ Сэй! Это, господа, только начало цѣлаго ряда цитатъ, — настолько длиннаго, что я, если бы захотѣлъ, могъ бы тутъ цитировать цѣлыхъ двѣ недѣли и больше, — я еще только приступилъ къ цитатамъ, а вамъ можетъ быть, кажется, что этой простой ссылкой на слова вождя господствующей школы буржуазныхъ экономистовъ уже доказано то, что требуется доказать. Какъ вы видѣли Сэй говоритъ совершенно то же самое, что и я, только гораздо суровѣе, въ гораздо болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, гораздо сильнѣе въ смыслѣ широты захвата.

Я говорю, косвенные налоги падаютъ на отдѣльное лицо не пропорціонально его капиталу или доходу; Сэй говоритъ — косвенные налоги представляютъ даже обратно прогрессивный налогъ, который захватываетъ всякаго тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тотъ бѣднѣе. Я говорю — на бѣдные классы черезъ это взваливается непосильное бремя. Нѣтъ, говоритъ Сэй, они этимъ приносятся въ жертву (sacrificés), — закалываются въ жертву. Я говорю — европейская буржуазія не сама выдумала косвенные налоги, они существовали и до нея, но она развила ихъ въ неслыханную систему. Нѣтъ, говоритъ Сэй, она дала имъ скандальное распространеніе.

Я говорю: это — оригинальное противорѣчіе и своеобразная справедливость переложить всю тяжесть государственнаго бюджета на косвенные налоги, а мѣриломъ избирательнаго права, т. е. права политическаго господства, сдѣлать, напротивъ, прямые налоги, которые доставляютъ всего 12 милліоновъ при 108-ми милліонномъ бюджетѣ. Эти прямые налоги я, по крайней мѣрѣ, никому не мѣшаю считать справедливыми и пропорціональными — ибо я былъ очень далекъ отъ намѣренія возбуждать противъ податного строя. Вовсе нѣтъ! говоритъ Сэй, — и прямой налогъ несправедливъ, если онъ не прогрессивный, а возрастающая прогрессія процента обложенія была бы справедливой, но не полной компенсаціей бѣдъ, причиняемыхъ менѣе состоятельнымъ классамъ косвеннымъ налогомъ, который тоже прогрессивный, но въ обратномъ смыслѣ!

Но судьи этого не знали, господа, и я такимъ обра-

зомъ былъ осужденъ за то, что сообщилъ фактъ, прочно установленный въ наукѣ!

Послушаемъ теперь другого изъ знаменитѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ свидѣтелей, на которыхъ можно ссылаться. Человѣкъ такой же крупный экономистъ, какъ и историкъ, знаменитый историческій писатель Франціи и Италіи, Симонъ-де-Сисмонди, членъ Французскаго института, Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Королевской академіи наукъ въ Берлинѣ и столь многихъ другихъ ученыхъ обществъ, что мнѣ пришлось бы потратить нѣсколько минутъ на ихъ перечисленіе, — говоритъ въ своихъ „Nouveaux principes d'économie politique" т. II стр. 207 парижскаго изданія 1819 года, въ главѣ о налогахъ: „Если вы бададите себѣ трудъ перечислить всѣ тѣ части доходовъ богатаго, которые такимъ образомъ ускользаютъ отъ обложенія, то найдете, что самое большее десятая часть его расходовъ окажется обложенной косвенными налогами, что эти налоги тѣмъ болѣе возрастаютъ по отношенію размѣра дохода, чѣмъ ниже мы спускаемся къ менѣе обезпеченнымъ классамъ, а самый обездоленный изъ нихъ, классъ фабричныхъ рабочихъ, ни въ одной части своего дохода не избавленъ отъ налога, такъ какъ ихъ пища почти исключительно состоитъ изъ привозимыхъ въ городъ продуктовъ".

Затѣмъ Сисмонди продолжаетъ: „Такимъ образомъ это очень несправедливый и негуманный проектъ, повторявшійся такъ часто, — отмѣнить всѣ прямые налоги и покрывать всѣ государственные доходы налогами на предметы потребленія, — потому что этотъ проектъ почти равносиленъ предложенію вовсе освободить всѣхъ богатыхъ отъ налоговъ, а всѣ таксы взимать только съ бѣдныхъ. Во многихъ отношеніяхъ это означало бы возвращеніе къ старой феодальной системѣ, когда дворянинъ ничего не платилъ; но это нововведеніе повлекло бы за собой возвышеніе аристократіи, а именно, стоило бы сдѣлаться богатымъ, чтобы благодаря одному этому факту быть избавленнымъ отъ налоговъ".

Итакъ, вы видите, что и этотъ крупный ученый, Сисмонди, какъ и Сэй, впадаетъ въ тотъ же „софизмъ", признаетъ совершенно тѣ же „ложные факты" — только въ болѣе ясной формѣ — за которые мнѣ бросаетъ упреки прокуроръ и за которые я осужденъ. Я говорю дословно

„вся сумма косвенныхъ налоговъ вмѣсто того, чтобы распредѣляться пропорціонально капиталу и доходу отдѣльныхъ лицъ, выплачивается въ своей подавляющей части бѣдными классами населенія. Не въ своей подавляющей части, говоритъ Сисмонди, но почти исключительно онъ выплачивается бѣдняками; а богатые освобождены почти вовсе отъ налоговъ на потребленіе.

Итакъ, уже въ 1819 году это прочно установилось въ наукѣ. А почти пятьдесятъ лѣтъ спустя меня за это обвиняютъ, приговариваютъ и наказываютъ только потому, что какой нибудь прокуроръ и судъ сохранили себя въ блаженномъ невѣдѣніи относительно начатковъ государственныхъ наукъ!

Въ экономической наукѣ есть имя, еще болѣе извѣстное, чѣмъ оба упомянутыя выше и къ тому предшествующее имъ во времени. Я говорю о великомъ основателѣ современной политической экономіи, шотландцѣ Адамѣ Смитѣ, родившемся въ 1723 году, сочиненіе котораго „О богатствѣ народовъ“, появившееся въ 1775 году, составило цѣлую эпоху. Итакъ, послушаемъ Адама Смита по интересующимъ насъ вопросамъ.

„Налоги на необходимые жизненные припасы, говоритъ онъ, [1]. имѣютъ почти такое же вліяніе на участь народа, какъ неплодородная почва или плохой климатъ. Эти налоги удорожаютъ жизненные припасы, какъ будто бы ихъ производство стоило большаго труда и издержекъ, чѣмъ обыкновенно“.

„Налоги этого рода, разъ они достигли извѣстнаго предѣла, являются такимъ же печальнымъ бѣдствіемъ, какъ безплодіе почвы или неблагопріятный климатъ, — и однако они встрѣчаются какъ разъ въ наиболѣе богатыхъ странахъ съ развитой промышленностью. Да никакая другая страна и не въ состояніи была бы перенести такой серьезный недугъ. Только очень крѣпкіе организмы могутъ при самомъ нездоровомъ образѣ жизни оставаться живыми и даже здоровыми; такъ и подъ тяжестью этого рода налоговъ могутъ существовать и даже процвѣтать только тѣ націи, которымъ, благодаря естественнымъ или пріобрѣ-

---

1 Лассаль цитируетъ по французскому изданію Garnier, Paris 1882 t. III p. 82.

теннымъ преимуществамъ, удалось развить промышленность всякаго рода“.

Переходя затѣмъ ближе къ изслѣдованію косвенныхъ налоговъ вообще и ихъ вліянія на положеніе трудящихся классовъ, Адамъ Смитъ говоритъ (кн. V, гл. II, т. IV, стр. 377): „Повышеніе цѣнъ на жизненные припасы, обложенные высокимъ налогомъ, поэтому не ведетъ непремѣнно къ повышенію заработной платы. Напримѣръ, налогъ на табакъ, — хотя это предметъ роскоши, одинаково потребляемый какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ, — не повыситъ заработную плату. Хотя въ Англіи табакъ обложенъ втрое противъ его первоначальной цѣны, а во Франціи въ 15 разъ, все таки такой огромный акцизъ врядъ ли оказалъ какое либо вліяніе на размѣръ заработной платы. То же самое можно сказать о налогахъ на чай и сахаръ, предметы роскоши, вошедшіе въ Англіи и Голландіи въ обычное употребленіе низшихъ классовъ народа.—(Вы же между прочимъ знаете, господа, что чай—такой же обиходный жизненный продуктъ англійскаго рабочаго, какъ у насъ кофе).— То же можно сказать про налогъ на шоколадъ, который въ Испаніи вошелъ во всеобщее употребленіе. Различные налоги на спиртные напитки, которые были введены въ теченіе этого столѣтія въ Великобританіи, не оказали на заработную плату никакого дѣйствія. Вздорожаніе портера, вызванное добавочнымъ налогомъ въ 3 шиллинга на баррель, не смогло повысить заработную плату въ Лондонѣ. (Вамъ извѣстно, господа, что портеръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ употребительныхъ и обычныхъ напитковъ въ низшихъ классахъ народа; самое названіе свое онъ получилъ отъ porte - faix — носильщикъ).

И совершенно такъ же говоритъ онъ о трудящихся классахъ въ другомъ мѣстѣ (кн. I, гл. XI, т. II стр. 147): „Можетъ быть гораздо сильнѣе, чѣмъ отъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ имъ приходится терпѣть, благодаря налогамъ, отъ искусственнаго повышенія цѣнъ на нѣкоторые фабричные товары, — какъ напримѣръ на соль, масло, кожу, свѣчи, солодъ, пиво, мыло и т. д.“.

Уже изъ этого, господа, изъ этихъ прямыхъ, безъ обиняковъ, разъясненій Адама Смита, вы видите, что дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ, какъ думаетъ прокуроръ, — заработная плата не возмѣщаетъ трудящимся классамъ

тотъ налогъ, который они платятъ, покупая предметы потребленія; къ этому пункту я ниже, впрочемъ, вернусь подробнѣе.

Но что думаетъ Адамъ Смитъ по второму вопросу, а именно по вопросу о томъ, дѣйствительно ли, какъ это утверждаю я въ своей лекціи, бѣдные классы выплачиваютъ значительно большую часть косвенныхъ налоговъ? Въ эпоху Адама Смита статистики еще не было, а потому можетъ показаться, что онъ въ этомъ пунктѣ могъ еще ошибаться. Но нѣтъ, господа, это было невозможно. Не имѣя въ своемъ распоряженіи таблицъ статистическихъ цифръ, онъ могъ, какъ я показалъ вамъ въ моемъ возраженіи въ первой инстанціи, вскрыть истинную сущность дѣла на основаніи однихъ только раціоналистическихъ разсужденій и апріорныхъ соображеній.

Онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее (кн. V, гл. II, т. IV, стр. 413): „Слѣдуетъ замѣтить, что общая масса продуктовъ, потребляемыхъ низшими классами народа, вообще тѣми, которые стоятъ ниже средняго класса, гораздо больше — не только по количеству, но и по цѣнности — потребленія средняго и надъ нимъ стоящихъ классовъ. Общая сумма расходовъ низшихъ классовъ значительно больше чѣмъ высшихъ“.

И затѣмъ онъ дѣлаетъ—въ полномъ согласіи со мной—такое заключеніе (стр. 414): „Итакъ, изъ налоговъ на издержки налоги, падающіе главнымъ образомъ на расходы высшихъ классовъ, приносятъ гораздо меньшій доходъ государству, чѣмъ тѣ, которые падаютъ на общіе расходы всего, безъ различія классовъ, народа и даже чѣмъ тѣ, которые падаютъ только на одни низшіе классы“.

Итакъ, высказанныя мною „софизмы“ и „невѣрные факты“ во всѣхъ пунктахъ одинаковы съ утвержденіями Адама Смита! они прочно установились въ наукѣ уже съ 1770 года, стало быть больше ста лѣтъ тому назадъ!

Но можетъ быть вамъ угодно, вмѣсто французовъ и англичанъ, послушать представителей нѣмецкой науки? Я къ вашимъ услугамъ господа!

Послушаемъ, напримѣръ, государственнаго совѣтника герцогства Саксенъ-Кобургскаго, Лотца, напечатавшаго въ 1822 г. трехтомное руководство по государственному хозяйству.

Какъ и другіе до него, онъ доказываетъ — я же объ

этомъ, будучи далекъ отъ намѣренія кого либо возбуждать въ своей аудиторіи, ничего не говорилъ,—что косвенный налогъ увеличиваетъ цѣны на предметы потребленія для менѣе обезпеченныхъ классовъ; при чемъ въ цѣну предметовъ входитъ не только косвенный налогъ полностью, но и огромные расходы по взиманію этихъ налоговъ—въ десять разъ больше, чѣмъ для прямыхъ — но и еще обычная предпринимательская прибыль, которую промышленники взимаютъ съ покупателя за уплоченную ими впередъ сумму налога. Онъ говоритъ (т. III стр. 185): „Это то обстоятельство и дѣлаетъ всякіе непрямые налоги на предметы потребленія всегда такими тяжелыми для большей и бѣднѣйшей части народа. Повышенныя цѣны на предметы первой необходимости, которыя всегда составляютъ неизбѣжное послѣдствіе такой податной системы, безконечно обременяютъ низшій классъ народа, но еще больше, или по крайней мѣрѣ столь же тяжело отзываются на нихъ и барыши, получаемые богатыми за то, что они впередъ вносятъ государственые налоги съ тѣмъ, чтобы потомъ съ лихвой вернуть ихъ съ покупателя. При подобной податной системѣ становится почти немыслимымъ какое либо развитіе дѣятельности и благосостояніе низшихъ и менѣе обезпеченныхъ классовъ“.

Какая возбуждающая сила выраженій, господа! Какимъ мягкимъ, окутаннымъ дымкой, прикрашеннымъ кажется рядомъ съ этимъ все, что говорилъ я! Этотъ чиновникъ и экономистъ продолжаетъ (стр. 186): „Однимъ словомъ обложеніе предметовъ потребленія взваливаетъ всю податную тяжесть какъ разъ на тотъ классъ населенія, которому она менѣе всего подъ силу, и черезъ это нарушаетъ не только равномѣрность въ распредѣленіи общественныхъ повинностей, но и колеблетъ самыя глубокія основы общественнаго благосостоянія“.

И вслѣдъ за этимъ: „Конечно, обезпеченный и богатый могутъ безъ замѣтнаго ущерба для себя выдержать эту податную систему. Но для низшаго и бѣднаго класса народа она всегда ведетъ къ явной гибели. Она тяжка уже и сама по себѣ. Но къ этой тяжести присоединяется еще и другая, происходящая отъ перевѣса, который даетъ эта система богатому надъ бѣднымъ. Главная причина этого гнета и его гибельности для народа лежитъ въ большей настоятельности потребностей бѣднаго сравни-

тельно съ богатымъ; въ особенности же въ томъ, что эта настоятельность вмѣстѣ съ тѣмъ понижаетъ цѣну на его трудъ и на оказываемыя имъ для богатаго услуги и даетъ возможность богатому, продавая бѣдному необходимые предметы потребленія, вымогать изъ него высокія цѣны. Ибо, чѣмъ тяжелѣе положеніе неимущаго народа, и чѣмъ больше даетъ себя чувствовать бремя податей, тѣмъ настойчивѣе ищетъ онъ работу на сторонѣ и тѣмъ тяжелѣе для него становится превосходство богатаго. Налоги на предметы потребленія могутъ вести только къ тому, чтобы непомѣрно усиливать это превосходство богатаго, лежащее въ самой природѣ вещей, и тѣмъ окончательно нарушить необходимую равномѣрность въ распредѣленіи общественныхъ повинностей; все это имѣетъ мѣсто, гдѣ налоги на предметы потребленія взимаются косвеннымъ путемъ".

А на страницѣ 188: „И такимъ образомъ очень легко можетъ произойти, что только что упомянутая подать (налогъ), предположенная по смѣтѣ въ размѣрѣ 25% чистаго дохода, можетъ для бѣднаго вырасти до 40% и болѣе, между тѣмъ какъ богатому придется заплатить меньше 10%, а то и вовсе ничего, быть можетъ онъ противъ прежняго даже кое-что выиграетъ, — понизивъ заработную плату, на что теперь бѣдный будетъ вынужденъ согласиться."

Но къ чему цитировать вамъ, господа, отдѣльныя мѣста изъ писателей экономистовъ? Мнѣ собственно пришлось бы прочитать вамъ цѣлыя библіотеки. Прочтите, напримѣръ, появившійся въ 1813 году спеціальный трудъ ординарнаго профессора государственнаго хозяйства Гейдельбергскаго университета, д-ра Эшенмайера, „О налогахъ на предметы потребленія", гдѣ онъ, приводя одиннадцать доводовъ противъ этого рода обложенія, изъ которыхъ второй гласитъ (стр. 36): „потому что оно никогда не достигаетъ справедливаго и равнаго распредѣленія въ обложеніи богатаго и бѣднаго", а въ четвертомъ доводѣ говоритъ буквально слѣдующее: „потому что оно, падая на безусловно необходимыя жизненныя потребности, обрушивается болѣе всего и болѣе жестоко какъ разъ на болѣе бѣдный классъ націи, наиболѣе многочисленный въ государствѣ". Или послушайте, что говоритъ гессенскій Гофкамеррат Кренке въ 4-й части своихъ „Записокъ по вопросамъ государственнаго хозяйства" на страницѣ 141 и

слѣдующихъ. Тамъ въ отдѣлѣ о косвенныхъ налогахъ читаемъ: „Косвенными налогами я называю по § 10-му, такіе налоги, сумму которыхъ нельзя опредѣлить напередъ и которые взимаются не по установленнымъ правиламъ, но только при извѣстныхъ,—по большей части зависящихъ отъ самого плательщика — условіяхъ и обстоятельствахъ, связанныхъ съ уплатой налоговъ“. „Главныя изъ нихъ: таможенныя пошлины, налоги на предметы потребленія, гербовый сборъ и пошлины на полученіе разныхъ правъ“. „Ясно“,—говоритъ онъ тамъ же на страницѣ 146, — „что, независимо отъ того, предполагается ли обложить положительное или относительное имущество, не можетъ быть справедливымъ обложеніе предметовъ безусловно необходимыхъ или такихъ предметовъ, которые въ силу привычки обратились въ жизненную потребность для значительной массы народа: эти потребности, вообще говоря, находятся въ соотвѣтствіи съ числомъ душъ, а у бѣдныхъ онѣ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у богатыхъ. Но такъ какъ безъ этихъ потребностей нельзя обойтись, то налоги этого рода равносильны подушной подати. Болѣе того, они для бѣдныхъ гораздо тяжелѣе подушной подати: этотъ классъ людей, проводя большую часть своей жизни въ тяжеломъ трудѣ, нуждается въ большемъ количествѣ предметовъ первой необходимости и онъ принужденъ такимъ образомъ покрывать несравненно большую часть государственнаго дохода, чѣмъ приходится на душу населенія.

Онъ указываетъ затѣмъ, что кофе, табакъ, водка и пр., благодаря привычкѣ, тоже являются необходимыми жизненными потребностями, и дѣлаетъ выводъ (стр. 151): „значитъ акцизъ на кофе, табакъ и водку дѣйствуетъ такъ же, какъ подушная подать“.

Или вотъ почитайте фонъ-Ульменштейна „О преимуществахъ и недостаткахъ косвеннаго обложенія“, Дюссельдорфъ, 1831. Или фонъ-Лихтенштерна, „Афоризмы и замѣтки о важныхъ отрасляхъ финансоваго дѣла“, Альтенбергъ, 1821. Или появившееся въ 1822 г. въ Лейпцигѣ „Ученіе о государственномъ хозяйствѣ“ д-ра Бэра, который на стр. 151 разражается такимъ потокомъ гнѣва, отчасти преувеличеннаго“. „Этимъ можетъ быть оправдано то, что я высказалъ публично уже въ 1810 г., и чему я съ тѣхъ поръ постоянно встрѣчалъ подтвержденіе, именно:

непрямые налоги придуманы или грубыми невѣждами или коварными плутами, защищаются умниками и софистами, поддерживаются людьми, больше всего цѣнящими свои удобства, увеличиваются нуждой и до сихъ поръ не уничтожены лишь изъ страха передъ трудностями связанными съ введеніемъ справедливаго налога."

Нѣтъ, господа, косвенные налоги не были придуманы такимъ путемъ, какъ полагаетъ д-ръ Бэръ. Онъ совершенно не замѣчаетъ той внутренней исторической и органической необходимости, вслѣдствіе которой возникли и должны были распространяться косвенные налоги; эту органическую необходимость я въ общемъ достаточно очертилъ въ своей лекціи. Но истинная подкладка, вполнѣ оправдывающая эту гнѣвную вспышку д-ра Бэра, теперь вамъ, конечно, ясна послѣ изложенныхъ единогласныхъ свидѣтельствъ научныхъ авторитетовъ.

Но я нарочно привелъ это мѣсто изъ книги д-ра Бэра, чтобы показать вамъ, какой свободой печати и слова пользовались въ Германіи прежде, при абсолютизмѣ.

Дѣйствительно, обратимся къ моему спокойному, умѣренному и строго объективному изложенію: косвенный налогъ падаетъ на отдѣльныхъ лицъ непропорціонально ихъ капиталу и доходу, и черезъ это значительно большую часть бремени косвенныхъ налоговъ выносятъ на своихъ плечахъ неимущіе классы населенія; такъ что это можно признать институтомъ, обезпечивающимъ за крупнымъ капиталомъ по возможности полную свободу отъ налоговъ, которою раньше, въ феодальную эпоху пользовалось дворянское землевладѣніе;—если меня за это объективное и неотразимое объясненіе приговариваютъ къ четыремъ мѣсяцамъ тюрьмы,—то того экономическаго писателя, который по отношенію къ косвенному налогу позволилъ себѣ такую несдержанную выходку, и не только въ книгѣ, но, какъ онъ самъ признаетъ, въ публичной рѣчи, слѣдовало бы немедленно обезглавить!

Всѣ авторитеты, на которые я до сихъ поръ ссылался, писали послѣ Адама Смита. Но нужно ли было, дѣйствительно, то новое обоснованіе, которое дано Смитомъ политической экономіи, чтобы понять такія простыя и ясныя вещи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь? Ничуть не бывало, господа!

Прочтите знаменитое произведеніе; „Recherches et

Considerations sur les finances de France“, которое появилось въ 1758 г. въ Базелѣ въ двухъ большихъ томахъ in quarto, сначала безъ имени автора, каковымъ на самомъ дѣлѣ былъ Фарбоинэ, главный инспекторъ королевскаго монетнаго двора во Франціи. На страницѣ 260, т. I, онъ сознается, что отмѣна косвенныхъ налоговъ и переложеніе тяжести государственныхъ расходовъ на прямой подоходный налогъ—есть цѣль, къ которой должны стремиться всѣ финансисты ради справедливости и общаго благосостоянія и въ видахъ усиленія могущества самого государства.

Онъ горячо и горько жалуется на невозможность достаточнаго потребленія, на которое, благодаря косвеннымъ налогамъ, обречены менѣе состоятельные классы. Онъ говоритъ, разсматривая для примѣра Лангедокскую провинцію (т. I, стр. 319): „Есть и другая внутренняя язва въ Лангедокѣ, относительно которой богатые хранятъ тайну, и которая въ концѣ концовъ должна принести этой провинціи огромный вредъ“. „Это зло, — говоритъ онъ, — состоитъ въ томъ, что цѣны на землю и на всѣ товары поднялись, между тѣмъ ремесленники, мелкіе фермеры и сельскіе рабочіе находятся въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ“. „Какая же причина такого, на первый взглядъ, необычайнаго факта? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ на это: „Причина та, что поденная плата на сельскихъ работахъ не возрастаетъ пропорціонально вздорожанію товаровъ; во многихъ мѣстахъ она стоитъ и сейчасъ на 6 су, какъ стояла и сто лѣтъ тому назадъ; вотъ истинный источникъ той неурядицы, за которымъ скрывается плохо понятый личный интересъ“. Во многихъ отношеніяхъ слѣдовало бы запечатлѣть въ своей памяти эти благородные слова Фарбоинэ! Свою точку зрѣнія онъ примѣняетъ и къ случаю войны: „Въ богатой странѣ при всякомъ положеніи вещей всегда возможно, въ случаѣ войны, учредить значительный податной фондъ, который не затронетъ классъ бѣднѣйшихъ гражданъ“. И съ благороднымъ негодованіемъ онъ восклицаетъ (т. II стр. 83): „Большую сумму можно было бы собрать съ обезпеченныхъ семей, отнявъ какихъ нибудь 10 червонцевъ отъ ихъ забавъ и легкомысленныхъ тратъ, и рабочіе знали бы объ этомъ только по наслышкѣ. Но,—прибавляетъ онъ,— если бы появился законъ о такомъ налогѣ, вводящій такой

налогъ, то мы услышали бы крики и ропотъ двухъ трехъ милліоновъ людей: ничего не требуйте съ насъ, берите все съ деревни; правда, прибавятъ они холодно, народъ страдаетъ, но общій интересъ долженъ взять верхъ надъ частнымъ интересомъ, да и вовсе нѣтъ нужды, чтобы этотъ сортъ людей (низшій классъ) жилъ въ покоѣ и довольствѣ".

Пойдемте еще дальше въ глубь временъ, заглянемъ въ еще болѣе знаменитое произведеніе, появившееся въ 1697 г.: „Le dètail de la France" Буагильбера, lieutenant gènèral au baillage de Rouen, котораго прозвали Христофоромъ Колумбомъ политической экономіи.

Эта книга, написанная съ благороднѣйшимъ жаромъ краснорѣчивой страсти, есть съ начала до конца непрерывное доказательство бѣдственности и несправедливости косвенныхъ налоговъ.

Буагильберъ показываетъ, какимъ путемъ тогдашніе косвенные налоги во Франціи — taille — или налогъ на земледѣліе; aides — или подать съ вина, douane (таможенная пошлина), — повышая цѣны продуктовъ, дѣлаютъ для населенія, въ особенности для бѣдныхъ классовъ его, потребленіе недоступнымъ; какъ они изнуряютъ народъ и тѣмъ самымъ, — путемъ обратнаго дѣйствія, — приносятъ ущербъ и обезпеченнымъ классамъ, не подозрѣвающимъ даже этого обстоятельства; онъ доказываетъ, наконецъ, что страна легко могла бы платить королю налоги въ двойномъ размѣрѣ и даже больше, еслибы только обычай раскладки, имѣющій мѣсто при косвенномъ обложеніи, не приносилъ такого непоправимаго вреда.

„Потребленіе прекратилось",—восклицаетъ онъ,[1]—„потому что ему поставлены непреодолимыя препятствія и оно стало абсолютно невозможнымъ". „Въ самомъ дѣлѣ",—говоритъ онъ,[2]—„бывали года, когда въ розничной продажѣ налогъ былъ въ 20 разъ больше оптовой цѣны товара; это до такой степени сокращаетъ потребленіе, что бѣдные рабочіе принуждены пить воду, такъ какъ вино продается по непомѣрно высокой цѣнѣ". Онъ показываетъ,[3] какъ это прекращеніе потребленія вина со стороны рабочихъ должно

---

[1] Гл. II. т. I стр, 184 Большой французской Collections des économistes.
[2] Гл. X. т. I стр. 194
[3] Гл. XIX. стр. 200

въ свою очередь повести къ прекращенію цѣлаго десятка другихъ производствъ: то же происходитъ и со всѣми другими товарами. Сокращеніе потребленія любого изъ нихъ, вызванное вышеуказанной неурядицей, непремѣнно влекло бы за собой остановку десяти или двѣнадцати другихъ ремеслъ, которые велись на тѣхъ же началахъ; это затѣмъ отражалось на королѣ и другихъ органахъ государства. Онъ прямо называетъ[1] эти „aides" ужасающими „droits effroyables". Онъ приписываетъ имъ „сокращеніе потребленія, а слѣдовательно и раззореніе страны ради частнаго интереса, не оправдывающаго и тысячной доли того вреда, который наносится этими налогами государственному организму, этому общему источнику, изъ котораго король извлекаетъ всѣ свои доходы".

И онъ даетъ слѣдующее въ высшей степени замѣчательное обоснованіе такихъ налоговъ.[2] „Во Франціи вѣчно слышатся жалобы противъ налоговъ, — и богатые кричатъ гораздо больше, чѣмъ бѣдные, вслѣдствіе укоренившагося у насъ печальнаго обыкновенія не соблюдать никакой справедливости въ распредѣленіи общественныхъ повинностей; вслѣдствіе этого создался такой порядокъ вещей, что всякій, кто только можетъ, старается избавиться отъ налоговъ, и кто сильнѣе, тотъ меньше платитъ, потому что ему легче отстоять себя. А такъ какъ жалобами и воплями успѣшнѣе всего можно добиться льготъ для себя, то понятно, что раздаваясь гораздо громче изъ устъ богачей, чѣмъ бѣдняковъ, они приводятъ къ тому, что послѣдніе всегда угнетены; а это, какъ я показалъ, отражается на богатыхъ и ведетъ въ концѣ концовъ къ раззоренію и тѣхъ и другихъ". „Довольно таки печально положеніе перваго министра"[3], — говоритъ онъ, возвращаясь снова къ этому вопросу, — „который видитъ, что вся страна охвачена движеніемъ и всѣ интриги пущены въ ходъ, не только съ цѣлью обмануть его, но и для того, чтобы заставить его принести въ жертву интересамъ кучки людей своего короля и свой народъ: в ѣ д ь в с ѣ э т и л ю д и, с ч и т а ю щ і е, ч т о о н и о д н и с о с т а в л я ю т ъ в е с ь м і р ъ, р у к о-

---

[1] ч. VI, гл. IV стр. 212
[2] ч. II, гл. VIII стр. 225
[3] стр. 223

плещутъ ему лишь постольу, поскольку онъ попадается въ расставленныя ими сѣти, и онъ не можетъ сдѣлать шагу назадъ, безъ того, чтобы вся эта клика не очутилась у него на шеѣ".

Какое поразительное сходство съ тѣмъ, что мы видимъ теперь! Не кажется ли вамъ, что эти слова,—которыя относятся, конечно, не только къ первому министру, но и ко всякому, кто вздумалъ бы говорить въ защиту бѣдныхъ классовъ,—написаны теперь?

Буагильберъ резюмируетъ сказанное имъ слѣдующими словами, обращенными къ королю:

„Государь, Вамъ важно вѣдь только, чтобы вамъ платили, вы хотите получать возможно больше денегъ; но тотъ способъ, который вы для этого употребляете, кажется намъ придуманнымъ какъ бы нарочно для того, чтобы раззорить насъ, а вмѣстѣ съ нами и васъ; все наше и ваше богатство происходитъ только отъ продажи сельскохозяйственныхъ продуктовъ вашей страны, поэтому, то, что вы предлагаете, должно погубить все. Но пусть Ваше Величество опредѣлитъ, сколько Вамъ слѣдуетъ по Вашему расчету; мы готовы удвоить вамъ эту сумму,—только предоставьте намъ полную свободу продавать и потреблять, что и какъ намъ покажется лучшимъ и болѣе удобнымъ".

Я могъ бы вамъ прочитать обильныя извлеченія изъ знаменитой книги Projet d'un dîme royale" маршала Вобана, который будучи однимъ изъ знатнѣйшихъ людей Франціи, тѣмъ не менѣе сохранилъ въ своемъ сердцѣ горячую отзывчивость къ страданіямъ народа.

Бросимъ взглядъ при этомъ обозрѣніи различныхъ народовъ и на Нидерланды. Въ одномъ только 1748 году тамъ появилось не менѣе восьми сочиненій, направленныхъ противъ обложенія предметовъ потребленія; перечень ихъ вы найдете въ 1012-мъ примѣчаніи книги гейдельбергскаго ученаго д-ра Этіена Ласпэйреса „Исторія экономическихъ воззрѣній нидерландцевъ", изданной и увѣнчанной преміей Королевскимъ обществомъ князя Яблоновскаго.

Однако, я замѣчаю, что опять попалъ въ 18-ое столѣтіе. Сдѣлаемъ поэтому большой скачекъ и перенесемся на 215 лѣтъ назадъ, въ 1649-ый годъ! Въ этомъ году испанецъ Діего Сааведра Фахардо выпустилъ въ свѣтъ свою книгу „Idea Principis Christiano-Politici, гдѣ въ символѣ 67-омъ, на 557 стр. Кёльнскаго изданія 1850 г., по которому

я цитирую, сказано: „Nec imponi debent tributa iis rebus, quae ad vitam praecise sustentandam sunt necessariae; sed iis potius, quae deliciis deserviunt aut curiositati aut ostentationi et pompae; sic enim fiet, ut correcto immodico luxu, major oneris pars incumbat in ditiores et magis potentes et subleventur agricolae et opifices, quae communítatis pars vel maxime foventa et conservanda est in Republica“[1]

А то не хотите ли еще на столѣтіе назадъ? Въ 1584 году Жанъ Бодинусъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „de Republica“ (стр. 661 и 663) писалъ:

„Quod si qvis est qui scire de mę velit, quodnam genus vectigalium immortali Deo gratissimum, civitatibus pulcherrimum, principibus honestissimum, plebi utilissimum videatur illud est, quod iis rebus imponitur, quae ad corrumpendas civium mores, quae ad delicias, quae ad luxum, quae ad libidinem spectant..... rerum vero civibus utilium aut nulla, aut levissima praetia esse debentur; ut vectigal facilius dissolveretur et peregrini mercatores ad eas res maiore copia advehendas allicerentur. Etenim Romanis legibus vectigalia nulla indicta sunt earum rerum, quae ad vitam commodius honestiusque degenda apportantur“. [2]

Итакъ, вотъ уже три столѣтія — я могъ бы и дальше продолжать этотъ историческій обзоръ, но думаю, что при-

---

[1] Не слѣдуетъ облагать налогами тѣ предметы, которые безусловно необходимы для поддержанія жизни; но лучше облагать тѣ, которые служатъ наслажденіямъ или любопытству, или тщеславію и роскоши; такимъ образомъ произойдетъ, что непомѣрная роскошь будетъ задержана, большая часть бремени будетъ возложена на болѣе богатыхъ и сильныхъ, и будетъ оказана поддержка земледѣльцамъ и ремесленникамъ, т. е. той части государства, которую едва ли не больше всѣхъ должно щадить и сохранять“.

[2] „Если бы кто нибудь захотѣлъ отъ меня узнать, какой видъ налоговъ наиболѣе пріятенъ безсмертному Богу, наиболѣе прекрасенъ для гражданъ, наиболѣе почетенъ для государя, всего полезнѣе для народа, то я бы отвѣтилъ: это тотъ, который взимается съ предметовъ, ведущихъ къ развращенію нравовъ гражданъ, ведущихъ къ наслажденію, къ роскоши и пороку,... налоги же на предметы полезные для гражданъ, либо не должны взиматься совсѣмъ, либо въ очень незначительномъ размѣрѣ, для того, чтобы пошлина уплачивалась безъ труда и иностранные купцы поощрялись бы такимъ образомъ подвозить эти предметы въ большомъ количествѣ. Дѣйствительно, римскіе законы не облагали пошлинами тѣ предметы ввоза, которые дѣлаютъ нашу жизнь болѣе удобной и пріятной“.

веденнаго для васъ достаточно — уже цѣлыя три столѣтія эти научныя положенія переходятъ изъ одной книги въ другую. Нѣтъ ни одного учебника, гдѣ бы ихъ не было,— и вотъ почему весь возбужденный противъ меня процессъ такъ нелѣпъ.

Всякое общественное положеніе налагаетъ на человѣка особыя нравственныя обязательства. Ученый изъ исторіи знаетъ, что очень часто приходится новыя крупныя открытія дѣлать за свой собственный рискъ, что онъ изъ-за этого подвергается преслѣдованію, поношенію и наказанію. Это очень печально, но это такъ; онъ знаетъ это, и наградой ему въ такихъ случаяхъ служитъ его собственная гордость.

Но подвергнуться наказанію за избитую истину, которая уже цѣлыхъ 300 лѣтъ перескакиваетъ изъ одной научной книги въ другую вплоть до послѣдняго учебника, подвергнуться наказанію только потому, что ни прокуроръ, ни судьи никогда не брали въ руки учебника по государственному хозяйству,— это ужасно, это возмутительно! Или же, если хотите, потерпѣвшій лучше сдѣлаетъ, если махнетъ рукой и, забывъ о всякомъ гнѣвѣ, преисполнится невыразимой кротостью и всепрощеніемъ!

Но прокуроръ приводилъ, помнится, еще одинъ доводъ или, по крайней мѣрѣ, подобіе его — и справедливость требуетъ разсмотрѣть его подробнѣе.

Прокуроръ сказалъ (см. стр. 31 и 20 стеногр. отчета), будто косвенные налоги, повышая цѣны на продукты, не могутъ, однако, обременять рабочее сословіе потому, что „высота заработной платы измѣняется въ той же пропорціи“, соразмѣряется съ цѣнами на продукты, а тѣмъ самымъ и съ размѣромъ косвенныхъ налоговъ,— стало быть рабочему сословію не приходится платить вовсе никакого налога.

Господа, прокуроръ, повидимому, когда то слышалъ про извѣстный экономическій законъ, что заработная плата въ среднемъ всегда выражаетъ стоимость скудныхъ средствъ пропитанія, безусловно необходимыхъ для продленія жизни рабочаго. Слѣдовательно, заключаетъ изъ этого прокуроръ, рабочимъ безразлично, насколько возрастаетъ цѣна продуктовъ подъ вліяніемъ косвенныхъ налоговъ. Заработная плата, по его мнѣнію, измѣняется сообразно цѣнамъ на средства пропитанія и возрастаетъ вмѣстѣ съ ними, а по-

тому косвенные налоги выплачиваются въ концѣ концовъ не рабочими, а предпринимателями.

При такомъ распространительномъ толкованіи это умозаключеніе объясняется, безъ сомнѣнія, только полной неосвѣдомленностью прокурора. Ни одному экономисту никогда и въ голову не приходило выступить съ подобнымъ утвержденіемъ. Напротивъ, господа, припомните цитированныя мною подлинныя слова Адама Смита по этому поводу,— что для рабочаго ощутительна тяжесть налоговъ на чай, кофе, пиво, масло, мыло, свѣчи, табакъ, вызывающихъ вздорожаніе цѣнъ на эти продукты; слѣдовательно, налоги эти не уравниваютъ повышенной заработной платы, несмотря на то, что эти предметы въ дѣйствительности и по собственному объясненію Адама Смита являются постоянными потребностями жизненнаго обихода рабочаго.

Это мѣсто такъ важно, что я приведу его здѣсь еще разъ: „Можетъ быть гораздо сильнѣе, чѣмъ отъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, имъ приходится терпѣть отъ искусственнаго повышенія, благодаря налогамъ, цѣнъ на нѣкоторые фабричные товары, — какъ напримѣръ на соль, мыло, кожу, свѣчи, солодъ, пиво, масло и т. д.“.

Вы припомните также и то прочитанное мной мѣсто, гдѣ Адамъ Смитъ доказываетъ, что несмотря на вызванное налогами вздорожаніе табака, чая, сахара и портера не произошло никакого повышенія заработной платы, хотя, какъ онъ самъ говоритъ, всѣ эти продукты въ Англіи составляютъ обычную, насущную жизненную потребность самаго низшаго класса народа. (Des dernières classes du peuple).

Адаму Смиту, конечно, и на мысль не приходило говорить что нибудь похожее на то, что рѣшается утверждать прокуроръ.

Однако, нѣчто другое и, пожалуй сходное тому, что говорилъ прокуроръ, Адамъ Смитъ и его еще болѣе великій преемникъ Рикардо, дѣйствительно утверждали—это то, можетъ быть, и дало поводъ прокурору смѣшать одно съ другимъ.

Именно, о безусловно и насущно необходимыхъ потребностяхъ, подъ которыми онъ разумѣлъ, главнымъ образомъ, хлѣбъ, Адамъ Смитъ и за нимъ Рикардо утверждали, что, такъ какъ заработной платы во всякомъ случаѣ должно хватать на безусловно необходимое

пропитаніе, то вызванное налогомъ увеличеніе цѣны на хлѣбъ возмѣщается рабочему всегда въ заработной платѣ и падаетъ, стало быть, не на него, а на предпринимателя и капиталиста.

Если даже принять, что это такъ, то все таки это совершенно къ данному случаю не относится, потому что рабочій живетъ вѣдь не однимъ хлѣбомъ, ему нужны и пиво, чай, кофе, табакъ, мыло, свѣчи и т. д. Налогъ на эти предметы падаетъ, по Адаму Смиту, полностью на рабочаго, но вѣдь я въ своей лекціи говорю отнюдь не о налогахъ спеціально *на хлѣбъ*, а о косвенныхъ налогахъ вообще; со всѣмъ же, что я сказалъ о нихъ, согласны и Смитъ и Рикардо.

Однако, можно ли согласиться со Смитомъ и Рикардо, что хотя бы только по отношенію къ *безусловно необходимому* средству пропитанія, къ *хлѣбу*, дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что рабочій можетъ налогъ на хлѣбъ переложить на предпринимателя въ видѣ заработной платы?

Нѣтъ, господа! Это утвержденіе совершенно невѣрно! Прошло сорокъ лѣтъ со времени Рикардо, и ошибочность этого взгляда теперь въ наукѣ никѣмъ не оспаривается. Чего вамъ больше: даже сама школа Смита и Рикардо,— несмотря на то упорство, съ какимъ англичане любятъ держаться за авторитетъ своихъ великихъ учителей,— должна была признать эту ошибку и отказаться отъ нея.

Я приведу вамъ трояκаго рода доказательства:

1) внѣшнее доказательство, гдѣ просто сошлюсь на новѣйшіе научные авторитеты;

2) внутреннее доказательство, посредствомъ соображеній, вскрывающихъ ошибочность этого утвержденія:

3) статистическое доказательство, подтверждающее правильность этихъ соображеній.

Итакъ, прежде всего авторитеты.

Возьмемъ руководство политической экономіи гейдельбергскаго профессора, тайнаго совѣтника Карла Рау, изданіе третье 1851 г. Учебникъ Рау не стремится выдвинуть *свои* собственные, отличные отъ общепринятыхъ, взгляды, да это и не въ натурѣ автора. Профессоръ Рау задался цѣлью лишь дать сводку *господствующихъ* въ настоящее время мнѣній въ наукѣ. По интересующему насъ вопросу онъ говоритъ (т. III. 2 Отд. § 421):

„Налогъ на необходимыя жизненныя средства, каковы картофель, хлѣбъ, дрова, полотно и т. п. очень убыточенъ и дѣйствуетъ такъ же, какъ подушная подать, такъ какъ взносъ каждаго плательщика опредѣляется главнымъ образомъ числомъ его домочадцевъ, но потому то онъ и нарушаетъ основное правило (принципъ), что мѣриломъ податного обложенія должна быть платежеспособность. Эти налоги нѣкоторые брали подъ свою защиту въ надеждѣ, что они будутъ переложены на работодателя, ибо, по ихъ мнѣнію, въ каждый данный моментъ необходимое содержаніе обезпечивается имъ заработной платой. Однако, такого переложенія съ увѣренностью ожидать нельзя. Заработная плата соотвѣтствуетъ только потребности средней семьи, а потому отецъ многочисленнаго семейства не получитъ въ ней должнаго возмѣщенія при вздорожаніи предметовъ первой необходимости. Вообще заработная плата обнаруживаетъ меньшую подвижность, чѣмъ цѣны товаровъ. Хотя стоимость необходимыхъ средствъ пропитанія всегда служитъ для величины заработной платы исходнымъ пунктомъ, однако отношеніе предложенія труда къ спросу на него оказываетъ сильное вліяніе на положеніе наемныхъ рабочихъ. До тѣхъ поръ, пока заработная плата стоитъ выше предѣла, опредѣляемаго насущнѣйшими жизненными потребностями, она при неблагопріятной конкурренціи можетъ понизиться, и вздорожаніе средствъ пропитанія не въ состояніи тотчасъ же ее повысить. Если капиталъ націи не возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ численность населенія, то упомянутые налоги ложатся цѣликомъ или отчасти на рабочихъ, до тѣхъ поръ, пока, когда нибудь впослѣдствіи, замедленіе роста населенія не подниметъ уровня заработной платы. Въ этомъ случаѣ налоги подобнаго рода окажутся, слѣдовательно, очень вредными".

Итакъ, вы видите, что профессоръ Рау вполнѣ подтверждаетъ сказанное мною. Онъ кромѣ того констатируетъ, между прочимъ, что налоги на хлѣбъ дѣйствуютъ какъ подушная подать, т. е. каждый, богатъ ли онъ или бѣденъ, платитъ одинаковый по абсолютной величинѣ налогъ,—это гораздо сильнѣе и рѣзче, нежели мои утвержденія о непропорціональности ихъ.

Или возьмите „Систему народнаго хозяйства" лейпцигскаго профессора политической экономіи д-ра Рошера, 3-ье изданіе 1858 г. Профессоръ Рошеръ тамъ говоритъ

(т. I, § 164): „Какъ удешевленіе средствъ пропитанія,—если только кругъ потребностей рабочаго сословія соотвѣтственно не расширяется,—имѣетъ слѣдствіемъ (вызываетъ) паденіе заработной платы, такъ и вздорожаніе ихъ,—если заработная плата уже стояла такъ низко, что могла удовлетворить только необходимыя потребности,—должно повлечь за собой повышеніе заработной платы. Въ первомъ случаѣ переходъ повышается спокойно и удобно, во-второмъ—онъ полонъ самыхъ печальныхъ кризисовъ. Чѣмъ медленнѣе совершается поднятіе цѣнъ на необходимыя жизненныя средства, тѣмъ скорѣе можно опасаться, что рабочіе будутъ реагировать на это не переселеніемъ, не пониженіемъ числа браковъ и т. п., а пониженіемъ уровня потребностей, веденіемъ въ свой обиходъ худшихъ пищевыхъ продуктовъ и т. д. Впрочемъ все это относится лишь къ длительнымъ измѣненіямъ стоимости жизненныхъ припасовъ, какъ это обусловливается, напримѣръ, развитіемъ земледѣлія, налогами и пр.

Руководства профессора Рау и профессора Рошера—самые выдающіеся изъ существующихъ нынѣ учебниковъ. Обоихъ я могу, по моему искреннему научному убѣжденію, хатактеризовать только какъ неисправимыхъ оптимистовъ. Вы это, можетъ быть, сами замѣтили по той борьбѣ, съ которой они признаютъ непріятную для нихъ истину: они высказываютъ ее съ неудовольствіемъ, противъ собственной воли и прибѣгая къ разнымъ оговоркамъ и условнымъ смягченіямъ. И все же это признаніе по существу дѣла совершенно опредѣленно и рѣшительно. Дѣло обстоитъ не такъ, какъ полагали еще Смитъ и Рикардо, и ошибочность ихъ ученія въ этомъ пунктѣ теперь вполнѣ признана.

Покончивъ пока на этомъ съ авторитетами, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію внутреннихъ соображеній, вскрывающихъ ошибочность утвержденія Рикардо; они уже отчасти намѣчены въ приведенныхъ мною цитатахъ и выяснятъ вамъ дѣло отчетливѣе, совершенно не оставивъ мѣста сомнѣніямъ. Я приведу вамъ четыре соображенія.

Первое таково:

Если цѣна хлѣба благодаря налогамъ увеличивается, то возникаетъ между отдѣльными сословіями общества всеобщая борьба съ цѣлью взвалить бремя этихъ налоговъ

другъ на друга. Если бы рабочіе, которые находятся въ этой борьбѣ въ самомъ невыгодномъ положеніи, такъ какъ они живутъ только ежедневнымъ потребленіемъ,—и вышли изъ борьбы побѣдителями, то это во всякомъ случаѣ было бы мыслимо лишь послѣ очень продолжительнаго времени и послѣ величайшихъ мученій.

Да и возможна ли вообще побѣда, разъ высота заработной платы, какъ единогласно признаютъ всѣ экономисты, зависитъ отъ отношенія предложенія труда къ спросу на него, т. е. отъ количества ищущихъ работу и отъ размѣра той части національнаго капитала, которая идетъ на оплату труда. Наличный капиталъ націи, фондъ заработной платы, путемъ косвенныхъ налоговъ не только не увеличивается; но, по Смиту и Рикардо, еще значительно уменьшается, пока же число самихъ рабочихъ не уменьшилось, заработная плата повыситься не можетъ, такъ какъ фондъ заработной платы — т. е. идущая на оплату труда часть капитала — а стало быть и спросъ на рабочія руки не увеличился. И по теоріи Смита и Рикардо какъ разъ выходило бы, что рабочій испытываетъ теперь двойной гнетъ, попадаетъ между двухъ огней: съ одной стороны на него обрушивается дороговизна хлѣба, а за спиной у него стоитъ уменьшеніе предпринимательскаго капитала, грозящее ему пониженіемъ спроса на его трудъ. Можетъ ли быть тутъ рѣчь о повышеніи заработной платы!

Но это только первое соображеніе. Второе же заключается вотъ въ чемъ:

Конечно, если гдѣ нибудь, какъ напр. въ Ирландіи или у индійскихъ „райя“ (Ryot) заработная плата стоитъ уже такъ низко, что лишь съ трудомъ обезпечиваетъ самое скудное существованіе,—тамъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ непремѣнно влечетъ за собой и повышеніе заработной платы. Это безусловно вѣрно. Только вотъ любятъ экономисты обходить молчаніемъ тотъ процессъ, который въ дѣйствительности приводитъ къ этому повышенію заработной платы. О такихъ вещахъ говорить неудобно. Къ нимъ примѣнимо то, что говоритъ Мефистофель во 2-й части „Фауста“ о матеряхъ: „Von ihnen sprechen ist Verlegenheit“ [1].

---

[1] О нихъ говорить неудобно.

А если я и могъ бы, подобно Мефистофелю, сказать въ данномъ случаѣ: „Ungern verrath ich höheres Geheimniss“ [1], — то я принужденъ къ этому, какъ и Мефистофель, всѣмъ ходомъ дѣла.

Процессъ этотъ происходитъ такъ: Когда гдѣ либо, какъ у ирландцевъ или индійцевъ „райя“, заработная плата стоитъ на самомъ низкомъ минимумѣ того, что необходимо для поддержанія жизни, тогда — я отсылаю васъ къ Мальтусу, къ „Histoire de deux Indes“ аббата Рейналя, къ „History of Britisch India“—тогда вздорожаніе хлѣба вызываетъ въ рабочемъ сословіи болѣзни, истощеніе, голодную смерть. И намъ знакомо это явленіе — подъ именемъ „тифа силезскихъ ткачей“! И вотъ, когда ангелъ смерти достаточно долго свирѣпствовалъ среди рабочихъ, когда онъ достаточно долго подкашивалъ ихъ жизни и мѣшалъ образованію новыхъ семей, когда онъ, путемъ „превентивныхъ и деструктивныхъ [2]. препятствій“, какъ искусственно выражается Мальтусъ, достаточно опустошилъ ихъ ряды,—тогда, да, господа, только тогда, заработная плата повысится вмѣстѣ съ повышеніемъ цѣны на хлѣбъ, вызваннымъ налогами: рабочихъ стало меньше, предложеніе рабочихъ рукъ, сравнительно со спросомъ на нихъ, сильно уменьшилось, и заработная плата снова оказывается на уровнѣ необходимыхъ средствъ существованія.

Наукѣ знакомъ этотъ процессъ; послѣ долгихъ и горячихъ споровъ онъ отмѣченъ въ ея протоколахъ и сданъ въ архивъ исторіи литературы. Когда ученые авгуры вѣщаютъ о повышеніи заработной платы подъ вліяніемъ поднятія хлѣбныхъ цѣнъ, безъ увеличенія одновременно національнаго капитала, а слѣдовательно и спроса на рабочихъ, то они совершенно точно знаютъ, какіе процессы при этомъ подразумѣваются и подъ вліяніемъ какихъ факторовъ это въ дѣйствительности происходитъ. Только вотъ не любятъ господа ученые объ этомъ распространяться и вмѣсто болѣе широкаго изложенія вопроса прибѣгаютъ къ достаточно знакомой посвященнымъ „фигурѣ умолчанія“. Я же считалъ своей обязанностью, господа, разъяснить вамъ тѣ интересные факторы, подъ вліяніемъ которыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ происходитъ повышеніе заработной платы!

---

[1] Неохотно выдаю я эту тайну.

[2] Preventif—предохранительный, destructif—разрушительный.

Но мы еще не „объирландились“, господа! Нѣмецкое рабочее сословіе, вообще говоря, еще не дошло до положенія ирландцевъ, индійскихъ „райя“ или силезскихъ ткачей. Ему еще есть, что терять! Правда, заработная плата даетъ только необходимое пропитаніе, но такое, какое обычно является у насъ жизненно необходимымъ. Въ числѣ этихъ обыденныхъ жизненныхъ потребностей у насъ считаются, какъ вамъ говорилъ это Адамъ Смитъ про Англію, хотя если и не въ той же мѣрѣ, какъ въ Англіи: кофе (или чай), сахаръ, пиво, табакъ, мясо, масло, мыло, свѣчи и т. п. Вообще нѣмецкое рабочее сословіе еще не низведено до той ступени существованія, на которой находится ирландецъ, принужденный питаться однимъ картофелемъ и спать со свиньями!

Итакъ, обыденныя жизненныя потребности нашего рабочаго сословія таковы, что отъ нихъ можно еще кой чего урѣзать. А пока это такъ — вздорожаніе хлѣба подъ вліяніемъ косвенныхъ налоговъ падаетъ на рабочее сословіе. Косвенные налоги тяжелое бремя, которое понижаетъ standart of life [1]. рабочаго класса, о которомъ вамъ всѣ экономисты скажутъ, что отъ его возможнаго повышенія зависитъ всякая культура и всякій прогрессъ страны! Это и сказали вамъ Рау и Рошеръ тѣми словами, которыя я прочиталъ. Теперь я вамъ приведу доказательства тому, что это теперь признано самими англійскими экономистами, а именно теперешними главарями смито-рикардовской школы, сознавшими, хотя и неохотно, и противъ воли, ошибку своихъ маэстро.

Послушаемъ, прежде всего, наиболѣе блестящаго изъ современныхъ представителей школы Рикардо въ Англіи, Джона Стюарта Милля. Въ своихъ „Основаніяхъ политической экономіи“ онъ говоритъ — я цитирую по нѣмецкому изданію Зётбера (т. I, стр. 305): „Когда, напримѣръ, устанавливается налогъ на зерновой хлѣбъ, и цѣна хлѣба возрастаетъ на величину налога, то это возрастаніе можетъ имѣть двоякаго рода послѣдствія. Во первыхъ, оно можетъ ухудшить положеніе трудящихся классовъ; и на нѣкоторое время это ухудшеніе не замедлитъ обнаружиться. Уменьшится ли черезъ это потребленіе сельскохозяйственныхъ продуктовъ или оно направится на пи-

[1] Жизненный уровень.

щевые продукты, доставляемые почвой въ большемъ изобиліи и дешевле — все равно, это будетъ содѣйствовать тому, что сельское хозяйство будетъ вестись только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля плодороднѣе или гдѣ веденіе хозяйства дешевле, а потому и цѣны на хлѣбъ должны будутъ упасть; въ концѣ концовъ установится такая цѣна на хлѣбъ, которая будетъ выше прежней не на всю величину налога, а лишь на нѣкоторую часть его“.

Джонъ Стюартъ Милль предполагаетъ здѣсь—какъ увидимъ при изложеніи третьяго основанія, это предположеніе совершенно невѣрно, — что потребленіе хлѣба вслѣдствіе налога уменьшится. Но даже и въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, хлѣбъ дороже, если и не на всю ставку налога, то все же на часть ея и этой то частью налогъ постоянно будетъ тяготѣть на рабочемъ сословіи. Поэтому онъ поясняетъ (т. II, стр. 340): „Должны быть отмѣнены и всѣ налоги на предметы первой необходимости, а также и на сырые продукты и орудія, необходимыя для изготовленія этихъ предметовъ; ибо такіе налоги легко наносятъ ущербъ тому, что должно бы остаться свободнымъ отъ обложенія,—т. е. доходу, едва хватающему для поддержанія здороваго существованія“. А въ другомъ мѣстѣ (т. II, стр. 293) онъ признаетъ эту истину въ гипотетической формѣ: „Облагать въ старой странѣ поденщиковъ налогомъ, значитъ только возложить на всѣхъ работодателей лишній налогъ, если такой налогъ не ведетъ къ худшимъ послѣдствіямъ, понижая на долгое время въ сознаніи бѣднѣйшихъ классовъ населенія представленіе о томъ, что можетъ считаться нормой переносимаго существованія“.

Еще откровеннѣе признаетъ ошибку Смита и Рикардо, другой современный глава школы Рикардо, Макъ Куллохъ, очень знаменитый въ Англіи, на мой же взглядъ очень несамостоятельный писатель; но именно поэтому его признаніе противъ авторитета своего господина и учителя имѣетъ тѣмъ болѣе доказательную силу.

Въ своей книгѣ: „A. Treatise on the Principles and practical Influence of Taxation“ Лондонъ 1845 г., стр. 98, онъ говоритъ прямо: „Д-ръ Смитъ утверждаетъ, что трудящіеся классы не вносятъ ничего значительнаго въ общую сумму налоговъ, и Рикардо выразилъ свое согласіе съ этимъ взглядомъ. Но, при всемъ уваженіи къ ихъ авто-

ритету, уже предыдущія данныя показываютъ, что ихъ воззрѣніе должно быть принято съ большой оговоркой. Если бы оно ограничивалось только домашними работниками, то это было бы довольно правильно; но оно очень удаляется отъ истины, — а мы полагаемъ, что это чаще всего и бываетъ, — когда прилагается къ рабочимъ внѣ дома, поденнымъ или сдѣльнымъ".

Ну, конечно, господа, (поднявшаяся цѣна) вздорожаніе хлѣба не затрогиваетъ непосредственно или затрогиваетъ очень мало домашнихъ работниковъ, которые ѣдятъ за однимъ столомъ со своимъ хозяиномъ; но объ этомъ можно сказать развѣ только про нѣкоторыхъ сельскихъ рабочихъ и, пожалуй, нѣкоторыхъ ремесленниковъ. Въ крупной промышленности, а при болѣе крупномъ производствѣ также и въ ремеслѣ, работники давно уже перестали ѣсть за однимъ столомъ со своимъ хозяиномъ; въ деревнѣ также все больше и больше распространяется денежная форма заработной платы.

Перехожу теперь къ третьему соображенію, по которому упомянутый взглядъ Смита и Рикардо необходимо и безусловно слѣдуетъ признать ложнымъ. Оно заключается въ томъ, что оба эти писателя находятся въ прямомъ и открытомъ противорѣчіи съ самими собой.

По Смиту и Рикардо, вздорожаніе, вслѣдствіе налоговъ, цѣнъ на чай или кофе, табакъ, пиво, мыло, спиртные напитки, свѣчи и пр. не вызываетъ *никакого* повышенія заработной платы, хотя всѣ эти вещи они сами признаютъ повседневными и регулярными потребностями рабочаго класса; здѣсь, по ихъ мнѣнію, невозможно переложить налоги на предпринимателя въ формѣ повышенія заработной платы. А для *безусловно* необходимаго предмета потребленія, для *хлѣба*, это, по ихъ мнѣнію, оказывается возможнымъ. Кажущееся на первый взглядъ различіе между обоими этими случаями тотчасъ же исчезаетъ и — что невозможно въ одномъ, то оказывается невозможнымъ и въ другомъ. Причина, почему для случая повышенія цѣнъ на хлѣбъ они считаютъ это возможнымъ, коренится, повидимому, въ томъ, что хлѣбъ безусловно необходимъ для поддержанія жизни. Но эта причина будетъ имѣть такое же значеніе, какъ если бы рабочій *въ своемъ частномъ хозяйствѣ* взимаемый съ него государствомъ налогъ на *хлѣбъ* переложилъ на чай, кофе, табакъ, пиво,

мыло, свѣчи и пр.; другими словами, хлѣба рабочій не будетъ меньше потреблять, несмотря на то, что тотъ сталъ дороже. Но зато ему придется урѣзать себя въ обычномъ потребленіи кофе, табака, пива и пр. въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ увеличенію цѣны на хлѣбъ. Такимъ образомъ, налогъ на хлѣбъ въ концѣ концовъ отзывается на немъ и понижаетъ его standart of life.

Я могъ бы развить еще далѣе глубокія и рѣшительныя основанія. Но для этого мнѣ пришлось бы цѣликомъ углубиться въ дебри экономической теоріи, что здѣсь было бы неумѣстно, а потому и не входитъ въ мои намѣренія. Изложенныхъ трехъ основаній болѣе чѣмъ достаточно, чтобы показать вамъ, что съ налогами на хлѣбъ, повышающими его цѣну, происходитъ то же самое, что и съ налогами на остальные предметы потребленія, и что заработная плата не повышается съ возрастаніемъ цѣнъ.

Однако, я все таки приведу вамъ четвертое историко-статистическое доказательство. Въ англійской литературѣ имѣется произведеніе, представляющее вѣчный памятникъ человѣческаго усердія, — „Исторія цѣнъ съ 1793 г. по 1857 годъ“ Томаса Тука, — трудъ, надъ которымъ авторъ его работалъ большую часть своей необыкновенно долгой жизни. Тукъ былъ крупнымъ англійскимъ торговцемъ и въ то же время однимъ изъ видныхъ экономистовъ Англіи, настолько виднымъ, что онъ постоянно приглашался парламентомъ въ качествѣ эксперта, когда дѣло касалось экономическихъ мѣропріятій. Его трудъ въ отношеніи фактическаго матеріала и данныхъ о высотѣ и исторіи цѣнъ пользуется въ наукѣ неоспоримымъ довѣріемъ. Сверхъ того, Тукъ до мозга костей — буржуазный экономистъ и многое ему приходится признавать противъ воли и скрѣпя сердце; поэтому онъ, если и не искажаетъ истину, то пытается по возможности смягчить ее стилистически. Но врядъ ли даже въ такой формѣ Тукъ рѣшился бы сдѣлать эти признанія, если бы его книга не преслѣдовала совершенно другой цѣли, если бы она не была направлена противъ бумажныхъ денегъ сэра Роберта Пиля; эта цѣль заставляла его быть какъ можно безпристрастнѣе и объективнѣе въ пользованіи статистическимъ матеріаломъ, на который онъ въ этой полемикѣ ссылался въ своей „Исторіи Цѣнъ“.

Изъ этого шеститомнаго труда, занимающаго въ нѣ-

мецкомъ изданіи д-ра Ашера, по которому я буду цитировать, два тома въ 1800 страницъ, я приведу вамъ для примѣра только нѣкоторыя мѣста.

Въ I томѣ, на стр, 219 онъ формулируетъ результаты своихъ изслѣдованій по интересующему насъ здѣсь вопросу такимъ образомъ:

„Согласно всѣмъ научнымъ даннымъ, заимствованы ли они изъ новѣйшихъ наблюденій или изъ свидѣтельствъ исторіи, можно считать теперь прочно установленнымъ, что изъ всѣхъ предметовъ обмѣна заработная плата позднѣе всего поднимается въ цѣнѣ подъ вліяніемъ дороговизны товаровъ или вслѣдствіе паденія цѣны денегъ"; и при этомъ онъ сочувственно цитируетъ слова другого англійскаго автора: „тщательное изученіе положенія народа въ царствованіе Елизаветы, которое въ отношеніи уменьшенія цѣны денегъ имѣетъ такое замѣчательное сходство съ нынѣшнимъ, подтвердило тотъ законъ, что заработная плата плохо поспѣваетъ за возрастаніемъ цѣнъ на средства пропитанія".

Но гораздо большее значеніе, чѣмъ это признаніе, — высказанное въ общей формѣ и стало быть стилистически смягченное, — имѣютъ констатируемые имъ факты.

Такъ при разсмотрѣніи трехлѣтняго періода 1799—1801 г. г., онъ поясняетъ (т. I, стр. 111): „Между различными данными изъ того времени встрѣчаются, напримѣръ, такія: портняжные подмастерья получали въ 1775—1795 г.г. недѣльную плату въ размѣрѣ 1 ф. ст. 1 шилл. 9 пенсовъ,[1] на что они могли бы купить 36 лайбъ хлѣба по $7^1/_4$ пенсовъ; въ 1801 году высшая плата была равна 27 шиллингамъ, на эти деньги они при тогдашнихъ цѣнахъ могли купить всего $18^1/_2$ хлѣбовъ." Отсюда вы видите, господа, что въ то время какъ номинальная заработная плата нѣсколько повысилась, именно съ 22 на 27 шиллинговъ, она въ дѣйствительности, въ смыслѣ ея покупательной силы, даже упала на 50% — вслѣдствіе вздорожанія хлѣба!

Тамъ же у Тука дальше говорится: „Такъ же недостаточно было повышеніе платы наборщиковъ, именно съ 24

[1] 1 фунтъ стерлинговъ=приблизительно 10 руб. и содержитъ 20 шиллинговъ, 1 шиллингъ, = 12 пенсамъ.

до 30 шиллинговъ. По таблицамъ гринвичскаго госпиталя поденная плата плотниковъ и другихъ строительныхъ рабочихъ была въ 1801 г. всего на нѣсколько пенсовъ выше, чѣмъ за 20 лѣтъ до того, именно:

Плотники	вмѣсто	2 ш. 6 п.	3 ш. 32 п.
Каменьщики	„	2 „ 4 „	3 „ — „
Каменотесы	„	2 „ 8 „	2 „ 10 „
Кровельщики	„	3 „ — „	3 „ 3 „

и т. д.

И въ то время какъ заработная плата повысилась всего на нѣсколько пенсовъ противъ прежняго, цѣна хлѣба поднялась за тотъ же періодъ слѣдующимъ образомъ, какъ констатируетъ въ томъ же мѣстѣ (стр. 108) Тукъ:

Пшеница	съ 49 ш. 6 п.	до	134 ш. 5 п.
Ячмень	„ 29 „ 4 „	„	69 „ 1 „

— т. е. почти втрое.

О періодѣ 1808—1812 г.г. (т. I, стр. 150) Тукъ говоритъ: „Когда, поэтому, между 1808 и 1812 г.г. дороговизна хлѣба повторилась, то средства значительной части различныхъ классовъ народа находились въ лучшемъ, хотя все еще въ недостаточномъ соотношеніи къ поднявшимся цѣнамъ. Впрочемъ, съ платой фабричныхъ рабочихъ дѣло обстояло иначе. У значительнаго числа ихъ плата вовсе не повысилась, а если это и случалось, то путемъ сокращенія рабочаго времени часто опять сводилась къ прежнему уровню“. И еще категоричнѣе, напр. въ т. I стр. 409: „Положеніе трудящихся классовъ въ 1839 году своимъ контрастомъ съ только что описаннымъ благосостояніемъ въ 1835-мъ даетъ новое подтвержденіе тому, что заработная плата только послѣ длинныхъ промежутковъ времени слѣдуетъ за возвышеніемъ и паденіемъ цѣнъ на средства пропитанія, но и тогда — слышите, господа, но и тогда — непропорціонально тому и другому. Въ деревнѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, поденная плата, правда, улучшилась, но очень незначительно — по сравненію съ возвышеніемъ цѣнъ на средства пропитанія, да и то больше подъ вліяніемъ страха или изъ человѣчности, чѣмъ какъ само собой разумѣющееся послѣдствіе усилившагося спроса на трудъ. Напротивъ, въ фабричныхъ округахъ не только не произошло никакого повышенія заработной платы, но и произошло сокращеніе работъ, такъ

что при почти удвоившихся цѣнахъ на средства пропитанія и при вздорожаніи многихъ другихъ продуктовъ, какъ чай, сахаръ и табакъ, рабочимъ приходилось вдвое тяжелѣе: зарабатывая меньше, они, кромѣ того, на заработанныя деньги могли купить меньше, чѣмъ прежде".

Вы видите, господа, какъ цифрами подтверждается сказанное мною выше, что рабочій, вслѣдствіе вздорожанія средствъ пропитанія, попадаетъ даже межъ двухъ огней.

Во избѣжаніе нагроможденія излишняго матеріала, я думаю ограничиться этими статистическими свѣдѣніями, которыя вамъ достаточно показали, что и съ цѣнами на хлѣбъ происходитъ то же, что и съ цѣнами на другіе товары, — вздорожаніе ихъ ни въ коемъ случаѣ не возмѣщается повышеніемъ заработной платы.

Я васъ долго задерживаю, господа! Но въ этомъ не моя вина. Мнѣ не меньше, чѣмъ вамъ и даже гораздо больше тягостно терять драгоцѣнное время на изложеніе общеизвѣстныхъ экономическихъ фактовъ — вы это время лучше использовали бы, отдавшись вашимъ многоразличнымъ служебнымъ обязанностямъ, я — посвятивъ его изслѣдованію новыхъ научныхъ истинъ. Но меня вынудилъ къ этому прокуроръ! Если прокуроръ позволилъ себѣ объявить выставленныя мною научныя утвержденія, являющіяся, какъ вы видѣли, въ каждомъ пунктѣ лишь точнымъ выраженіемъ фактовъ и опирающіяся на множество самыхъ конкретныхъ доказательствъ, — „невѣрными и софистическими" и требуетъ поэтому наказанія за нихъ; если онъ опредѣленно назвалъ выдвинутое мной ученіе о налогахъ (стр. 31 стеногр. отчета) „страннымъ", — то я, въ свою очередь, вынужденъ былъ приводить по пунктамъ научныя доказательства этихъ фактовъ и выяснить, что эта якобы „странная" теорія является не только истинной, но и общепризнанной. И могу васъ увѣрить, что я при этомъ сильно ограничиваю себя и привожу лишь немногія доказательства сравнительно съ тѣми, которыя я могъ бы привести.

Итакъ, за все неудовольствіе, которое можетъ въ васъ возбудить такая продолжительная защита, пусть расплачивается прокуроръ, который въ высшей степени неудачно выступилъ противъ меня на совершенно чуждомъ ему научномъ поприщѣ.

Но, восклицаетъ прокуроръ (стр. 20), обвиняемый умыш-

ленно замалчиваетъ то обстоятельство, что косвенные налоги касаются не только предметовъ первой необходимости, но падаютъ и на другіе предметы, „прежде всего на предметы роскоши, и, напримѣръ, налоги на шелкъ и даже на сахаръ вовсе не затрагиваютъ бѣдняка!!“.

Какъ много далъ бы я, господа, еслибы я только могъ раздѣлять простодушіе и райскую невинность прокурора въ этой печальной наукѣ, политической экономіи!

Если бы только было возможно налогами на предметы роскоши покрыть сколько нибудь замѣтную, хоть сколько нибудь стоющую упоминанія часть государственныхъ расходовъ, — повѣрьте, господа, кто бы ни былъ министромъ-президентомъ, я или г. Бисмаркъ, Шульце-Деличъ или г. фонъ Мантейфель, словомъ, какихъ бы политическихъ взглядовъ и направленія правительство ни придерживалось, — налоги на предметы первой необходимости давно уже были бы обращены въ налогъ на предметы роскоши. Потому что всякому, кто стоитъ тамъ на верху, каковы бы ни были его политическіе взгляды и политическая дальновидность, самый занимаемый имъ постъ долженъ дать ему приблизительное понятіе о томъ, какъ было бы необходимо облегчить низшіе классы народа отъ тяготѣющаго на нихъ податного бремени; и если бы этого можно было достигнуть такой простой и дешевой мѣрой, какъ налоги на предметы роскоши, — давно бы уже сдѣлали шагъ къ замѣнѣ ими налоговъ на предметы первой необходимости.

Но по отношенію къ такъ называемымъ налогамъ на предметы роскоши можно установить своеобразную дилемму:

> или они налоги не на предметы роскоши, т. е. ложатся на предметы, входящіе и въ обиходъ потребителей изъ низшихъ классовъ народа, какъ-то кофе или чай, пиво, водка, мыло, свѣчи и пр., и потому въ своей подавляющей части выплачиваются опять таки низшими классами — рабочими, крестьянами и мелкими мѣщанами,—
>
> или же они дѣйствительно налоги на предметы роскоши и, стало быть, не приносятъ ничего, ничего, что, въ сравненіи съ дѣйствительными нуждами и доходами государства, заслуживало бы вниманія и могло бы быть принято въ разсчетъ.

Причины ясны и просты. Настоящіе налоги на предметы роскоши стоятъ всегда передъ альтернативой:

или они взимаются въ умѣренномъ размѣрѣ и являются, стало быть, такимъ налогомъ, который касается только небольшой горсти людей — позднѣе я вамъ покажу, какъ изумительно ничтожна эта горсть людей и по своей ничтожности превосходитъ всѣ ваши представленія, — и въ итогѣ даетъ очень небольшую сумму, не заслуживающую вниманія, —

или же они взимаются въ высокомъ размѣрѣ.

И тогда они приносятъ еще меньше! Потому что тогда за немногими исключеніями и эта горсть людей отказывается отъ значительно вздорожавшей роскоши, прибѣгая охотнѣе къ инымъ видамъ роскоши,—и налогъ становится почти совершенно бездоходнымъ.

Мнѣ не пришлось бы никогда кончить, еслибы я захотѣлъ вамъ цитировать все безконечное множество свидѣтельствъ и статистическихъ фактовъ, говорящихъ въ пользу сказаннаго!

Послушайте отца оффиціальной прусской статистики, основателя правительственнаго статистическаго бюро, дѣйствительнаго тайнаго — не только тайнаго, но и дѣйствительнаго тайнаго оберрегирунгсрата Гофмана.

Въ своемъ трудѣ „Ученіе о налогахъ“, Берлинъ. 1840, онъ на стр. 229 говоритъ; „Когда прусское правительство послѣ потрясеній, испытанныхъ государствомъ во время несчастной войны 1806/7 года, старалось нѣсколько упорядочить разстроенные финансы и ввело поэтому новую систему налоговъ, эдиктомъ 28 октября 1810 года объ обложеніи потребленія и предметовъ роскоши былъ введенъ, между прочимъ, цѣлый рядъ прямыхъ налоговъ на роскошь: на мужскую и женскую прислугу, кареты, лошадей и собакъ.

„Кто ради своихъ личныхъ удобствъ держалъ мужскую прислугу, долженъ былъ уплачивать ежегодно за одного 6 талеровъ, при двухъ—за каждаго по 8, при трехъ—по 10, при четырехъ по 12, при пяти по 15, при шести и болѣе по 20 талеровъ за каждаго; кто пользовался своимъ работникомъ или подручнымъ, нанятымъ на сельскохозяйственныя работы или въ ремесленную мастерскую, кромѣ того, и для личныхъ услугъ, тотъ уплачивалъ за каждаго по 3 талера ежегодно; изъ женской прислуги одна всегда освобождалась отъ налога. Если же сверхъ того была еще

одна, то за нее уплачивалось ежегодно 2 талера; при двухъ за каждую по 3, при трехъ — по 4, при четырехъ — по 5, при пяти и болѣе — по 6 талеровъ за каждую. Кто для своихъ личныхъ удобствъ держалъ четырехколесный экипажъ, уплачивалъ за него 8 талеровъ, за двухколесный — 6; налогъ повышался на 1 талеръ при двухъ экипажахъ, на 2 при трехъ и т. д. За одну верховую или упряжную лошадь уплачивался налогъ въ 6 талеровъ, при двухъ — по 8 талеровъ за каждую, при трехъ—по 10, при четырехъ и болѣе — по 15 талеровъ; за собаку полагался налогъ въ 1 талеръ; освобождались отъ налога только собаки, безусловно необходимыя для самаго промысла, пастушьи собаки и тѣ, которыхъ крестьяне держатъ для охраны своихъ дворовъ. Закономъ устанавливались на всѣ возможные случаи строгія инструкціи, которыми, казалось, были отрѣзаны всѣ пути къ уклоненію подъ мнимыми предлогами отъ уплаты налога".

Вы видите, господа, этотъ налогъ на роскошь захватывалъ все, что было можно: мужскую и женскую прислугу, экипажи, лошадей, собакъ. Онъ несомнѣнно заходилъ такъ далеко, какъ только можетъ идти налогъ на роскошь, разъ уже семья, державшая всего двѣ прислуги, принуждена была платить этотъ налогъ: мужская прислуга еще можетъ, пожалуй, служить признакомъ нѣсколько большаго дохода, но двѣ женскія прислуги — обычное явленіе даже въ семьяхъ средняго достатка. Къ тому же налогъ этотъ былъ высокъ и прогрессивно возрасталъ, однако не былъ все-таки настолько высокъ, чтобы кого либо, имѣвшаго, напримѣръ, лошадь и карету, заставить отказаться отъ нихъ во избѣжаніе уплаты налога.

Какой же однако, получился результатъ, господа?

„При всемъ томъ, говоритъ Гофманъ дальше, доходъ отъ этого налога былъ совершенно ничтоженъ. Именно, за отчетный годъ съ 1 іюля 1811 г. по 1 іюля 1812 г. этотъ налогъ далъ.... Ну, какъ вы думаете, сколько?

По подсчету Гофмана по отдѣльнымъ провинціямъ, оказывается всего на всего 158.828 талеровъ—сумма, для государства до смѣшного ничтожная. Какихъ нибудь 158.828 талеровъ вотъ весь доходъ отъ налоговъ на мужскую и женскую прислугу, на экипажи, лошадей, собакъ!

Гофманъ продолжаетъ: „Въ слѣдующіе затѣмъ годы налогъ оказался еще безплоднѣе; при этомъ все болѣе, и

болѣе накоплялись недоимки, постоянно производились разслѣдованія о намѣренномъ уклоненіи отъ платежа налога, — все это несомнѣнно указывало, какимъ тягостнымъ и ненавистнымъ оказался для всѣхъ этотъ налогъ. Поэтому даже не стали ждать окончанія вновь вспыхнувшей войны, и какъ только она приняла рѣшительно благопріятный оборотъ, изъ главной квартиры въ Шомонѣ во Франціи было отдано разпоряженіе объ отмѣнѣ налоговъ на предметы роскоши. Приказомъ отъ 2 марта 1814 года, объявлялось, что онъ имѣетъ силу уже для текущаго полугодія, съ 1 декабря 1813 по 31 мая 1814 г. налоги эти не должны взиматься, а также должны быть окончательно прекращены всѣ начатыя разслѣдованія объ уклоненіи отъ налоговъ".

Желаете другой примѣръ? Послушайте, что говоритъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гофманъ дальше:

„Еще до введенія налога на роскошь, декретомъ отъ 12 февраля 1809 г. былъ установленъ штемпельный сборъ со всей наличной золотой и серебряной утвари, которую владѣльцы не желали уступить правительству въ обмѣнъ на ассигнаціи: это распоряженіе было вызвано скупкой золотой и серебряной утвари монетными дворами и въ цѣляхъ обложенія этой утвари и драгоцѣнныхъ камней. Съ одного карата, т. е. $^{2}/_{3}$ лота золота взималось при этомъ 3 талера, съ 1 лота серебра—$^{1}/_{4}$ талера. Всѣ бывшіе тогда на лицо драгоцѣнные камни и жемчугъ подлежали обложенію въ размѣрѣ $^{1}/_{6}$ части своей стоимости. Начиная съ 25 апрѣля 1809 года всѣ вновь изготовлявшіяся вещи, золотыя и серебряныя, раньше, чѣмъ попасть въ руки заказчика или покупателя, также должны были снабжаться клеймомъ и оплачиваться налогомъ въ размѣрѣ 2 талеровъ съ 1 карата золота и $^{1}/_{6}$ талера съ лота серебра."

Приведя затѣмъ нѣкоторыя данныя о лигатурѣ, Гофманъ продолжаетъ: „Согласно декрету 12 февраля, налогъ взимался въ размѣрѣ $^{1}/_{3}$—$^{1}/_{4}$ стоимости металла; принимая же во вниманіе лигатуру, придется признать, что налогъ былъ на самомъ дѣлѣ значительно выше. По этой причинѣ налогъ и приноситъ такъ мало дохода. Подавляющая часть лойяльно настроенныхъ владѣльцевъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій предпочитала продавать ихъ правительству въ обмѣнъ на ассигнаціи. Такимъ образомъ имъ возмѣщалась полная стоимость этихъ издѣлій, въ томъ случаѣ, если эти издѣлія засчитывались по ихъ

номинальной цѣнѣ, что имѣло мѣсто при покупкѣ доменовъ и уплатѣ податныхъ недоимокъ. Другіе уклонялись отъ уплаты налога, скрывая свои издѣлія изъ благородныхъ металловъ; это было тѣмъ легче сдѣлать, что обнаруженіе скрытыхъ вещей было связано съ ненавистнымъ вторженіемъ въ частную жизнь гражданъ, чего правительство естественно старалось избѣгать. Этотъ штемпельный сборъ съ серебряныхъ издѣлій былъ вызванъ нуждой, такъ же, какъ и налоги на роскошь, введенные 28 октября 1810 года. Но онъ былъ еще невыносимѣе и ненавистнѣе, чѣмъ послѣдніе, такъ какъ былъ разсчитанъ на постоянный доходъ. Поэтому декларація 9 іюля 1812 г. объявляла, что цѣль, поставленная декретомъ 12 февраля 1809 г., въ сущности уже вполнѣ достигнута закупкой издѣлій, предъявленныхъ къ обмѣну на ассигнаціи, а потому дальнѣйшее клейменіе и штемпельный сборъ отмѣняются. Равнымъ образомъ правительство отказалось отъ судебнаго преслѣдованія начатыхъ въ 1809 году дѣлъ объ уклоненіи отъ уплаты штемпельнаго сбора. Съ тѣхъ поръ въ прусскомъ государствѣ доводы противъ введенія всякихъ налоговъ этого рода получили настолько полное признаніе и настоящую оцѣнку, что о какомъ-либо введеніи ихъ вновь послѣ установленія мира нечего было и помышлять".

Такъ говоритъ Гофманъ! Такова неизбѣжная судьба налоговъ на роскошь, все равно, въ какой бы формѣ они ни появлялись. Постоянно все та же бездоходность! Но почему же налоги на предметы роскоши приносятъ всегда такой ничтожный доходъ, почему вся тяжесть бюджета неизбѣжно и въ такой подавляющей степени обрушивается какъ разъ на плечи низшихъ классовъ? Постараюсь дать вамъ на это обстоятельный отвѣтъ и притомъ въ сжатой и осязательной формѣ.

Прокуроръ воскликнулъ (стр. 226 стеногр. отчета): „Страннымъ кажется мнѣ утвержденіе, что косвенные налоги уплачиваются исключительно четвертымъ сословіемъ, бѣдными—кстати, я вовсе не сказалъ „исключительно", это было бы безсмыслицей; въ своей лекціи я сказалъ: „въ подавляющей своей части", и теперь говорю: въ неизмѣримо подавляющей части",—Бѣднякъ фактически не въ состояніи уплачивать такія суммы въ видѣ косвенныхъ налоговъ".

За одну эту фразу я прощаю прокурору все, что онъ говорилъ. Она показываетъ, что у него доброе сердце; онъ дѣйствительно вѣритъ въ то, что говоритъ, и виною всему его доброе сердце, а не голова!

Правда, прокуроръ обнаружилъ здѣсь чудовищное незнаніе матеріальныхъ отношеній, существующихъ въ обществѣ.

Но вѣдь изученіе параграфовъ уложенія о наказаніяхъ и жизнь въ буржуазной средѣ — плохой путь для постиженія тайнъ матеріальныхъ общественныхъ отношеній, да и вообще этого нельзя достигнуть иначе, какъ посвятивъ нѣсколько лѣтъ жизни скучной и сухой наукѣ цифръ. Я увѣренъ поэтому, что вамъ самимъ тяжело будетъ узнать рядъ фактовъ, который я сейчасъ вамъ приведу въ самой убѣдительной формѣ!

Итакъ, займемся на минуту отечественной статистикой!

Вы знаете, что по новому податному закону 1 мая 1851 г. всѣ жители монархіи, получающіе доходъ свыше 1000 талеровъ, обязаны платить поразрядный подоходный налогъ.

Ну, какъ вы думаете, сколько лицъ во всей Пруссіи подлежитъ поразрядному подоходному налогу? Сколько, значитъ, во всей Пруссіи лицъ съ доходомъ свыше 1000 талеровъ?

Вы, вѣроятно, будете изумлены, господа, но цифры подлинны и офиціальны. Онѣ опубликованы на основаніи офиціальныхъ податныхъ списковъ, въ „Извѣстіяхъ офиціальнаго статистическаго бюро“ предсѣдателемъ бюро, недавно умершимъ тайнымъ совѣтникомъ Дитерици, членомъ Королевской Академіи Наукъ (стр. 179 т. III за 1854 г.). По даннымъ бюро, во всей Пруссіи были привлечены къ уплатѣ поразряднаго подоходнаго налога 44407 лицъ; [1]) въ странѣ съ болѣе чѣмъ 17 милліонами жителей нашлось

---

[1]) Сравните съ этимъ оффиціальнымъ податнымъ спискомъ и слѣдующими за нимъ болѣе подробными разъясненіями, кончая страницей 66 (ср. также стр. 84 и 85),—приведенный въ моемъ „Гласномъ отвѣтѣ“ подсчетъ, взятый изъ III и IV томовъ „Извѣстій статистическаго бюро“: оказывается, что отъ 89 до 96% плательщиковъ находятся въ угнетенномъ положеніи и нуждѣ. Вы увидите, на какомъ незнаніи имущественнаго положенія населенія основывается то недовѣріе, съ какимъ публика и нѣкоторыя газеты встрѣтили вычисленія, сдѣланныя Дитерици.

всего 44407 лицъ съ доходомъ свыше 1000 талеровъ. Изъ нихъ 32%, т. е. 14428, состояли въ низшемъ податномъ разрядѣ, т. е. обладали доходомъ отъ 1000 до 1200 талеровъ. Предоставляю вамъ самимъ судить, насколько этотъ доходъ можетъ считаться показателемъ хотя бы скромнаго достатка: не забудьте, что обыкновенно на этотъ доходъ должна жить цѣлая семья.

Нѣкоторые, можетъ быть, склонны возразить, что въ виду налога всякій охотно скрываетъ свои доходы, такъ что лицъ, имѣющихъ доходъ свыше 1000 талеровъ, въ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ ихъ числится по офиціальнымъ податнымъ спискамъ. Но это возраженіе для насъ не имѣетъ значенія. Прежде всего, не въ интересахъ государства оцѣнивать слишкомъ низко, разъ дѣло идетъ о его доходахъ. Въ дѣйствительности очень часто приходится слышать жалобы на слишкомъ высокую оцѣнку или на то, что требованія о возвращеніи переборовъ оставляются безъ послѣдствій. Если для одного оцѣнка его дохода и можетъ оказаться слишкомъ низкой, то для другого за то она будетъ слишкомъ высока, при чемъ послѣдній, изъ опасенія ли потерять кредитъ, или по другимъ причинамъ, не станетъ требовать уменьшенія оцѣнки; такимъ образомъ, число доходовъ, оцѣненныхъ слишкомъ низко и слишкомъ высоко, можетъ легко сравняться. Къ тому же часто бываетъ очень трудно опредѣлить, получаетъ ли данное лицо 5000 или 8000 талеровъ дохода, и въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, нерѣдко происходятъ ошибки. Но перешло ли вообще данное лицо ступень, опредѣляемую доходомъ въ 1000 талеровъ, или нѣтъ—этотъ фактъ можетъ быть установленъ очень многими, легко контролируемыми признаками, такъ что здѣсь невозможны сколько-нибудь серьезныя ошибки.

Наконецъ, если и произойдетъ такая ошибка, то она можетъ составить лишь нѣкоторый процентъ къ общему числу плательщиковъ, доходъ которыхъ оцѣненъ свыше 1000 талеровъ. Примемъ ошибку въ 3, 5, даже въ 10% общаго числа, тогда мы получимъ, что даже при 10% изъ общаго числа 44000 плательщиковъ какихъ-нибудь 4400 лицъ будутъ изъяты отъ налога,—число, по своей ничтожности, не имѣющее никакого значенія для правильности нашихъ разсужденій!

Слѣдующій разрядъ, обнимающій доходы въ 1200—

1400 талеровъ, насчитываетъ 7355 лицъ; третій, съ доходами 1400—1600 талеровъ, 4721 лицо; четвертый разрядъ, съ доходами въ 1600—2000 талеровъ, охватываетъ 5499 лицъ. Начиная отъ 2000 талеровъ, даже если бы доходъ шелъ на содержаніе семьи изъ 5 лицъ, несомнѣнно имѣется дѣйствительный достатокъ. Но всѣ 26 разрядовъ свыше 2000 талеровъ обнимаютъ собой только 11400 лицъ!

Итакъ, во всемъ государствѣ имѣется только 11400 лицъ съ доходомъ свыше 2000 талеровъ и 44400 лицъ, включая и первыхъ, съ доходомъ свыше 1000 талеровъ!

Таково состояніе общественнаго баланса!

Неправда ли, господа, вы никогда бы этому не повѣрили, никогда не сочли бы это возможнымъ, не будь это опубликовано въ офиціальныхъ изданіяхъ?

Это именно та до смѣшного малая горсть людей, которые со своими семьями наполняютъ въ городахъ всѣ театры, концерты, общества, балы, вечера, рестораны и винные погребки; они вездѣсущи, и кажется, что ихъ нивѣсть какъ много; они только о себѣ и думаютъ, только о себѣ и говорятъ и воображаютъ, что они составляютъ весь міръ; имѣя въ своихъ рукахъ всѣ газеты и всѣ учрежденія, гдѣ фабрикуется общественное мнѣніе, они и другихъ заставляютъ повѣрить и внушаютъ ту мысль, что они, эти 11000, или эти 44000 составляютъ весь міръ!

А подъ этой ничтожной горстью людей, которая одна только хлопочетъ, суетится, одна только говоритъ, пишетъ, разглагольствуетъ, знаетъ и защищаетъ только свои интересы, которая усердно твердитъ себѣ, что она — все, и убѣждаетъ себя даже въ томъ, будто это она платитъ налоги, — подъ этой горстью людей молча страдаетъ въ невыразимыхъ мукахъ огромный 17-ти милліонный неимущій народъ, который создаетъ все, чѣмъ красна наша жизнь, который составляетъ основу нашей цивилизаціи и дѣлаетъ возможнымъ самое существованіе государства, который побѣждаетъ на полѣ битвы и наполняетъ государственную казну—и у котораго нѣтъ никого, кто думалъ бы о немъ и стоялъ бы за его интересы!

И прокуроръ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что косвенные налоги платятъ имущіе, вотъ эти самые 44000, получающіе доходъ свыше 1000 талеровъ?

Возьмемъ простой числовой примѣръ.

Если бы государство захотѣло собрать съ однихъ имущихъ, путемъ косвеннаго налога, тѣ 96 милліоновъ талеровъ, которые оно,—какъ я показалъ въ своей лекціи при разсмотрѣніи бюджета за 1855 годъ,—собираетъ косвенными и прямыми налогами вмѣстѣ взятыми, то каждому изъ 44000 имущихъ пришлось бы ежегодно уплачивать въ видѣ налога въ среднемъ 2186 талеровъ; между тѣмъ изъ этихъ 44000 лицъ, какъ вы видѣли, 14428 имѣютъ доходъ не свыше 1000 — 1200 талеровъ, а другіе, 17575 — не свыше 2000 талеровъ; если сложить предполагаемый доходъ всѣхъ привлеченныхъ къ уплатѣ поразряднаго подоходнаго налога и раздѣлить его на число плательщиковъ, то на каждаго изъ нихъ придется въ среднемъ 2357 талеровъ дохода.

Во-вторыхъ: какъ велика должна быть сумма, затраченная на потребленіе каждымъ изъ этихъ 44000 имущихъ со своей семьей, чтобы уплачивать ежегодно 2186 талеровъ въ видѣ косвеннаго налога, — другими словами: сколько пришлось бы такому человѣку съѣсть ежегодно, чтобы существующіе косвенные налоги составили 2186 талеровъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ, конечно, отъ того, какой процентъ составляетъ налогъ по отношенію къ части дохода, идущей на потребленіе.

Прямой налогъ, даже его высшая ступень—поразрядный подоходный налогъ — не долженъ, по закону, превышать 3% дохода.

Если бы вы допустили, что косвенные налоги поглащаютъ 5% ежегоднаго расхода каждаго изъ этихъ 44400 лицъ, то для даннаго случая это было бы преувеличеннымъ допущеніемъ. Если у насъ нѣкоторые косвенные налоги гораздо больше 5% потребляемой цѣнности, за то другіе гораздо меньше, а самые дорогіе предметы потребленія высшихъ классовъ и вовсе свободны отъ обложенія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ приведенныя выше цитаты изъ экономистовъ.

Такимъ образомъ, если считать всѣ доходы имущихъ классовъ, и обложенные и необложенные налогомъ, то придется признать принятую нами норму 5% непомѣрно высокой. Припомните, что сказалъ выше Сисмонди — косвенные налоги касаются менѣе, чѣмъ десятой части расходовъ богатыхъ людей, слѣдовательно, чтобы составить 5% отъ всей суммы расходовъ, они должны поглащать цѣлыхъ 50%, т. е. половину десятой части.

Чтобы устранить вышеупомянутое возраженіе, сдѣлаемъ все-таки преувеличенное допущеніе, что косвенные налоги поглащаютъ 5% и даже возьмемъ вдвое—10% всѣхъ расходовъ имущихъ классовъ. Чтобы каждое изъ 44400 лицъ могло выплачивать въ среднемъ 2186 талеровъ въ видѣ косвенныхъ налоговъ, составляющихъ, по нашему допущенію, 10% всѣхъ расходовъ, оно должно бы расходовать въ среднемъ сумму, получающуюся отъ умноженія 2186 на 10; слѣдовательно ежегодный расходъ каждаго изъ этихъ 44400 лицъ долженъ бы равняться въ среднемъ 2186×10=21860 талеровъ! Такъ было бы, если бы государство захотѣло весь 96 милліонный бюджетъ получить съ 44400 имущихъ людей путемъ косвенныхъ налоговъ.

Если бы государство захотѣло получить съ нихъ въ видѣ косвенныхъ налоговъ только половину 96 милліоновъ талеровъ, поступившихъ съ налоговъ въ 1855 году, а я въ своей инкриминируемой лекціи подробно показалъ, что государство получило 96 минусъ 13, слѣдовательно, всего 83 милліона путемъ косвенныхъ налоговъ, — итакъ, если бы оно захотѣло съ этихъ 44400 имущихъ при помощи косвенныхъ налоговъ собрать только половину 96 милліоновъ, т. е. 48 милліоновъ, то все-таки выходило бы, что въ среднемъ каждый изъ нихъ уплачивалъ бы 1043 талера налоговъ, а его годовой расходъ все еще равнялся бы 10430 талерамъ. Допустимъ теперь, что государство собирало бы путемъ косвеннаго обложенія только четвертую часть бюджета, т. е. 24 милліона, вмѣсто 83, тогда ежегодный расходъ каждаго изъ этихъ 44400 составлялъ бы все еще 5215 талеровъ. Наконецъ, если бы оно захотѣло съ этихъ 44400 имущихъ путемъ косвенныхъ налоговъ собрать лишь десятую часть 96 милліоновъ, т. е. 9.600.000 талеровъ, то общій годовой расходъ каждаго изъ нихъ составлялъ бы все же 2186 талеровъ! А между тѣмъ изъ этихъ 44400 лицъ 14428 обладаетъ доходомъ всего лишь въ 1000 — 1200 талеровъ. И только 3340 лицъ во всей странѣ, какъ вы можете убѣдиться изъ списковъ Дитерици, имѣютъ доходъ свыше 4000 талеровъ; средній же доходъ этихъ 44400 составляетъ, какъ уже было упомянуто, 2357 талеровъ. Но доходъ далеко не совпадаетъ съ годовымъ расходомъ: ибо какъ разъ болѣе обезпеченныя сословія имѣютъ обыкновеніе ежегодно откладывать и копить часть своихъ доходовъ!

Я привелъ вамъ, господа, это вычисленіе единственно затѣмъ, чтобы показать вамъ, что государству совершенно невозможно разсчитывать собрать съ имущихъ путемъ косвеннаго налога болѣе десятой или даже двадцатой части своихъ доходовъ.

Я привелъ вамъ это вычисленіе, чтобы показать вамъ, въ какихъ поистинѣ странныхъ представленіяхъ витаетъ прокуроръ, когда онъ bona fide исполненъ вѣры, что косвенные налоги цѣликомъ или наполовину, на одну треть или же на одну десятую, или же хотя бы на $^1/_{20}$ собираются съ имущихъ.

Я привелъ это вычисленіе, чтобы показать вамъ, откуда, изъ какого класса идутъ средства, на котрыя мы содержимъ государство и пользуемся благами цивилизаціи.

Будьте же справедливы, господа, къ этому классу и не зажимайте рта тѣмъ и безъ того одинокимъ бойцамъ, которые пытаются говорить въ защиту его.

Но я приведу вамъ еще болѣе точное и болѣе краткое доказательство.

Прямой налогъ, который взимается въ видѣ опредѣленнаго процента съ дохода,—прямой подоходный налогъ—затрагиваетъ богатаго, несомнѣнно, въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ косвенные налоги. Прямые налоги взимаются съ каждаго сообразно съ его состояніемъ или доходомъ, между тѣмъ, вы слышали выше, что, по мнѣнію даже самыхъ умѣренныхъ экономистовъ, косвенные налоги дѣйствуютъ, вообще говоря, какъ подушная подать, т. е. падаютъ на каждое отдѣльное лицо въ одинаковомъ размѣрѣ, или, какъ выражаются другіе, падаютъ на каждаго въ тѣмъ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ беднѣе.

Какимъ же образомъ прокуроръ можетъ находить страннымъ утвержденіе, что косвенные налоги въ своей подавляющей части собираются, какъ я сказалъ въ своей лекціи, съ бѣдныхъ классовъ,—когда это справедливо даже для прямыхъ налоговъ?!

А чтобы убѣдиться, что это имѣетъ мѣсто и для прямыхъ налоговъ и притомъ въ довольно высокой степени,—для этого вамъ стоитъ только бросить взглядъ на цифровыя данныя, сообщенныя правительствомъ въ бюджетѣ и въ официальныхъ изданіяхъ статистическаго бюро, просто-напросто прочитать и сложить эти цифры, не прибѣгая къ собственнымъ выкладкамъ и вычисленіямъ.

Поразрядный подоходный налогъ, взимавшійся во всемъ государствѣ съ доходовъ свыше 1000 талеровъ, согласно офиціальной смѣтѣ государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1855 годъ, составлялъ 2.928.000 талеровъ, включая и 622.000 талеровъ добавочнаго сбора.

Итакъ, вотъ сколько прямыхъ налоговъ приходится платить тѣмъ, которые имѣютъ доходъ свыше 1000 талеровъ.

Но теперь, по закону 1 мая 1851 года, взимается прямой подоходный налогъ, такъ называемая классная подать, и съ тѣхъ, кто обладаетъ доходомъ менѣе 1000 талеровъ, и притомъ не во всей странѣ, а лишь въ мѣстностяхъ, изъятыхъ отъ уплаты налога за помолъ зерна и убой скота. Эта классная подать доставляла государству, согласно той же смѣтѣ, 9.920.000 талеровъ.

Такимъ образомъ, и прямыхъ налоговъ съ низшихъ классовъ было собрано, притомъ только въ указанныхъ мѣстностяхъ, въ 3—4 раза больше, чѣмъ со всѣхъ состоятельныхъ людей въ цѣлой странѣ!

Но это еще что, господа! Попробуемъ ближе присмотрѣться къ даннымъ о классной подати: они заговорятъ краснорѣчивымъ языкомъ!

Болѣе детальное подраздѣленіе этой классной подати вы найдете въ цитированныхъ уже офиціальныхъ извѣстіяхъ статистическаго бюро тайнаго совѣтника Дитерици, въ той же самой статьѣ VII тома, стр. 195, составленной на основаніи офиціальной податной смѣты на 1853 годъ.

Общая сумма классной подати за 1853 годъ безъ добавочнаго сбора составляла 7.941.915$^1/_2$ талеровъ, т. е. какъ разъ столько же, сколько и въ 1855 году безъ добавочнаго сбора.

Эти 7.941.915 талеровъ распредѣляются между слѣдующими тремя классами плательщиковъ:

Первый, низшій классъ обнимаетъ собой 3 разряда хозяйствъ, уплачивающихъ 4 ставки: отъ $^1/_2$ до 1 талера, 2 талера и 3 талера. Дитерици въ своей статьѣ, на стр. 175 опредѣляетъ ежегодный доходъ этихъ трехъ разрядовъ плательщиковъ въ 100—120 талеровъ, 120—180 талеровъ и 180—250 талеровъ.

Таковъ доходъ этой безпросвѣтной бѣдноты, этихъ голыхъ бѣдняковъ, которымъ на этотъ доходъ приходится содержать еще цѣлую семью!

И вотъ, какъ разъ эта-то безпросвѣтная бѣднота доставляетъ сравнительно со всѣми классами населенія гораздо большую долю прямыхъ налоговъ, ибо она платитъ, какъ вы это можете видѣть изъ таблицъ Дитерици, 3.891.117 1/2 талеровъ классной подати, между тѣмъ какъ всѣ привлеченные къ уплатѣ поразряднаго подоходнаго налога, т. е. всѣ имѣющіе болѣе 1000 талеровъ дохода, платятъ лишь 2.306.000 талеровъ безъ добавочнаго сбора.

Этотъ низшій, обездоленный класъ народа платитъ гораздо больше, чѣмъ каждый изъ двухъ другихъ классовъ плательщиковъ; онъ платитъ въ видѣ классной подати почти столько же, сколько тѣ оба класса вмѣстѣ взятые. Ибо онъ платитъ 3.891.117 талеровъ, въ то время какъ второй изъ главныхъ классовъ плательщиковъ вноситъ только 2.625.294 талера и третій 1.425.504 талера, такъ что всего около 4 милліоновъ талеровъ, т. е. приблизительно столько же, сколько платитъ одинъ низшій классъ.

Но пойдемъ дальше! Переходимъ ко второму классу плательщиковъ классной подати. Онъ обнимаетъ собой пять разрядовъ, уплачивающихъ по 4, 5, 6, 8 и 10 талеровъ и обладающихъ по оцѣнкѣ Дитерици (стр. 175) ежегоднымъ доходомъ въ 250—300, 300—320, 320—400 и 400—500 талеровъ. Если мы только что передъ этимъ имѣли дѣло съ самымъ бѣднымъ слоемъ населенія, то теперь передъ нами все еще очень бѣдные и просто бѣдные: не забудемъ, что изъ этого дохода имъ приходится содержать цѣлую семью. Изъ 5 разрядовъ этого 2-го класса больше другихъ платитъ опять-таки низшій разрядъ, именно 747780 талеровъ; а весь второй классъ, состоящій изъ очень бѣдныхъ и просто бѣдныхъ людей, выплачиваетъ въ видѣ классной подати 2625294 талера.

Наконецъ, третій классъ плательщиковъ классной подати циркуляромъ королевскаго министерства финансовъ отъ 8 мая 1851 г. дѣлится въ зависимости отъ величины дохода на 4 разряда. Именно къ низшему разряду, обязанному платить ежегодно 12 талеровъ, отнесены всѣ имѣющіе 500—650 талеровъ годового дохода; 2-ой разрядъ, съ доходомъ 650—800 талеровъ, уплачиваетъ 16 талеровъ, 3-ій, съ доходомъ 800—900 талеровъ, платитъ 20 талеровъ и, наконецъ, 4-ый разрядъ заключаетъ въ себѣ всѣхъ, получающихъ доходъ въ 900—1000 талеровъ и уплачивающихъ 24 талера классной подати.

Я думаю, вы согласитесь со мной по крайней мѣрѣ въ томъ, что низшій разрядъ этого послѣдняго класса, т. е. тѣ, которые для поддержанія себя и своей семьи имѣютъ 500—650 талеровъ дохода, — отнюдь не принадлежатъ, да и долго еще не будутъ принадлежать, къ буржуазіи, и должны быть отнесены скорѣе къ сословію мелкихъ мѣщанъ, крестьянъ или рабочихъ, о которомъ я говорилъ въ своей лекціи. Этотъ низшій разрядъ платитъ въ видѣ классной подати 534984 талера. Второй разрядъ съ доходомъ 650—800 талеровъ платитъ 366832 талера; съ доходомъ 800—900 талеровъ—264080 и, наконецъ, обладающіе 900—1000 талеровъ дохода платятъ 259608 талеровъ.

Будемъ очень щедры въ нашихъ допущеніяхъ. Будемъ считать всѣхъ тѣхъ, которые получаютъ съ семьей свыше 650 талеровъ дохода, не принадлежащими къ неимущимъ и бѣднымъ классамъ населенія, что, конечно, совершенно невѣрно, и сдѣлаемъ затѣмъ простое сложеніе. Оно представится въ слѣдующемъ видѣ.

Классы	Число плательщиковъ	Отношеніе ко всему числу плательщиковъ классной подати въ 0/0	Годовое поступленіе классной подати талеровъ	0/0 ко всему доходу съ классной подати
I (1, 2 и 3 разряды . . .	4.521,989	89.06	3.891.117 1/2	48.99
II (4, 5, 6, 7 и 8 разряды) . .	464.323	9.14	2.625.294	33.06
III (9-й и низшій разряды) . .	44.582	0.88	534.984	6.74
Итого	5.030,894 1)	99.08	7.051.395 1/2	88.79

Напротивъ, участіе послѣднихъ трехъ разрядовъ III-го класса, которые мы уже согласились причислить къ обезпеченнымъ (!) классамъ населенія, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) При этомъ, согласно указаніямъ закона о классной подати, одинаково приняты въ расчетъ какъ одинокіе плательщики, такъ и семейные.

Разряды	Число плательщиковъ	Отношеніе ко всему числу плательщиковъ классной подати въ 0/0	Годовое поступленіе классной подати талеровъ	0/0 ко всему доходу съ классной подати
10-й . , . . .	22.927	0.45	366.832	4.62
11-й	13.204	0.26	264.080	3.32
12-й , , . . .	10,817	0.21	259.608	3.27
Итого	46.948	0.92	890.520	11.21

Прибавимъ къ этимъ . . . . 890520 тал., которые выплачиваются послѣдними тремя разрядами, еще сумму поразряднаго подоходнаго налога за 1855 г. (не считая 622000 тал. добавочнаго сбора, такъ какъ онъ принятъ въ расчетъ и при классной подати) . . . . 2306000 тал., тогда окажется, что всѣ лишь мало-мальски обезпеченные классы платятъ прямыхъ налоговъ . . . . 3196520 тал., въ то время какъ совершенно неимущіе классы платятъ . . . . 7051395 тал., слѣдовательно, гораздо больше чѣмъ вдвое, почти 70⁰/₀ всѣхъ прямыхъ налоговъ.—Но если это имѣетъ мѣсто даже по отношенію къ прямымъ налогамъ, то какъ же могъ прокуроръ найти „страннымъ" сказанное мною въ лекціи о косвенныхъ налогахъ, что они „въ своей подавляющей части выплачиваются бѣдными классами населенія"?

Если участіе совершенно неимущихъ людей въ прямыхъ налогахъ, взимаемыхъ все-таки сообразно съ состояніемъ и доходомъ, достигаетъ почти 70⁰/₀, то не должно ли быть это участіе безконечно больше при косвенныхъ налогахъ, опредѣляющихся размѣрами потребленія, а стало быть числомъ плательщиковъ?

Выше мы видѣли, что въ Пруссіи имѣется всего 44407 лицъ съ доходомъ болѣе 1000 талеровъ, которыхъ можно считать болѣе или менѣе обезпеченными.

Если мы къ нимъ прибавимъ также послѣдніе три разряда плательщиковъ классной подати, т. е. всѣхъ получающихъ болѣе 650 талеровъ дохода,—хотя ихъ, конечно, и нельзя считать обезпеченными,—то мы получимъ:

44407
\+
46908
всего 91315

не нуждающихся плательщиковъ въ государствѣ. Но 46908 плательщиковъ, имѣющихъ 650—1000 талеровъ дохода, относятся только въ той части населенія, которая обложена классной податью. Если эта часть и составляетъ почти $^1/_8$ всего населенія, то все же существуютъ мѣстности, платящія налогъ за помолъ зерна и за убой скота и изъятыя отъ уплаты классной подати. Ихъ мы также должны принять въ расчетъ. По офиціальнымъ статистическимъ даннымъ тайн. сов. Дитерици (Т. XIII, стр. 182) населеніе этихъ мѣстностей насчитывало въ 1858 году 2284745 душъ, все же населеніе Пруссіи, по офиціальной переписи, равнялось тогда 17739913 душамъ, такъ что плательщиковъ классной подати было 15445168 душъ. Допустимъ теперь, какъ это всегда дѣлается при подсчетѣ среднихъ величинъ, что на 2284745 чел. населенія мѣстностей, изъятыхъ отъ уплаты классной подати, приходится относительно столько же людей съ доходомъ выше 650 тал., сколько и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя обложены классной податью; тогда окажется, что

къ прежнимъ 91315
надо прибавить еще 6954
и получается въ общемъ . . 98269

людей во всемъ Прусскомъ государствѣ съ доходомъ болѣе 650 тал. Положимъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ семью изъ 5 лицъ, какъ это обыкновенно принято считать, когда рѣчь идетъ обо всемъ населеніи, но что совершенно неточно, если мы имѣемъ дѣло только съ высшими слоями, гдѣ на семью приходится въ среднемъ гораздо меньшее число дѣтей, чѣмъ въ низшихъ слояхъ народа.

Считая все-таки по этой преувеличенной нормѣ, мы получимъ, что эти 98269 плательщиковъ представляютъ собою 491345 душъ; это такое число, какимъ обыкновенно

пренебрегаютъ, приводя данныя о населеніи большихъ націй въ круглыхъ цифрахъ: оно меньше того числа, которымъ я пренебрегъ, говоря о 17 милліонахъ жителей, ибо уже въ 1858 г. населеніе Пруссіи достигло, какъ вы только что слышали, свыше 17738900 жителей.

Всѣ остальные 17 милліоновъ принадлежатъ къ совершенно неимущимъ классамъ народа!

И эта-то ничтожная кучка людей, которая видитъ только себя, только себя и слушаетъ, наполняя все и вся своимъ собственнымъ шумомъ,—доходитъ до того, что начинаетъ воображать, будто это она платитъ косвенные налоги!!!

Итакъ, вы видите, какую райскую наивность обнаружилъ прокуроръ относительно начатковъ государственныхъ наукъ, когда въ своемъ возраженіи обвинялъ меня въ искаженіи истины и софизмахъ и когда онъ отъ полноты своего добраго сердца воскликнулъ: бѣдный народъ фактически не въ состояніи платить такія огромныя суммы косвенныхъ налоговъ!

Честь и слава его доброму сердцу, господа!

Для юриста такая невинность ума въ подобныхъ вещахъ еще извинительна. Но не ему обвинять въ неправдѣ и требовать наказанія для людей, знающихъ дѣло лучше его, только потому, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о реальной дѣйствительности!

Еще печальнѣе, что вмѣстѣ съ прокуроромъ впадаютъ въ ту же ошибку и высшіе представители промышленности, считающіе себя нарочито „практическими людьми." Удивляться этому нечего: я уже сказалъ вамъ, — для того, чтобы получить подлинное представленіе о положеніи населенія, недостаточно только приглядываться къ практической жизни, — для этого существуетъ только одинъ путь, это — путь скучной и сухой науки цифръ. Вотъ почему высшіе представители промышленности, вообще имущіе классы, полные самомнѣнія и оглушенные безпрестаннымъ крикомъ о самихъ себѣ, воображаютъ, въ полномъ согласіи съ прокуроромъ, будто это въ самомъ дѣлѣ они, имущіе классы, платятъ косвенные налоги!

Какой-то коммерціи-совѣтникъ услыхалъ, благодаря судебному процессу, о моей лекціи и о моемъ утвержденіи, что значительную часть косвенныхъ налоговъ платятъ неимущіе классы. Этотъ коммерціи-совѣтникъ, имѣющій недур-

ное состоянiе, красивый домъ и хорошенькую жену и принадлежащiй поэтому къ весьма довольнымъ людямъ, воскликнулъ: „Какъ! И въ этомъ Лассаль насъ хочетъ увѣрить? А кто же, по его мнѣнiю, пьетъ шоколадъ у Штэгели?“

Это правда, господа, у Штэгели пьютъ шоколадъ коммерцiи-совѣтникъ и люди его званiя.

Остановимся, однако, на минуту на шоколадѣ.

Въ большомъ трудѣ Гумбольта и Бопплана „Путешествiе въ экваторiальныя страны“, Т. III, стр. 206, указывается, что въ то время — въ 1818 году — ввозъ въ Европу какао достигалъ 23 миллiоновъ фунтовъ, стоимостью въ 7360000 талер. Изъ нихъ значительно большая часть приходится на Испанiю и Италiю, гдѣ шоколадъ является общеупотребительнымъ напиткомъ. Черезъ границу нѣмецкаго таможеннаго союза было ввезено въ 1847 г. 1.143.500 фунтовъ какао.

Въ Пруссiю, какъ сообщаетъ д-ръ Митчерлихъ въ своей монографiи: „Какао и шоколадъ“, на стр. 43, было ввезено въ 1831 г. около 500000 фун. какао. Ввозная пошлина составляетъ $6^1/_2$ талеровъ на центнеръ. Это даетъ 32500 тал. налога со всего ввезеннаго шоколада!

Вы видите, господа, что, если господинъ коммерцiи-совѣтникъ и считаетъ своей большой заслугой передъ государствомъ, обладающимъ 108 миллiоннымъ бюджетомъ за 1855 г., что онъ *одинъ* съ представителями своего званiя выпиваетъ у Штэгели весь шоколадъ, то для невооруженнаго глаза это во всякомъ случаѣ совершенно незамѣтная заслуга.

Разсмотримъ еще нѣсколько предметовъ, потребляемыхъ исключительно высшими классами.

Пошлины на *устрицъ и морскихъ рыбъ* доставили во всемъ таможенномъ союзѣ — не въ одной Пруссiи, а во всемъ таможенномъ союзѣ, господа, — какъ сообщаетъ на стр. 110-й III-го тома „Извѣстiй статистическаго бюро“ тайный совѣтникъ Дитерици, — таможенный доходъ въ 13000 *талеровъ*!

Но посмотримъ, что приноситъ государству шампанское, этотъ какъ бы офицiальный предметъ роскоши обезпеченныхъ классовъ!

Таможенный союзъ не ведетъ особой регистрацiи ввоза шампанскаго. Только главное податное Управленiе въ Бер-

линѣ отмѣчаетъ отдѣльно число привозимыхъ въ Берлинъ бутылокъ шампанскаго. Надо при этомъ принять въ соображеніе, что въ Берлинъ привозится не только то шампанское, которое здѣсь выпивается, но почти вся провинція, даже Силезія, получаетъ большую часть своего шампанскаго также черезъ Берлинъ. Не забудьте также и того, что Берлинъ — главный городъ страны и резиденція короля, городъ съ 550000 жителей. Сколько шампанскаго должно тутъ выпиваться! При дворѣ и у министровъ, у иностранныхъ посланниковъ и всѣми аристократами, нашими дэнди у Эвеста, Герольда, Мэдера и въ другихъ ресторанахъ, на всѣхъ балахъ, празднествахъ и свадьбахъ! Поистинѣ едва ли найдется какое-нибудь общественное собраніе или просто обѣдъ въ среднихъ классахъ, гдѣ, почета ради или чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ другими, не отдавали бы дань шампанскому, этой ставшей обязательной при всякихъ церемоніяхъ роскоши.

Казалось бы, шампанское должно тутъ литься рѣкой!

Несмотря на все это, несмотря на то, что и въ провинцію и даже въ Силезію шампанское идетъ большей частью черезъ Берлинъ, — за цѣлый 1855 г. въ Берлинъ было ввезено — какъ бы вы думали, сколько? Всего 148900 бутылокъ, какъ свидѣтельствуетъ тайный совѣтникъ Дитерици въ своихъ статистическихъ извѣстіяхъ, Т. X, стр. 134, на основаніи списковъ главнаго податного Управленія! Съ бутылки шампанскаго полагается около 7½ зильбергрошей пошлины, это даетъ 37220 талеровъ таможеннаго дохода.

Вы видите, господа, что мы никакъ не можемъ выбраться изъ гомеопатическихъ дозъ.

Но возьмемъ, чтобы получить, наконецъ, хоть одну значительную цифру, за неимѣніемъ данныхъ о ввозѣ шампанскаго для цѣлой страны, возьмемъ наиболѣе крупную статью исключительнаго потребленія имущихъ классовъ. Для Пруссіи таковымъ является иностранное **вино** всякаго рода, въ томъ числѣ и шампанское. Къ тому же съ этаго продукта взимается такая высокая ввозная пошлина, что статистикъ Гюбнеръ въ „Ежегодникѣ народнаго хозяйства и статистики“ 1852 г., стр. 120, оцѣниваетъ ее въ среднемъ въ 56% стоимости.

Бюджетъ 1855 г. и приложенія къ нему, съ его расположеніемъ отдѣльныхъ статей, не даетъ отдѣльно для вина

величины таможеннаго дохода — онъ входитъ въ общую рубрику ввозныхъ, вывозныхъ и транзитныхъ пошлинъ.

Между тѣмъ, очень легко пополнить эти недостающія спеціальныя цифры инымъ путемъ.

Въ только что упомянутомъ статистическомъ ежегодникѣ Гюбнера за 4-ый годъ изданія, 1856, стр. 78—81, приводятся таблицы ввоза въ страны таможеннаго союза за 1854 г. Изъ нихъ вы можете видѣть (стр. 80), что въ 1854 году въ эти страны было ввезено:

43086 центнеровъ вина въ бутылкахъ, давшихъ таможеннаго дохода . . .	344688 талер.
191236 центнеровъ вина въ бочкахъ, давшихъ таможеннаго дохода . . .	1147578 „
Всего, значитъ, таможеннаго дохода	1492266 талер.

Это опять-таки сумма, вырученная всѣмъ таможеннымъ союзомъ, а не одной Пруссіей.

Впрочемъ, въ томъ же статистическомъ ежегодникѣ, на стр. 87, вычислено съ точностью до десятичныхъ знаковъ, сколько таможеннаго дохода приходится въ странахъ таможеннаго союза на одного жителя. По этимъ даннымъ, въ 1854 году приходилось пошлинъ съ вина по 1,3 зильбергр. на жителя. Примемъ для интересующей насъ цѣли населеніе Пруссіи въ 17 милліоновъ, тогда таможенный доходъ съ иностраннаго вина, считая по 1,3 зильбергр. на жителя, вышелъ бы 733333 талера для всей Пруссіи.

Къ этому желательно бы присоединить доходъ отъ налоговъ на вино, выдѣлываемое въ самой Пруссіи. Это относится главнымъ образомъ къ мѣстностямъ по Мозелю, а Мозельвейнъ употребляется вовсе не одними только имущими классами. Низшие сорта этого вина потребляются въ большихъ количествахъ мелкими бюргерами и крестьянами въ долинѣ Мозеля и Рейнскихъ провинціяхъ. Впрочемъ, не будемъ принимать этого обстоятельства въ расчетъ и допустимъ, что все вино потребляется исключительно одними имущими классами. Налогъ съ отечественнаго вина приноситъ государству, какъ видно изъ бюджета за 1855 годъ, 73421 тал. Такимъ образомъ иностранныя и отечественныя вина, — а изъ всѣхъ продуктовъ, потребляемыхъ исключительно имущими классами это са-

мый существенный — приноситъ государству 806754 талера податного дохода.

Вы видите, что мы все еще топчемся на одномъ мѣстѣ.

Прокуроръ особенно подчеркнулъ, что шелкъ составляетъ предметъ потребленія якобы однихъ имущихъ классовъ.

Это невѣрно. Многія кухарки, моя, напримѣръ, по воскресеньямъ надѣваютъ непремѣнно шелковыя платья. Шелковые ленты и платки очень широко распространены среди женщинъ въ низшихъ классахъ народа. Среди мелкаго мѣщанства надѣвать ихъ на прогулкахъ и въ торжественныхъ случаяхъ является для бюргерскихъ женъ и дочерей прямо соціальной необходимостью.

Впрочемъ, оставимъ и это въ сторонѣ и предоставимъ въ угоду прокурору также и шелкъ въ исключительное пользованіе состоятельныхъ классовъ.

Изъ таблицъ, помѣщенныхъ въ упомянутомъ уже статистическомъ ежегодникѣ Гюбнера, годъ 4-ый, ст. 81, вы можете видѣть, что за 1854 годъ въ страны таможеннаго союза было ввезено:
Шелка сырца 17896 центнеровъ, давшихъ таможеннаго дохода 8948 талер. Шелковыхъ товаровъ 3913 центнеровъ, давшихъ таможеннаго дохода 430430 талер. Всего такимъ образомъ таможеннаго дохода 439378 талер.

И это опять-таки для всего т а м о ж е н н а г о союза.

Положимъ теперь, чтобы не терзать васъ утомительными вычисленіями, что на долю Прусскаго населенія приходится $^3/_5$ этого количества, что для нашей цѣли за глаза достаточно, — тогда выйдетъ, что имущіе классы въ Пруссіи платятъ по этой статьѣ 236625 талер.

Сложимъ теперь доходы со всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ предметовъ, потребляемыхъ исключительно имущими классами:

1. Шоколадъ коммерціи-совѣтника приноситъ податного дохода	32500	талер.
2. Прокурорскій шелкъ, — отнюдь не употребляемый одними только имущими классами, даетъ	236625	„
3. Вино, включая шампанское и вино отечественнаго производства, хотя послѣднее пьютъ не одни имущіе классы	806754	„

4. Устрицы и морскія рыбы,—которымъ я готовъ предоставить честь быть съѣдеными одними имущими классами въ Пруссіи, — приносятъ во всѣхъ странахъ таможеннаго союза доходъ . . . . 13000 „

а все вмѣстѣ даетъ косвенныхъ налоговъ 1088879 „

Итакъ, вы видите, господа, мы все пытаемся итти впередъ — и не двинулись съ мѣста! Собравъ воедино всѣ четыре статьи, потребляемыя исключительно людьми состоятельными, мы получили, однако, такую сумму, которой, не говоря уже о какихъ-нибудь тамъ государственныхъ цѣляхъ, едва ли хватитъ, чтобы оплатить хотя бы половину жалованья сборщиковъ и другихъ податныхъ чиновниковъ. Какъ вы можете усмотрѣть изъ приложеній къ бюджету, т. I, стр. 93, на одно вознагражденіе чиновниковъ въ таможняхъ и податныхъ учрежденіяхъ тратится 2526190 талеровъ.

И этотъ классъ воображаетъ, что платитъ какіе-то налоги!

Призовемъ для сравненія бѣдный народъ! Изъ всѣхъ предметовъ его потребленія возьмемъ только **о д и н ъ**, — притомъ не самый крупный!

Питейный налогъ на водку, идущую на потребленіе внутри страны, и пошлина съ водки, вывозимой за границу, доставили государственному бюджету за 1855 г. не менѣе 580000 талеровъ, если же отбросить вывозную пошлину, то, какъ констатируетъ тайный совѣтникъ Дитерици въ т. III на стр. 110, останется **5 м и л л і о н о в ъ т а л е р о в ъ** налога съ одной только водки, потребляемой внутри страны.

Въ какой мѣрѣ, господа, участвуете вы въ уплатѣ питейнаго налога? Сколько водки вы выпиваете въ годъ? Ничего? Я — тоже ничего!

Эти примѣры, господа, которые мною нарочно были выбраны такъ, чтобы они относились къ предметамъ, потребляемымъ **и с к л ю ч и т е л ь н о** или однимъ имущимъ, или однимъ только неимущимъ классомъ, это соотношеніе между питейнымъ доходомъ и доходомъ съ шоколада, вина или шелка—даетъ вамъ руководящую мѣрку, чтобы судить, сколько косвенныхъ налоговъ приходится платить каждому изъ этихъ классовъ съ тѣхъ продуктовъ, которые являются предметомъ общаго потребленія,

Намъ, впрочемъ, нѣтъ надобности довольствоваться одной этой общей точкой зрѣнія.

Одну изъ наиболѣе крупныхъ статей дохода составляетъ поземельный налогъ, исчисляемый государственнымъ бюджетомъ за 1855 годъ въ суммѣ 10084182 талера.

Бюджетъ помѣщаетъ этотъ налогъ въ отдѣлѣ прямыхъ налоговъ; но я уже выяснилъ въ своей лекціи, и ниже докажу это еще подробнѣе, что у насъ поземельный налогъ является въ сущности хлѣбной пошлиной, т. е. что онъ перелагается землевладѣльцами на цѣну хлѣба, а домовладѣльцами на квартирную плату, выплачивается такимъ образомъ потребителями и представляетъ собой, слѣдовательно, косвенный налогъ.

Сколько же изъ этихъ 10084182 талеровъ поземельнаго налога приходится на долю неимущихъ и сколько на долю имущихъ?

Самые умѣренные изъ экономистовъ, профессоръ Рау и др., говорятъ, какъ вы слышали выше, что хлѣбная пошлина по своему дѣйствію равносильна подушной подати. На бѣдномъ классѣ это отражается, конечно, въ еще болѣе сильной степени и понятно почему: чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ питается хлѣбомъ. Я въ годъ проживаю очень много, но хлѣба употребляю лично всего на 9 пфенниговъ въ день, именно потому, что съѣдаю массу другой пищи.

Впрочемъ, останемся при томъ совершенно невѣрномъ допущеніи, что хлѣбная пошлина распредѣляется равномѣрно, какъ подушная подать.

Выше, при разсмотрѣніи официіальнаго податного списка, мы видѣли, что во всей Пруссіи имѣется всего 44407 плательщиковъ подоходнаго налога съ доходомъ болѣе 1000 талеровъ. Допустимъ теперь, что каждый изъ этихъ плательщиковъ имѣетъ семью въ 5 человѣкъ—въ данномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о высшихъ сословіяхъ, это, повторяю, очень преувеличенное допущеніе — тогда во всей Пруссіи окажется 222035 душъ, принадлежащихъ къ обезпеченнным сословіямъ.

Такимъ образомъ, если считать, что хлѣбная пошлина распредѣляется, какъ подушная подать, то изъ 10080000 поземельнаго налога на состоятельный классъ приходится 126450 талеровъ, а на бѣдный классъ 9953550 талеровъ!

Попробуемъ къ обезпеченному классу отнести также

всѣхъ, получающихъ свыше 650 талеровъ дохода. Выше мы опредѣлили число ихъ. Какъ я показалъ, такихъ лицъ, включая сюда всѣхъ получающихъ доходъ свыше 1000 талеровъ и все населеніе мѣстностей, подлежащихъ налогу за помолъ зерна и убой скота, имѣется 98269, а такъ какъ за каждымъ стоитъ, по нашему предположенію, семья изъ 5 лицъ, то всего получается 491345 душъ. Такимъ образомъ, изъ 10080000 талеровъ поземельнаго налога на долю этихъ, не совершенно нуждающихся, приходится 17700000 : 10080000 = 491345 : x или 279200 талеровъ, а на долю совсѣмъ неимущихъ—9800000 талеровъ поземельнаго налога!

И послѣ этого высшіе классы воображаютъ, что это они платятъ налоги!

Куда бы вы ни направили свой взоръ, вы повсюду встрѣчаете одно и то же явленіе!

Прокуроръ говорилъ еще о сахарѣ и выставлялъ дѣло такъ, будто налогъ на сахаръ совершенно не затрагиваетъ бѣдные классы. Это огромное заблужденіе, господа! Добрая душа прокурора опять сбила его съ толку и заставила его отказать рабочему классу даже въ сахарѣ!

Я уже приводилъ вамъ цитаты изъ Адама Смита, гдѣ говорится, что табакъ, сахаръ и чай, а у насъ кофе, вошли въ повседневное и обычное употрбленіе низшихъ классовъ народа. Да иначе и быть не можетъ, потому что у насъ кофе является неотъемлемой жизненной потребностью низшихъ классовъ народа, а его даже рабочіе пьютъ съ сахаромъ!

Если одного Адама Смита вамъ недостаточно, то послушайте, что говоритъ тайный совѣтникъ Дитерици на стр. 110, т. III официальныхъ статистическихъ извѣстій: „Но еще болѣе вѣское возраженіе противъ дальнѣйшаго увеличенія косвенныхъ налоговъ заключается въ томъ, что они только тогда приносятъ значительный доходъ, когда ими обложены предметы, входящіе во всеобщее употребленіе“, и въ доказательство этой мысли онъ на стр. 3 говоритъ буквально слѣдующее: „Сахаръ, кофе, табакъ приносятъ болѣе половины всѣхъ ввозныхъ пошлинъ. Это предметы, потребляемые также бѣдными классами народа. Повышая размѣръ обложенія предметовъ, входящихъ во всеобщее употребленіе, мы рискуемъ сократить потребленіе, а это, во всякомъ слу-

чаѣ, отзовется преимущественно на бѣдныхъ классахъ. При распространеніи обложенія на новые объекты, пришлось бы опять-таки выбирать такіе предметы, которые входятъ во всеобщее употребленіе, другими словами, обложеніе пало бы преимущественно на бѣднаго. Невозможно повысить налоги безъ того, чтобы не обременить низшіе слои общества; напротивъ, желательно пониженіе налоговъ, чтобы облегчить ихъ тяжесть для простолюдина и удешевить его жизненныя потребности“.

У тайнаго совѣтника Дитерици, бывшаго предсѣдателя прусскаго статистическаго бюро, повидимому, не такое доброе сердце, какъ у прокурора, но зато онъ лучше его знаетъ дѣло, а вы видѣли, что какого бы знатока вы ни спросили, въ какихъ бы высокихъ должностяхъ и чинахъ онъ ни состоялъ, вы получаете постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ.

И всюду, гдѣ самый характеръ предмета потребленія позволяетъ разсмотрѣть поближе его распредѣленіе, — вы наталкиваетесь на ту же огромную неравномѣрность.

Вы знаете, господа, что если представители имущихъ классовъ и не курятъ исключительно ввозныхъ, т. е. американскихъ сигаръ, то во всякомъ случаѣ они курятъ только сигары, привозимыя либо изъ Америки, либо изъ не принадлежащихъ къ таможенному союзу Гамбурга и Бремена. Подумаешь, сколько должно выкуриваться сигаръ съ утра до вечера!

И тѣмъ не менѣе вы можете убѣдиться, просматривая тѣ же таблицы въ статистическомъ ежегодникѣ Гюбнера, годъ IV стр. 81, что въ 1854 году во всѣхъ таможняхъ союза было получено съ гаванскихъ, гамбургскихъ, бременскихъ и всякихъ другихъ привозныхъ сигаръ не болѣе 235720 талеровъ таможенной пошлины. Изъ этой суммы на долю Пруссіи приходится $^{52}/_{100}$ дробь, которая по вычисленіямъ тайнаго совѣтника Дитерици въ томѣ IX стр. 54 статистическихъ извѣстій выражаетъ отношеніе потребленія въ Пруссіи къ потребленію во всѣхъ странахъ таможеннаго союза; на долю Пруссіи приходится, слѣдовательно, 122574 талера таможеннаго дохода.

Неимущіе классы, напротивъ, потребляютъ сигары отечественной фабрикаціи, а также и весь курительный табакъ за исключеніемъ самой ничтожной доли.

Какъ видно изъ тѣхъ же таблицъ листового табаку и корешковъ было ввезено въ 1854 году въ страны таможеннаго союза 367462 центнера, съ которыхъ получено

пошлинъ . . . , ...	1441848 тал.
Сюда присоединяется налогъ на табакъ въ папушахъ	109307 тал.
Итого	1551155 тал.

На долю Пруссіи приходится $^{52}/_{100}$ этой суммы или 786600 талер., т. е. примѣрно въ шесть разъ больше того, что заплачено имущимъ классомъ въ видѣ пошлины съ сигаръ. Такое отношеніе можетъ быть названо еще сравнительно неблагопріятнымъ для имущаго класса и обусловливается оно только тѣмъ, что съ центнера ввозимыхъ сигаръ взимается пошлина въ 20 талеровъ, тогда какъ съ центнера табака въ папушахъ всего 11 талеровъ, а съ листового табака и корешковъ 4 талера; такая градація таможенныхъ ставокъ совсѣмъ или далеко еще не можетъ быть поведена по отношенію къ другимъ предметамъ общаго потребленія.

Къ этимъ 786000 талерамъ слѣдуетъ присоединить также налогъ на табакъ туземныхъ плантацій, исчисляемый смѣтой государственныхъ доходовъ и расходовъ въ 140000 талеровъ, и вносимый исключительно неимущимъ классомъ.

Разумѣется, совершенно такъ же, только въ гораздо болѣе крупномъ масштабѣ, обстоитъ дѣло и съ пошлинами за помолъ зерна и убой скота, съ налогомъ на солодъ или съ пивнымъ налогомъ, съ лотереями и всѣми болѣе или менѣе крупными статьями государственнаго дохода; и я прослѣдилъ-бы вмѣстѣ съ вами весь бюджетъ, статью за статьей, если бы я не долженъ былъ считаться съ вашимъ временемъ.

Къ тому же я доказалъ вамъ это разъ навсегда и для всѣхъ пунктовъ бюджета, выяснивъ, что въ цѣломъ государствѣ имѣется только 44407 плательщиковъ и стало быть самое большее 222000 душъ, пользующихся доходомъ свыше 1000 талеровъ, а включая и этихъ послѣднихъ, всего 98269 плательщиковъ или 500000 душъ, обладающихъ вообще говоря доходомъ болѣе 650 талеровъ на семью; эта горсть людей не въ состояніи потреблять столько,

чтобы прибавить что-либо существенное къ податному доходу, — это же показалъ вамъ и тайный совѣтникъ Дитерици, сказавъ, что всякій косвенный налогъ, какое бы названіе онъ ни носилъ, долженъ непремѣнно затронуть бѣдный классъ, чтобы принести государству сколько-нибудь значительный доходъ.

Поэтому я подробнѣе разсмотрю только, какъ распредѣляется самая крупная статья податного дохода—соляной налогъ.

Какъ видно изъ бюджета на 1855 годъ, стр. 22, соляная монополія приноситъ государству 8302924 талера дохода. Въ эту сумму не включены издержки добычи соли. Онѣ исчисляются бюджетомъ отдѣльно (стр. 24) подъ именемъ „дохода съ соляныхъ копей“ въ суммѣ 1190583 талера. Въ этой суммѣ уже включена прибыль отъ производства, поступающая въ государственныя кассы не какъ доходъ съ соляного налога, а какъ прибыль отъ разработки соляныхъ копей, о чемъ свидѣтельствуетъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гофманъ на стр. 512 и что вытекаетъ изъ самаго бюджета, который исчисляетъ доходъ въ приложеніи, т. I, стр. 324, опредѣляетъ расходы по управленію соляными копями въ 1121920 талеровъ. Остающуюся такимъ образомъ разницу въ 70000 талеровъ слѣдуетъ, собственно говоря, причислить къ доходу отъ соляной монополіи; во всякомъ случаѣ и она представляетъ собой чистый налогъ.

Какъ же распредѣляется этотъ налогъ въ 8302000 или въ 8372000 талеровъ между различными классами населенія?

Какъ разъ относительно соли мы располагаемъ самымъ точнымъ матеріаломъ для отвѣта на этотъ вопросъ.

Господа, я знаю, что доводы, къ которымъ я сейчасъ перейду, будутъ вамъ непріятны. Но я не могу избавить васъ отъ этого непріятнаго чувства. Необходимо, чтобы вы получили хотя бы приблизительное представленіе о тѣхъ мотивахъ, которыми вызывается мое поведеніе.

Я буду вамъ опять приводить оффиціальныя данныя. Книга, о которой я сейчасъ буду говорить, — одно изъ самыхъ интересныхъ правительственныхъ изданій. Въ іюлѣ 1848 года Королевская сельскохозяйственная коллегія въ Берлинѣ признала вполнѣ своевременнымъ и сочла своей первѣйшей задачей и обязанностью подробно изслѣдовать

положенiе рабочихъ классовъ, поскольку послѣднiе входятъ въ специальную область сельскаго хозяйства.

Въ виду этого Королевская сельскохозяйственная коллегiя разослала всѣмъ сельскохозяйственнымъ обществамъ циркулярный запросъ отъ 22 iюня 1848 года, начинающiйся слѣдующими словами;

„Вопросъ объ улучшенiи матерiальнаго положенiя рабочихъ классовъ стоитъ на очереди, а современное положенiе вещей дѣлаетъ его въ высщей степени важнымъ. Но его надлежащее разрѣшенiе будетъ зависѣть прежде всего отъ того, насколько полно и точно будутъ извѣстны какъ условiя, подлежащiя улучшенiю, такъ и тѣ нужды, которыя желательно удовлетворить.“ С-х. коллегiя поставила только два вопроса: первый — какова вѣроятная средняя норма достаточнаго содержанiя семьи сельскаго рабочаго изъ пяти человѣкъ для различныхъ округовъ прусскаго государства. Второй вопросъ былъ такой: въ какой мѣрѣ эта средняя норма въ состоянiи обезпечить устойчивое и достаточное существованiе каждому изъ слѣдующихъ трехъ классовъ, на которые коллегiя дѣлитъ все сельское рабочее населенiе: I) батраковъ или наемныхъ полевыхъ работниковъ (Dienstlente oder Feldgesinde); 2) поселенцевъ или колонистовъ, называемыхъ также коссэтами (Häusler oder Kolonisten, auch Kossäthen genannt); 3) съемщиковъ или жильцовъ (Einlieger oder Heuerlinge).

На этотъ запросъ поступило со стороны сельскохозяйственныхъ обществъ 185 отчетовъ, которые были обработаны совѣтникомъ и главнымъ секретаремъ с. х. коллегiи, профессоромъ Александромъ фонъ Лэнгерке; свой трудъ онъ представилъ затѣмъ въ министерство земледѣлiя, которое издало его подъ заглавiемъ: „Рабочiй вопросъ въ деревнѣ, по изслѣдованiямъ профессора д-ра А. ф. Лэнгерке“, Берлинъ 1849 г.

Послѣ изданiя этой книги поступили еще 56 отвѣтовъ, что побудило профессора Лэнгерке пересчитать среднiя данныя. Въ 1852 году онъ представилъ свою работу с. х. коллегiи, которая постановила напечатать ее въ извѣстiяхъ оффицiальнаго статистическаго бюро тайнаго совѣтника Дитерици, гдѣ эти дополненiя и поправки появились въ т. V, стр. 270—387.

Свѣдѣнiя эти я вамъ сообщилъ, чтобы вы могли,

какъ слѣдуетъ, оцѣнить всю важность нижеприведенныхъ данныхъ.

По этой же причинѣ необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Весь этотъ трудъ былъ предпринятъ въ виду прямо и открыто поставленной цѣли — выступить противъ тогдашней агитаціи въ прессѣ по вопросу о положеніи рабочаго сословія, чтобы, по возможности, противодѣйствовать ей. Въ своемъ предисловіи профессоръ Лэнгерке говоритъ объ этомъ ясно и опредѣленно: „Чѣмъ громче раздавался голосъ общественнаго мнѣнія и его органа, прессы, объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе обнаруживался огромный недостатокъ въ знаніи фактическаго положенія дѣла и существующихъ отношеній. Оружіемъ участниковъ этихъ обсужденій были главнымъ сбразомъ фразы и общія разсужденія; вмѣсто принциповъ и серьезныхъ мотивовъ въ спорахъ было много неумѣстнаго и вносилась страстность и партійный духъ; мало-по-малу истинныя задачи и цѣли этихъ обсужденій отступили на задній планъ и въ результатѣ появилось множество безпочвенныхъ проектовъ и шаткихъ экспериментовъ вмѣсто практическихъ мѣропріятій и существенной помощи. Поэтому коллегія признала своей первой и насущнѣйшей задачей — пріобрѣсти возможно широкое и полное знаніе дѣйствительнаго положенія дѣла, на которое такъ рѣшительно было направлено вниманіе всего общества, — чтобы избѣгнуть опасности притти къ заключеніямъ, несогласнымъ ни съ истиной, ни съ дѣйствительностью и не дать увлечь себя на ложный путь, затронувъ этотъ въ высшей степени важный вопросъ съ такой стороны, что вмѣсто благотворнаго и успокоительнаго дѣйствія получилось бы нарушеніе мирнаго и спокойнаго теченія дѣлъ.“

Итакъ, вся эта работа была предпринята съ единственной цѣлью — по возможности противодѣйствовать прессѣ. Тогда наша пресса еще переживала свою молодость, хотя ей подчасъ и недоставало солидныхъ фактическихъ зна ній Она еще болѣла душой за тяжелое положеніе и страданія народа! Она еще защищала народное дѣло! Она еще не дошла до рутиннаго и старческаго тупоумія нашей современной прессы, у которой сохранилось чутье, слухъ и голосъ только для интересовъ имущихъ классовъ.

Итакъ, печати надлежало оказать противодѣйствіе. Очень важно отмѣтить эту цѣль. Я вовсе не хочу заподозрить

эту книгу въ недобросовѣстности, но вы отлично понимаете, что произведеніе, задавшееся опредѣленной цѣлью „успокоить и умиротворить“, какъ выражается профессоръ Лэнгерке, скорѣе будетъ склонно преуменьшать, чѣмъ преувеличивать, скорѣе будетъ ошибаться въ сторону оптимизма, чѣмъ пессимизма, или будетъ по крайней мѣрѣ стилистически смягчать констатируемые имъ самимъ факты.

И несмотря на все это, какими признаніями кишитъ эта книга!

Вѣроятная средняя норма достаточнаго содержанія сельскаго рабочаго съ семьей въ пять человѣкъ добыта по каждому округу на основаніи средняго бюджета тѣхъ семей, которыя въ данномъ округѣ считаются достаточно обезпеченными; эта норма равна (см. сводныя таблицы у Дитерици въ прибавленіяхъ, т. V. стр. 319) для округовъ:

Кенигсбергъ	109	тал.	20	зильбергр.
Гумбминенъ	85	„	12	„
Данцигъ	94	„	18	„
Маріенвердеръ	105	„	12	„
Познань	76	„	19	„
Бромбергъ.	80	„	—	„
Потсдамъ	94	„	14	„ и т. д

Въ среднемъ для всего государства 105 тал. 2 зильб. 9 пфен. Это обычная средняя норма содержанія семьи изъ пяти лицъ, что даетъ 21 талеръ годового потребленія на душу.

Такова, господа, только идеальная норма существованія! Семья, состоящая изъ пяти лицъ, должна имѣть такой доходъ, чтобы существовать не ниже обычнаго средняго уровня удовлетворенія потребностей, — но, какъ вы сейчасъ увидите, она далеко не имѣетъ его. Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли мѣсто это достаточное потребленіе для каждой изъ названныхъ выше группъ: батраковъ, поселенцевъ и съемщиковъ? Замѣчу для большей ясности, что подъ именемъ батраковъ или наемныхъ полевыхъ работниковъ слѣдуетъ понимать такихъ работниковъ, которые, не владѣя собственной землей, находятся въ договорныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, отдавая себя въ услуженіе за опредѣленную поденную плату и за нѣкоторые виды вознагражденія натурой.

Подъ поселенцами, колонистами или коссэтами разу-

мѣются такія лица, которыя хотя и владѣютъ небольшимъ недвижимымъ имуществомъ — домомъ, садомъ или клочкомъ пашни и пр., — но не могутъ прокормиться на одинъ доходъ съ него и принуждены поэтому искать работы за плату.

Наконецъ съемщики или жильцы — это тѣ, которые, не состоя въ какихъ-либо обязательныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, и не владѣя собственнымъ участкомъ земли, живутъ по деревнямъ и колоніямъ на наемной квартирѣ и всецѣло кормятся той работой, которую имъ удается найти.

Въ заключительномъ резюмэ профессоръ Лэнгерке даетъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что только первая категорія сельскихъ рабочихъ, т. е. не владѣющихъ собственностью батраковъ, имѣетъ необходимое содержаніе, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать про вторую и третью категоріи, — поселенцевъ и съемщиковъ.

Профессоръ Лэнгерке говоритъ въ этомъ резюмэ дословно слѣдующее (стр. 14): „По предыдущему, во всей прусской монархіи батраки вообще въ состояніи, — хотя, правда, не вездѣ въ теченіе продолжительнаго времени, — удовлетворять на свой заработокъ въ достаточной степени свои потребности“.

„Если мы теперь обратимся, продолжаетъ онъ, къ группѣ такъ называемыхъ поселенцевъ (колонистовъ), то изъ сдѣланнаго нами сопоставленія получается выводъ, что ихъ положеніе въ общемъ менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе батраковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во многихъ случаяхъ даже нисколько не лучше положенія съемщиковъ или жилцовъ.“

А каково положеніе послѣднихъ, объ этомъ говоритъ проф. Лэнгерке, переходя къ третьей группѣ, стр. 17: „Еще рѣшительнѣе выступаетъ общая необезпеченность положенія сельскаго рабочаго у съемщиковъ и жильцовъ, — ихъ существованіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ скудно и непрочно“.

Обратите вниманіе господа: Ихъ положеніе непрочно и скудно даже въ сравненіи — обратите на это особенное вниманіе, господа! — съ тѣмъ и безъ того нищенскимъ „нормальнымъ“ содержаніемъ въ 105 талеровъ на 5 душъ, которое, предполагается, можетъ „обезпечить“ сельскому рабочему „прочное“ положеніе!

Еще болѣе вѣски и убѣдительны признанія, заключающіяся въ помѣщенномъ вслѣдъ за резюмэ матеріалѣ по отдѣльнымъ округамъ.

Возьму наудачу два-три примѣра.

Такъ на стр. 84 сказано о положеніи въ маріенвердерскомъ округѣ поселенцевъ Häusler oder Käthner, т. е. сельскихъ батраковъ, владѣющихъ нѣкоторой собственностью, слѣдующее: „Живущіе въ собственной хатѣ (Käthe) и съемщики находятся почти въ одинаковомъ положеніи, потому что хата перваго имѣетъ обыкновенно ничтожную цѣнность и по большей части обременена долгами; и тотъ и другой стоятъ часто на очень низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія". А о поселенцахъ штумскаго округа на той же страницѣ говорится: „Этотъ классъ живетъ здѣсь въ страшной нищетѣ" и далѣе: „къ несчастью, далеко зашедшее дробленіе земли значительно увеличиваетъ этотъ классъ; скорая законодательная помощь представляется неотложно необходимой".

На стр. 87 о съемщикахъ и жильцахъ въ мемельскомъ районѣ кенигсбергскаго округа сообщается: „Положеніе этихъ рабочихъ, ихъ зовутъ здѣсь „дольщиками" (Loosleute), несомнѣнно крайне непрочно".

На стр. 102 положеніе съемщиковъ въ гумбинненскомъ округѣ резюмируется слѣдующимъ образомъ: „Такое же вліяніе оказываетъ этотъ продуктъ (картофель) и на положеніе живущихъ здѣсь съемщиковъ, которое вообще всюду и всегда самое скудное и худшее изъ всѣхъ. Стоитъ не уродиться этому главному ихъ средству пропитанія — и они тотчасъ же впадаютъ въ нужду и нищету".

Стр. 107: „Рабочее сословіе ждетъ и надѣется, что для него должно наступить и наступитъ облегченіе, если войдетъ въ жизнь измѣненіе податной системы, которая главной своей тяжестью падаетъ теперь на него" (Курсивъ проф. Лэнгерке).

На стр. 121, въ общемъ обзорѣ о каждой отдѣльной провинціи, онъ говоритъ о провинціи Пруссіи: „Резюмируя все предыдущее, мы получаемъ тотъ несомнѣнный выводъ, что положеніе тѣхъ сельскихъ рабочихъ, которые не находятся въ опредѣленныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, и прежде всего положеніе съемщиковъ и жильцовъ, во многихъ и даже во всѣхъ отношеніяхъ крайне

печально. Ихъ образъ жизни представляется более чемъ скуднымъ, прямо бѣдственнымъ: ихъ питаніе ограничивается въ сущности картофелемъ, солью и водкой. Такое крайне упрощенное питаніе естественно должно оказывать сильное вліяніе на психику этого класса населенія; онъ отличается вялостью и такъ мало работоспособенъ, сравнительно съ населеніемъ другихъ мѣстностей, что его работа обходится гораздо дороже, несмотря на номинально болѣе низкую заработную плату".

О провинціи Бранденбургъ, франкфуртскаго округа, на стр. 158 читаемъ: „Гораздо въ худшемъ положеніи находятся собственно поселенцы (Häusler) или кутники (Büdner), у которыхъ есть домъ, но нѣтъ ни огородной ни полевой земли. Получаемая ими квартирная плата съ жильцовъ обыкновенно покрываетъ квартирный налогъ и другія подати: впрочемъ, если ихъ дома требуютъ постоянныхъ затратъ на ремонтъ, то положеніе ихъ очень немногимъ отличается отъ положенія ихъ жильцовъ. Поэтому ихъ можно поставить почти на одну доску съ послѣдними и т. д." О съемщикахъ и жильцахъ въ потсдамскомъ округѣ, стр. 161: „Въ общемъ, положеніе этихъ людей очень непрочно". А во франкфуртскомъ округѣ, стр. 164: „Разница между положеніемъ хорошо поставленныхъ батраковъ (Dienstleute) и положеніемъ поденщиковъ, не имѣющихъ надъ собой хозяина (herrenlose Tagelöhner), измѣняется все болѣе не въ пользу послѣднихъ. Многимъ молодымъ поденщикамъ вовсе не удается, или удается съ большимъ трудомъ пристроиться на постоянное мѣсто, а крупные и мелкіе землевладѣльцы едва ли могутъ всѣмъ поденщикамъ представить хотя бы по немногу земли подъ картофель; въ большинствѣ случаевъ они не соблюдаютъ этого обычая, такъ какъ при расплатѣ съ поденщиками наличными деньгами полевыя работы обходятся имъ дешевле; этимъ самымъ все болѣе подрывается основа благосостоянія поденнаго рабочаго, именно — возможность самому воздѣлывать для себя въ достаточномъ количествѣ необходимые естественные продукты. Отсюда — упорное стараніе поденныхъ рабочихъ путемъ покупки или аренды получить во владѣніе маленькій участокъ земли, что отчасти приводитъ къ прямо противоположному результату: при слишкомъ мелкихъ отрѣзкахъ, — да притомъ еще плохой земли, положеніе поден-

наго рабочаго, повидимому, скорѣе ухудшается, чѣмъ обезпечивается“. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ общій выводъ отвосительно всего сельскаго рабочаго населенія франкфуртскаго округа, стр. 172: „Что касается южной части Кенигсбергскаго округа, нельзя не признать, что физическая сила тамошнихъ сельскихъ рабочихъ замѣтно понижается, — отчасти какъ необходимое послѣдствіе питанія почти однимъ картофелемъ и добываемой изъ него водкой, отчасти же — это имѣетъ мѣсто исключительно у не имѣющихъ хозяина поденщиковъ (herrenloser Tagelöhner) — вслѣдствіе недостаточной и плохой пищи вообще, обусловленной недостаточнымъ заработкомъ“.

О положеніи съемщиковъ и колонистовъ въ Силезіи, въ неймарктскомъ округѣ, ст. 261: „Во всякомъ случаѣ, эти люди занимали менѣе прочное положеніе, чѣмъ съемщики“.

О бывшихъ барщинныхъ (Robotpflichtiger), ст. 165: „При такихъ условіяхъ этотъ классъ не можетъ существовать — въ особенности же, если еще приходится платить оброкъ за долгъ въ нѣсколько сотъ талеровъ — если ему не удается приарендовать землю или достать работу у владѣльца. Многіе поэтому не хотятъ для себя столь желанной и ожидаемой всѣми свободы“.

Резюмируя положеніе поселенцевъ во всей Силезіи авторъ говоритъ, стр. 268: „Изъ этихъ описаній вытекаетъ, что положеніе этихъ людей часто ничуть не лучше положенія неимущихъ пролетаріевъ; только въ лигнитцкомъ округѣ условія сложились для нихъ гораздо благопріятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Вообще тамъ, гдѣ еще сохранились остатки барщинныхъ отношеній, положеніе поселенца нѣсколько лучше и т. д.“

О положеніи съемщиковъ въ оппельнскомъ округѣ на стр. 276 говорится: „Въ настоящее время значительная часть неимущаго рабочаго класса даже при дешевой цѣнѣ пищевыхъ продуктовъ испытываетъ почти постоянную голодовку благодаря тому, что не хватаетъ работы и побочныхъ заработковъ“.

Нарисовавъ общую картину положенія всѣхъ сельскихъ рабочихъ въ оппельнскомъ округѣ, проф, Лэнгерке на стр. 292 пишетъ курсивомъ слѣдующія слова: „большею частью этотъ классъ людей не достигаетъ престарѣлаго возраста, чему виной, конеч-

но, дурныя условія жизни, непосильная работа и скудное питаніе".

То же самое говоритъ онъ и объ аржбергскомъ округѣ въ Вестфаліи стр. 355: „Въ этомъ округѣ также—(какъ и въ мюнстерскомъ, о которомъ упоминается предъ этимъ на стр. 354)—положеніе интересующей насъ группы рабочихъ (поселенцевъ) въ существенныхъ чертахъ сходно съ положеніемъ третьей группы—съемщиковъ".

Еще хуже обстоитъ дѣло въ Рейнской провинціи, о поселенцахъ дюссельдорфскаго округа говорится, стр. 380: „Сравнительныя выгоды положенія этихъ людей скорѣе кажущіяся, въ такой степени обременены долгами, что вся плата, получаемая ими съ жильца или съемщика, почти цѣликомъ уходитъ на уплату процентовъ. Единственное осязательное преимущество заключается для нихъ въ томъ, что онн свое жалкое существованіе влачатъ на опредѣленномъ мѣстѣ.

На стр. 381 идетъ рѣчь о поселенцахъ въ кобленцкомъ округѣ, причемъ мимоходомъ констатируется одно обстоятельство, на которое я вамъ указывалъ раньше: „Ихъ положеніе ухудшается еще тѣмъ, что высота ихъ заработной платы остается и при вздорожаніи хлѣба неизмѣнной". Настр. 385 о съемщикахъ въ кельнскомъ округѣ: „Больше всего вызываетъ тревогу то обстоятельство, что даже неимущія рабочія семьи, находящіяся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ благодаря непрерывности своей работы, все же не въ состояніи обезпечить себѣ достаточное пропитаніе своей заработной платой".

Резюмируя положеніе всего сельскаго рабочаго населенія Рейнской провинціи, проф. Лэнгерке на стр. 387 замѣчаетъ: „На основаніи предыдущаго и принимая во вниманіе еще не использованные здѣсь матеріалы о положеніи рабочаго класса, на вопросъ, какой заработокъ достаточно обезпечиваетъ рабочаго, можно отвѣтить, вообще говоря, только такимъ образомъ:

„Что рейнско-прусскій рабочій въ громадномъ большинствѣ случаевъ не имѣетъ достаточнаго и регулярнаго содержанія, которое еще болѣе скудно, когда рабочій лишенъ постояннаго заработка, и въ особенности за послѣднее время,

когда вздорожаніе жизненныхъ припасовъ такъ затрудняетъ удовлетвореніе его насущныхъ потребностей“.

Но чтобы лучше уяснить себѣ смыслъ изложенныхъ фактическихъ данныхъ, намъ слѣдуетъ еще бросить взглядъ на цифры, характеризующія положеніе каждой изъ данныхъ трехъ категорій сельскихъ рабочихъ.

Батраковъ или наемныхъ полевыхъ рабочихъ проф. Лэнгерке насчитываетъ („Прибавленія“ у Детерици Т. V. стр. 325)—923181. Это, стало быть, люди, действительно обладающіе тѣмъ нормальнымъ содержаніемъ въ 80, 90, 100, 110 талеровъ, которое въ среднемъ для всего государства составляетъ 105 тал. 2 зильберг. 9 пфен. на семью изъ 5 лицъ, но обладаніе это, по словамъ самого проф. Лэнгерке, хотя и достаточно, но не неустойчиво.

Обѣ другія категоріи, поселенцы и съемщики лишены даже этого; они не получаютъ даже этого нищенскаго—при семьѣ въ 5 душъ—содержанія въ 80, 90, 100, 110 талеровъ, которое въ ихъ округѣ обычно считается „достаточной“ нормой и исчислено для всего государства въ среднемъ въ 105 талеровъ на семью изъ 5 лицъ; а какъ огромно число лицъ, принадлежащихъ къ обѣимъ этимъ категоріямъ — объ этомъ скажетъ вамъ самъ проф. Лэнгерке.

Въ „Прибавленіхъ“ Т. V стр. 325, онъ опредѣляетъ число поселенцевъ въ 1497440, !а число съемщиковъ въ 749173. Общую численность съемщиковъ, включая и ихъ семейства, онъ исчисляетъ въ 3745865 душъ. Предоставляю вамъ самимъ подсчитать, сколько же душъ приходится на поселенцевъ и ихъ семьи, если ихъ число, по Лэнгерке, вдвое больше числа съемщиковъ.

И при этомъ, какъ совершенно опредѣленно разъясняетъ на стр. 324 самъ проф. Лэнгерке, рѣчь идетъ исключительно о рабочихъ, занятыхъ въ земледѣльческой промышленности, а не о всѣхъ, хотя и живущихъ въ деревнѣ, но занятыхъ въ горномъ дѣлѣ, въ промыслахъ и на фабрикахъ.

Всѣ эти факты раскрыты самимъ министерствомъ, но раскрыты съ цѣлью поставить населеніе въ извѣстность относительно ихъ, чтобы заставить общественное мнѣніе освѣтить и обсудить ихъ, чтобы заинтересовать ими имущіе классы, несмотря на то, что наша пресса обходитъ эти факты съ величайшей апатіей и равнодушіемъ.

И въ сравненіи съ этими фактами огромной важности, которые я вынужденъ былъ развернуть передъ вами, въ сравневіи съ этими жгучими вопросами, которые скрываются въ нихъ, какимъ ничтожнымъ кажется мнѣ самому и долженъ казаться вамъ вопросъ, гдѣ мнѣ предстоитъ продолжить въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ мои научныя занятія: въ стѣнахъ ли моей библіотеки, и ли въ стѣнахъ тюрьмы!

Наоборотъ, какъ охотно я велъ бы этотъ процессъ, еслибы вскрытіемъ этихъ фактовъ мнѣ удалось пробудить въ васъ и во всѣхъ моихъ согражданахъ убѣжденіе, что подобное положеніе вещей не можетъ далѣе продолжаться, что его измѣненіе является настоятельнѣйшей потребностью времени.

Вернемся, однако, къ той сторонѣ дѣла, которая заставила насъ коснуться книги профессора Лэнгерке.

Сколько соли потребляетъ населеніе нашей страны?

Въ этой книгѣ въ восьми столбцахъ точно перечислены по округамъ всѣ потребности населенія: жилище, отопленіе и освѣщеніе, пища, одежда, кормъ для скота, содержаніе рабочаго инвентаря, соль и подати. Въ наиболѣе удобномъ видѣ цифры сгруппированы въ таблицѣ помѣщенной у Дитерици въ „Прибавленіяхъ“ т. V, стр. 319.

Тамъ вы найдете, что

Въ Кенигсбергскомъ округѣ средній бюджетъ	109 тал. 29 зильб.	
на соль тратится . . .		3 тал. 14 зильб.
Гумбиненскомъ	85 тал. 12 зилб.	
на „ „		3 „ 21 „
Данцигскомъ	94 тал. 18 зилб.	
на „ „		3 тал. 17 зилб.

Для всей страны, при среднемъ бюджетѣ сельской рабочей семьи изъ 5-ти лицъ, въ 105 тал. 2 зилб. 9 пфен., на соль тратится 2 тал. 22 зл. 2 пф.; т. е. 3% всего дохода, притомъ дохода принятаго за норму, а не дѣйствительнаго, который съ первымъ далеко не совпадаетъ. Итакъ, по разсчету профессора Лэнгерке, на мой взглятъ дающаго цифру нѣсколько ниже дѣйствительной, рабочая семья при своихъ 105 тал. на соль тратитъ 2 тал. 22 зилб. 2 пф. Посмотримъ, какую сумму тратятъ на соль люди нашего сословія.

Считая, что ваши семьи состоятъ изъ 5 человѣкъ, я имѣю полное основаніе утверждать — спросите, господа, вашихъ женъ, онѣ подтвердятъ мой разсчетъ—что вы тратите на соль ни въ коемъ случаѣ не больше 1 тал. 10 злб.

Пусть васъ не удивляетъ, что вы тратите на соль сравнительно такъ мало. Извѣстно, что чѣмъ проще и менѣе питательна пища, которую мы ѣдимъ, тѣмъ большимъ количествомъ соли она должна быть приправлена. Я ограничусь тѣмъ, что приведу по этому поводу свидѣтельство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гофмана изъ его посмертныхъ сочиненій стр. 499: „она (т. е. поваренная соль), тѣмъ необходимѣе бѣдняку, чѣмъ грубѣе и менѣе питательна его пища".

Тѣ 98269 семействъ во всей Пруссіи, которыя имѣютъ свыше 660 талеровъ дохода, тратятъ на соль, считая по 1 тал. 10 злб. на семью, въ общемъ 131355 тал. Этимъ ограничивается ихъ участіе какъ въ добычѣ соли, которая обходится государству въ 1190583 тал., такъ и въ соляномъ налогѣ, который по смѣтѣ государственныхъ доходовъ исчисляется въ 8302924 тал. Все остальное, т. е. около 9360000 талеровъ уплачиваютъ опять таки бѣдные классы.

Можете ли вы послѣ всего этого поставить мнѣ въ упрекъ, что я старался склонить общественное мнѣніе въ пользу низшихъ классовъ.

Неужели только за то, что я не могу примириться съ пошлой, ходячей фразеологіей, за которую такъ любятъ прятаться теперь, меня можно обвинять въ революціонномъ образѣ мыслей и даже болѣе того, наказывать за мятежныя дѣйствія?

Почему мнѣ такъ чужда эта фразеологія?

Опубликованный приговоръ обвиняетъ меня въ томъ, (стенографическій отчетъ стр. 235), что я причисляю себя самого къ рабочему сословію. Въ приговорѣ, какъ видно, совершенно извращено одно очень ясное мѣсто въ моей лекціи. Мы всѣ работники, говорилъ я, понимая эти слова въ томъ смыслѣ, что каждаго члена общества, который приноситъ послѣднему какую-нибудь пользу, поэтому и васъ самихъ, слѣдуетъ считать работниками.

Причислять себя къ работникамъ въ какомъ-либо иномъ, болѣе опредѣленномъ или спеціальномъ для меня смыслѣ, у меня нѣтъ ни основаній, ни возмож-

ности. Въ этомъ отношенiи я безспорно нахожусь въ положенiи буржуа: мои доходы даютъ мнѣ возможность вести жизнь посвященную наукѣ и приносить ей не малыя жертвы.

Что же заставляетъ меня, несмотря на это, всетаки бороться съ тѣми ходячими фразами, о которыхъ я говорилъ выше; что заставляетъ меня обращать вниманiе общественнаго мнѣнiя на несправедливое и вопiющее положенiе низшихъ классовъ?

Одиноко я иду своей тропой, преслѣдуемый прокурорами, осуждаемый судами, приводя въ ужасъ современную либеральную прессу, которая, повѣрьте мнѣ, ненавидитъ меня, какъ ни одинъ прокуроръ, ни одинъ судъ въ мiрѣ!

Что же меня заставляетъ подвергать себя всему этому?

Я скажу вамъ это!

Я могу, и при данныхъ условiяхъ даже долженъ вамъ это сказать!

Я не могу примириться съ тѣми пошлыми, истасканными фразами потому, что для этого мои изслѣдованiя слишкомъ глубоки, мои знанiя слишкомъ полны, мой кругозоръ слишкомъ широкъ.

Великiя, ужасныя мученiя, которыя уже десятилѣтiя испытываетъ Европа, которыя одинаковой болью отзываются въ сердцѣ у всѣхъ насъ, не могутъ вести къ той цѣли, какую стараются имъ навязать предразсудки настоящаго момента. Во всякомъ случаѣ не для того произошелъ этотъ переворотъ, чтобы г. фонъ-Унру или г. фонъ-Финке имѣли возможность препираться съ королемъ и министрами и тѣшиться мыслью, бутдо они необходимые для государства люди — „hommes d'importace". Для этого не могло быть пролито столько крови, перенесено столько страданiй и мукъ, чтобы крупная буржуазiя, стоящая во главѣ тѣхъ 44407 человѣкъ, о которыхъ говорилось выше, могла бы къ своимъ вилламъ, театральнымъ ложамъ, содержанкамъ, и другимъ „благамъ жизни" присоединить еще тщеславное сознанiе самоуправленiя, чтобы она имѣла возможность выставлять себя на показъ, произнося цвѣтистыя рѣчи въ парламентѣ. Для достиженiя этого результата не стоило безпокоиться.

Если бы я хотѣлъ выразить квинтэссенцію всѣхъ моихъ кропотливыхъ научныхъ трудовъ въ одномъ общемъ итогѣ всѣхъ моихъ изслѣдованій въ области различныхъ историческихъ наукъ, то ее можно было бы формулировать въ единственномъ положеніи такимъ образомъ:

Одно изъ двухъ. Или будемъ пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ дѣвушекъ и вообще предаваться алчной погонѣ за наслажденіями, или же, если мы хотимъ разсуждать объ общественномъ благѣ и нравственности, посвятимъ всѣ наши силы улучшенію мрачной участи большинства человѣческаго рода, этого безпредѣльнаго океана, изъ черныхъ водъ котораго мы, имущіе, выдѣляемся какъ будто, только для того, чтобы показать какъ мрачна и какъ глубока его бездна.

Не одного меня научныя изслѣдованія привели къ этому выводу.

Послушайте, какой меланхоліи полны слова, вырвавшіяся послѣ долгой борьбы съ самимъ собою у Дж. Ст. Милля, этого самого яркаго изъ современныхъ представителей школы Рикардо, которая представляетъ изъ себя наиболѣе глубокое и научное направленіе въ буржуазной политической экономіи.

„Если бы большинству человѣческаго рода суждено было вѣчно оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ оно находится теперь, подъ игомъ принудительнаго труда, въ которомъ оно лично не заинтересовано и къ которому поэтому безучастно; если бы всѣ эти люди должны были вѣчно, съ утра до глубокой ночи, цѣной тяжкихъ страданій добывать себѣ кусокъ черстваго хлѣба, погрязая въ умственномъ и нравственномъ невѣжествѣ, не имѣя никакой нравственной поддержки, слишкомъ голодные, чтобы думать о просвѣщеніи, съ душой вѣчно занятой мелкими невзгодами; если бы они вѣчно были также безучастны къ общественной жизни и не сознавали, что они граждане и полноправные члены общества, и наоборотъ, еслибы при взглядѣ на то, чѣмъ владѣютъ другіе и чего недостаетъ имъ, въ ихъ душѣ закипала буря ненависти за несправедливость по отношенію къ нимъ — еслибы все это должно было продолжаться вѣчно, то я сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь, находясь въ полномъ разсудкѣ, могъ мечтать о какомъ бы то ни было назначеніи человѣчества. Единственный смыслъ жизни

заключался бы тогда исключительно въ томъ, чтобы, не обращая вниманія на безсмысленную кутерьму, такъ называемой, цивилизованной жизни, съ эпикурейской безпечностью срывать для себя и для своихъ близкихъ цвѣты наслажденій, насколько это возможно, безъ ущерба для другихъ". Это слова Дж. Ст. Милля.

Но не всегда онъ говорилъ такъ.

Было время, когда онъ ожесточенно полемизировалъ съ тѣми, кто такъ говорилъ. Но продолжая свои научныя изслѣдованія и размышленія, онъ самъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ. Послушаемъ теперь, что намъ скажетъ прусскій дѣйствительный тайный совѣтникъ!

„Такимъ образомъ, — пишетъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гофманъ на стр. 224 своихъ посмертныхъ сочиненій—при всеобщемъ одобреніи благомыслящихъ и благоразумныхъ элементовъ, незамѣтно появилось средство уменьшенія наемной платы за ручной трудъ. Слѣдствіемъ этого было ужасное развращеніе населенія, которое, впрочемъ, пустило глубокіе корни лишь въ самое послѣднее время. Теперь съ распространеніемъ ткацкихъ и прядильныхъ машинъ, развратъ этотъ принялъ повсѣмѣстно такіе размѣры, что большая часть нѣкогда цвѣтущихъ фабричныхъ мѣстностей уже не въ состояніи бороться съ этимъ зломъ.

Только очень сильное правительство въ состояніи задержать это зло и возвратъ къ лучшему возможенъ лишь медленнымъ путемъ. Англія, выступившая прежде всѣхъ на этотъ гибельный путь, первая начинаетъ ограничивать примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ. И если всего того, что сдѣлано въ этомъ отношеніи до сихъ поръ, еще далеко недостаточно для искорененія зла, то во всякомъ случаѣ въ этомъ обнаруживается новое направленіе въ дѣятельности законодательной и исполнительной власти, ставящее себѣ цѣлью освобожденіе промышленности отъ позорнаго упрека въ томъ, что она стремится купить увеличеніе національнаго богатства цѣной развращенія значительной части націи."

Если бы я, господа, бросилъ по адресу современной промышленности „позорный упрекъ" въ томъ, что она „покупаетъ національное богатство цѣной развра-

щенія значительной части націи", съ какой увѣренностю прокуроръ тогда бы заявилъ, что я возбуждаю массы и призываю ихъ къ ненависти и презрѣнію?

Наши рыцари свободной торговли, эти обезъяничающіе подражатели манчестерской школы, эти шуты, воображающіе, что они экономисты, заполняютъ всѣ щели нашей ежедневной прессы и поютъ передъ обманутымъ народомъ „осанна" прекрасному состоянію и безукоризнености нашего превосходнаго экономическаго строя. То самое государственное вмѣшательство, въ которомъ прусскій тайный совѣтникъ Гофманъ и англійскій экономистъ Д. С. Милль видятъ единственный возможный выходъ изъ современнаго положенія, они провозглашаютъ принципомъ зла, желая воспрепятствовать измѣненію положенія къ лучшему, сохранить теперешнюю волокиту, такъ выгодную для нихъ. Изъ всѣхъ силъ они стараются убаюкать общественный разумъ, чтобы онъ уснулъ тѣмъ вѣчнымъ сномъ, въ который погрузился ихъ собственный. А мнѣ господа, вы хотите запретить высказаться, хотите помѣшать мнѣ склонить общественное мнѣніе въ пользу той великой идеи, съ которой въ основныхъ ея чертахъ, не смотря на протесты корыстолюбивыхъ англійскихъ коттонлордовъ*) и ихъ безмозглыхъ нѣмецкихъ подражателей, согласны всѣ лучшіе люди науки?

Или, быть можетъ, вы считаете, что у меня есть какой нибудь другой путь дѣйствовать въ пользу этой идеи?

Во время патріархальнаго абсолютизма, еще въ началѣ этого столѣтія, всякій, кто могъ указать на необходимость и цѣлесообразность проведенія въ жизнь государства той или инной реформы, имѣлъ право представить по этому поводу записку королю. И еслибы я жилъ въ то время, я, вѣроятно, избралъ бы этотъ путь.

Теперь же и король и министры при всемъ своемъ желаніи безсильны измѣнить что либо, не опираясь на достаточную силу общественнаго мнѣнія. Ниже я докажу вамъ это блестящимъ примѣромъ. Теперь, самое лучшее, что я могу сдѣлать, это идти на встрѣчу публичному обсужденію вопроса и попытаться создать это вліяніе общественнаго мнѣнія. Я не хочу, чтобы кто нибудь имѣлъ право сказать, что хоть ничтожая часть того, что оспари-

---

*) Крупные хлопчатобумажные фабриканты въ Англіи.

валъ и подвергалъ сомнѣнію прокуроръ, оставлено мною безъ возраженія; и поэтому прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, я позволяю себѣ привести доказательства еще по двумъ тезисамъ моей лекціи.

Въ своей лекціи, а также при разбирательствѣ дѣла въ первой инстанціи, я, къ величайшему изумленію прокурора, разъяснилъ, что всѣ налоги, за исключеніемъ доходовъ отъ государственныхъ земель, которые представляютъ собой видъ имущественнаго дохода, а также и за исключеніемъ поразряднаго подоходнаго налога и классной подати, можно въ сущности, назвать косвенными налогами, хотя государственный бюджетъ и не считаетъ ихъ таковыми, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, промысловый и поземельный, даже помѣщаетъ подъ рубрикой прямыхъ налоговъ.

Послѣднее происходитъ благодаря тому, что государственный бюджетъ не руководствуется, да и не можетъ руководствоваться въ этомъ подраздѣленіи научными основаніями, а обращаетъ вниманіе исключительно на внѣшній порядокъ сбора подати. Съ научной точки зрѣнія и въ дѣйствительности прямымъ налогомъ можно назвать такой, который ваимается съ имущества или дохода. Съ другой стороны, косвенными налогами являются всѣ тѣ, которые взимаются съ отдѣльнаго лица чрезъ посредство обложенія его опредѣленной потребности. Такимъ образомъ къ числу косвенныхъ налоговъ относится налогъ на соль почтовый и лоттерейный сборы, а также и всѣ тѣ налоги которые, хотя и собраны прямымъ путемъ, но, какъ напримѣръ, поземельный налогъ, могутъ быть переложены плательщикомъ на другихъ. Короче говоря, къ числу косвенныхъ налоговъ относятся всѣ наши налоги, за исключеніемъ класснаго и подоходнаго.

Въ то время какъ я излагалъ эту теорію, прокуроръ выражалъ всевозможнѣйшие знаки удивленія.

Послушайте же, господа, какъ давно и прочно эта теорія установилась въ наукѣ.

Въ приложеніи къ номеру 304 офиціальной „Allgemeine Preussiche Staats-Zeitung“ за 1829 годъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Гофманъ опубликовалъ свою статью, помѣщенную затѣмъ въ его посмертныхъ сочиненіяхъ на стр. 461 и сл. Статья эта начинается слѣдующимъ образомъ.

„Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда споры о преимуществахъ и недостаткахъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ возникали по отдѣльнымъ поводамъ и вращались въ сферѣ общихъ разсужденій, еще не ощущалось, какъ теперь, потребности, предварительно подробно установить, какіе налоги слѣдуетъ называть прямыми и какіе косвенными.

Во Франціи отъ уплаты опредѣленной суммы прямыхъ налоговъ зависитъ обладаніе важными политическими правами, однако и тамъ вопросъ о томъ, какіе налоги слѣдуетъ считать прямыми не возбуждаетъ никакихъ споровъ.

Въ частности патентный сборъ разсматривали тамъ, также какъ у насъ родственный ему промысловый налогъ, какъ прямой налогъ, и лишь съ недавняго времени нѣкоторыя періодическія изданія не хотятъ признавать за нимъ такого значенія.

Но если у насъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія возбуждать подобный же споръ (въ то время, когда Гофманъ писалъ эти строки, въ Пруссіи съ прямыми налогами не было связано никакихъ политическихъ правъ), то все же, мнѣ кажется, не будетъ лишнимъ напомнить снова тѣ понятія, на которыхъ основано общее раздѣленіе налоговъ на прямые и косвенные."

Замѣтьте, кстати, что говоритъ здѣсь, дѣйствительный тайный совѣтникъ!

Основательный поводъ для выясненія понятій прямого и косвеннаго налоговъ представится только тогда, когда отъ этого будутъ зависѣть политическія права. Эта связь существуетъ у насъ уже 14 лѣтъ. Я слѣдую совѣту его превосходительства.

Я выясняю понятія и взаимоотношеніе прямыхъ и косвенныхъ налогоаъ — а прокуроръ и судъ усматриваютъ въ этомъ призывъ къ ненависти и презрѣнію.

Но перейдемъ къ дѣлу. Гофманъ выясняетъ, почему подраздѣленіе налоговъ, принятое въ государственномъ бюджетѣ, нельзя считать основательнымъ. Государственный бюджетъ не въ состояніи опредѣлить поскольку лицо, съ котораго взыскивается данный налогъ, является его фактическимъ плательщикомъ, и поскольку, возмѣщая свой платежъ на счетъ другихъ лицъ, оно является лишь посредникомъ между ними и казной.

Дѣйствительное различіе между прямымъ и косвеннымъ налогомъ онъ устанавливаетъ въ слѣдующемъ положеніи: „Налогъ взимается либо съ какого-нибудь предмета, либо съ какого-нибудь дѣйствія“. Въ первомъ случаѣ, по его мнѣнію, мы имѣемъ дѣло съ прямымъ, во второмъ съ косвеннымъ налогомъ. Имущество, по его терминологіи, это—предметъ, какая-нибудь операція—дѣйствіе.

Я могъ бы вамъ назвать цѣлый рядъ авторитетовъ, которые стремятся опредѣлить различіе между прямыми и косвенными налогами именно въ этомъ же смыслѣ. Подумайте же хорошенько, и вы убѣдитесь, что я развиваю ту же самую мысль, которая была высказана Гофманомъ только, можетъ быть, въ болѣе ясной и понятной формѣ, называя косвенными налогами такіе, которые независимо отъ того, какъ и черезъ кого они взысканы, падаютъ не на имущество плательщика, а на опредѣленную его потребность.

Но насъ вовсе и не интересуетъ здѣсь, какое изъ этихъ опредѣленій наиболѣе вѣрно теоретически. Въ своей рѣчи я коснулся этихъ опредѣленій лишь затѣмъ, чтобы имѣть исходный пунктъ для оцѣнки дѣйствительныхъ результатовъ того или иного способа обложенія. Относительно же того, что косвенными налогами приходится признать всѣ тѣ, которые все равно, называетъ ли ихъ бюджетъ косвенными налогами, или монополіями, или доходами съ разныхъ учрежденій, взимаются съ какой-нибудь опредѣленной потребности отдѣльнаго плательщика — относительно этого не существуетъ никакого сомнѣнія у представителей науки, даже тѣхъ націй, которыя не ломаютъ себѣ, какъ мы нѣмцы, головы надъ опредѣленіями.

Послушайте, что напримѣръ, говоритъ баронъ Жерандо, членъ „de l'Institut de France“, авторъ большого труда: „Institut du Droit administratife français“: Онъ начинаетъ (т. V, стр. 100, гл. II о косвенныхъ налогахъ) словами § 1045. „Подъ именемъ косвенныхъ налоговъ обыкновенно понимаются самыя разнообразныя подати“. Затѣмъ, какъ это и подобаетъ истому французу, онъ начинаетъ вмѣсто нашего нѣмецкаго умствованія надъ опредѣленія, выяснять понятія объ этихъ налогахъ на примѣрахъ. „Нѣкоторые налоги взимаются прямо съ предметовъ потребленія, какъ, напримѣръ, съ напитковъ, соли, игральныхъ картъ! § 1046 „Нѣкоторые изъ налоговъ на предметы потребленія тѣсно

связаны съ государственной монополіей на послѣдніе, какъ, напримѣръ, налоги на табакъ, порохъ". § 1048 „Нѣкоторые взимаются при транспортѣ, какъ, напримѣръ, сборы съ судовъ, паромовъ и лодокъ, почтовый сборъ и сборъ съ дилижансовъ, и т. д." § 1050 „Часто встрѣчаются сборы съ опредѣленныхъ операцій, которыи тѣсно связаны съ опредѣленными гарантіями, какъ, напримѣръ, судебныя и нотаріальныя пошлины, штемпельный сборъ, сборъ за пробу серебряныхъ и золотыхъ издѣлій".

Вы видите, такимъ образомъ, господа, что кромѣ прокурора, который удивлялся, что я подвожу всякаго рода штемпельные сборы *) подъ разрядъ косвенныхъ налоговъ, никто болѣе въ этомъ не сомнѣвается.

Прокуроръ воскликнулъ по этому поводу (стр. 215 стеногр. отчета): „Къ тому же бѣдняку очень рѣдко приходится покупать штемпельную бумагу, особенно высокаго достоинства, а потому участвовать въ уплатѣ и этого косвеннаго—налога"!

Прежде всего меня удивляетъ, что господинъ прокуроръ при всемъ своемъ добромъ сердцѣ не принялъ въ расчетъ того обстоятельства, что для какого-нибудь ремесленника или мелкаго землевладѣльца уплатить штемпельный сборъ съ векселя по 200 талеровъ не менѣе, и даже, можетъ быть, гораздо болѣе обременительно, чѣмъ для фабриканта или крупнаго землевладѣльца уплатить сборъ съ крупнаго векселя.

Но не въ этомъ заключается мое главное и наиболѣе убѣдительное возраженіе — оно заключается въ томъ, что прокуроръ, очевидно, опять искушенный голосомъ своего нѣжнаго сердца совершенно не видитъ, что и высокій штемпельный сборъ, взимаемый съ богатаго, уплачивается послѣднимъ лишь на время, по существу же онъ возмѣщается плательщику на счетъ потребителя и, такимъ образомъ, опять таки въ концѣ концовъ падаетъ своей тяжестью на бѣдняка.

Конечно, если бы займы дѣлались исключительно для мотовства, тогда можно было бы сказать, что штемпельный сборъ изъ заемныхъ писемъ собирается непосредственно съ векселедателя. Но мы живемъ, говоря вообще, въ очень экономномъ обществѣ, и только очень незначи-

---

*) Гербовые сборы.

тельная часть заключаемыхъ ежегодно займовъ идетъ на мотовство.

Если мы будемъ имѣть въ виду ссуды, которыя получаетъ помѣщикъ для улучшенія своего сельско-хозяйственнаго обихода, а фабрикантъ купецъ для веденія своего предпріятія, то въ этомъ случаѣ штемпельный сборъ, взимаемый съ векселей, заемныхъ писемъ или закладныхъ листовъ совершенно такимъ же образомъ, какъ и проценты на ссудный капиталъ прибавляются къ издержкамъ производства и, повышая стоимость продукта, уплачиваются въ концѣ концовъ потребителемъ, т. е. опять таки бѣднякомъ.

Чтобы хоть отчасти иллюстрировать вамъ къ какимъ запутаннымъ и пагубнымъ послѣдствіямъ ведутъ штемпельные сборы и судебныя пошлины, чтобы показать вамъ какимъ незамѣтнымъ, на первый взглядъ, источникомъ обнищанія они являются, я позволю себѣ привести одно только мѣсто изъ знакомаго вамъ уже изданнаго правительствомъ сочиненія профессора фонъ-Лэнгерке.

Тутъ (на стр. 70) рѣчь идетъ о поселенцахъ Рагнитскаго округа: „Особенно тяжкимъ и часто невыносимымъ бременемъ для крестьянскаго хозяйства являются выдѣлы, которые задерживаютъ его развитіе и ведутъ къ обѣдненію и многочисленнымъ процессамъ. Поводомъ для этихъ выдѣловъ служитъ боязнь передъ судебнымъ вмѣшательствомъ при дѣлежѣ наслѣдства, и передъ громадными расходами связанными съ нимъ. Собственникъ такого участка, часто еще въ полной силѣ, особенно же, если мужъ и жена страдаютъ какой нибудь продолжительной болѣзнью, а потому не надѣются одни долго вести свое хозяйство, уступаютъ свой участокъ или сыну, или, еще чаще, постороннему, съ условіемъ жениться на ихъ дочери. Производится оцѣнка участка и уславливаются въ размѣрѣ содержанія выдаваемаго родителямъ въ видѣ стариковскаго выдѣла. Часто изъ одного участка производится отъ 3 до 4 подобныхъ выдѣловъ. Печальная сторона дѣла заключается въ томъ, что молодые супруги, обыкновенно не старше 16, 20, 22 лѣтъ, вслѣдствіе своей молодости и неопытности не въ состояніи вести энергично и толково свое хозяйство. Было бы очень желательно, чтобы подобныя сдѣлки впредь не допускались, независимо отъ того, производится ли уплата

по нимъ наличными деньгами или натурой; — но въ этомъ случаѣ слѣдовало бы ввести безплатный раздѣлъ наслѣдства."

Далѣе на стр. 83 онъ говоритъ о гумбиненскомъ :округѣ „Серьезнымъ зломъ для земельныхъ хозяйствъ поселенцевъ являются такъ называемые выдѣлы и т. д.".

Изъ всего того, что я говорилъ о косвенныхъ налогахъ, казалось бы, можно ожидать возраженій только на одинъ пунктъ, и какъ разъ этотъ то пунктъ—прокуроръ, въ виду своего полнаго незнакомства съ экономической наукой и оставилъ безъ возраженій. Но я все таки долженъ вкратцѣ коснуться его, такъ какъ вы могли бы оказаться болѣе свѣдущими въ этой наукѣ, чѣмъ прокуроръ и такимъ образомъ могли бы сдѣлать сами эти возраженія. Возраженіе это могло быть направлено противъ того, что я и поземельный налогъ считаю также косвеннымъ. Дѣло въ томъ, что ученые издавна придерживались того мнѣнія, что поземельный налогъ, будучи налогомъ на чистый доходъ землевладѣльца, является налогомъ на земельную ренту.

Такъ было до Рикардо.

Но этотъ великій англійскій экономистъ доказалъ, что только такой поземельный налогъ имѣетъ значеніе прямого, который совсѣмъ не затрогиваетъ наименѣе плодородные земельные участки. Если же поземельный налогъ собирается и съ такихъ участковъ низшаго качества, а это обыкновенно имѣетъ мѣсто у насъ и повсюду, — то даже въ томъ случаѣ, если онъ будетъ очень незначительный, и если онъ при болѣе плодородныхъ участкахъ будетъ соотвѣтственно повышаться, онъ всегда будетъ равносиленъ налогу на производство хлѣба, т. е. всегда будетъ перелагаться землевладѣльцемъ на цѣну хлѣба.

Я не буду здѣсь развивать передъ вами причинъ этого явленія, которое необходимо вытекаетъ изъ самой сути всей теоріи поземельной ренты Рикардо, — это было бы безцѣльное посягательство на ваше время. Я приведу вамъ въ доказательство нѣсколько словъ самого Рикардо, которыя я цитирую по французскому изданію общаго собранія сочиненій экономистовъ т. XIII стр. 148. Рикардо прежде всего замѣчаетъ въ гл. 12 о поземельномъ налогѣ, что послѣдній, если онъ совершенно не затрогиваетъ наименѣе плодородные участки пахотной земли, имѣетъ совершенно

такое же дѣйствіе какъ и налогъ на земельную ренту и затѣмъ продолжаетъ: „Если налогъ взимается со всѣхъ обрабатываемыхъ земельныхъ участковъ, то онъ, какъ малы ни были бы его размѣры, всегда пріобрѣтаетъ значеніе налога на сельско-хозяйственные продукты, т. е. влечетъ за собой повышеніе цѣнъ на нихъ“.

Разбирая затѣмъ случай, который какъ разъ имѣетъ мѣсто у насъ, т. е., когда налогъ взимается со всѣхъ обработанныхъ пахатныхъ земель пропорціонально получаемому съ нихъ доходу, онъ говоритъ: „Такой налогъ можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ качества пахатной земли и отъ производительности почвы, и тогда онъ ни въ какомъ отношеніи не отличается отъ „десятиннаго налога.

Такимъ образомъ прежняя точка зрѣнія, на которую прокуроръ, если не сталъ, то во всякомъ случаѣ могъ стать въ своихъ возраженіяхъ по моему адресу, со времени Рикардо и благодаря ему теперь отвергнута и оставлена въ виду ея несостоятельности, а вамъ, господа, конечно, извѣстно, что теорія Рикардо господствуетъ въ современной наукѣ не въ одной только Англіи, но и въ другихъ странахъ.

Чтобы со всей полнотой показать вамъ, что ученіе Рикардо принято и въ нѣмецкой наукѣ, я позволю себѣ еще только привести вамъ нѣсколько словъ принадлежащихъ перу дѣйствителънаго тайнаго совѣтника Гофмана, который пишетъ въ своемъ „Ученіи о налогахъ“ на стр. 137: „Повышеніе поземельнаго налога ведетъ къ повышенію рыночныхъ цѣнъ и отзывается такимъ образомъ на всемъ населеніи“...

Я дошелъ теперь до послѣдъяго пункта, котораго я хотѣлъ коснуться въ своемъ изложеніи значенія косвенныкъ налоговъ. На стр. 27 моей лекціи я говорю: „Правда, буржуазія не была изобрѣтательницей косвенныхъ налоговъ,—они существовали и прежде. Но буржуазія развила въ цѣлую неслыханную систему и взвалила на нихъ бремя государственныхъ расходовъ.

Въ этомъ научно-историческомъ утвержденіи, что если буржуазія и не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, то во всякомъ случаѣ развила ихъ въ неслыханную систему, прокуроръ усматриваетъ опятьтаки какое то ужасное преступленіе.

Онъ два раза весьма многозначительно возвращался къ этому моему утвержденію. Но я ни на іоту не могъ отказаться отъ этой исторической истины, точно также, какъ отъ всего предыдущаго. Наоборотъ! Если я желалъ допустить въ своемъ изложеніи хоть одну мысль, которая, не имѣя абсолютной достовѣрности, являлась бы только моимъ личнымъ убѣжденіемъ, я ни на минуту не задумался бы съ глубокой увѣренностью заявить, что буржуазія — создательница всей системы косвенныхъ налоговъ. Правда, еще у римлянъ и у другихъ античныхъ народовъ существовали, такъ называемыя „Vectigalia".

Въ началѣ среднихъ вѣковъ при Каролингахъ примѣнялись, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ капитуляріи, нѣкоторые виды пошлинъ. Но все это имѣло совершенно иное значеніе и по существу отличалось отъ современной системы косвенныхъ налоговъ. Несмотря на это, я, съ подобающей историческимъ опредѣленіямъ точностью, не счелъ себя въ правѣ категорически утверждать, что буржуазія изобрѣла косвенные налоги, и сказалъ только, что она развила ихъ въ цѣлую систему. Что касается послѣдняго утвержденія, то оно абсолютно неоспоримо. Относительно его я могъ бы напомнить вамъ слова буржуазнаго экономиста Сэя, которыя я вамъ уже приводилъ. Онъ говоритъ, что они „въ послѣднее время получили скандальное распростаненіе" une extension scandaleuse. Но пусть это личный взглядъ Сэя. Вѣдь онъ, хоть и буржуазный экономистъ, все-таки могъ ошибаться. Прекрасно, послушаемъ, о чемъ говорятъ факты.

Не безпокойтесь, я не буду подробно останавливаться на этой богатой мозаично-пестрой темѣ, которая отняла бы у насъ нѣсколько часовъ времени. Очень немногихъ замѣчаній и фактическихъ свѣдѣній будетъ болѣе, чѣмъ достаточно.

Какъ извѣстно, короли въ началѣ среднихъ вѣковъ не собирали никакихъ налоговъ. Необходимыя имъ для государственныхъ расходовъ суммы они черпали изъ такъ называемыхъ домэновъ, которые были имъ предоставлены для этой цѣли.

Чрезвычайные расходы требовали въ извѣстныхъ случаяхъ чрезвычайныхъ сборовъ, которые назывались adjutoria (вспомоществованія) или, во Франціи, aides, а у насъ въ Германіи Beden.

Слово Beden имѣетъ своимъ корнемъ глаголъ beden = bitten (просить) или по мнѣнію Юстуса Мезера слова Bäte, Bat (помощь).

Вообще эти aides или Beden примѣнялись очень рѣдко, особенно же рѣдко, да и то лишь въ позднѣйшее время, они взимались въ видѣ вѣсьма незначительнаго по своимъ размѣрамъ, акцизнаго сбора или налога на предметы потребленія. Но и тогда они имѣли временный характеръ.

Гораздо чаще примѣнялись и гораздо большее значеніе они имѣли въ видѣ такъ наываемыхъ Schätzungen, т. е. прямыхъ налоговъ, которые взимались либо въ видѣ подушной подати, чаще же въ видѣ значительнаго прямого подоходнаго налога.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, податной строй среднихъ вѣковъ.

Я приведу вамъ нѣсколько историческихъ фактовъ, которые отчасти иллюстрируютъ сказанное мною, отчасти же докажутъ, какъ непохожъ былъ самый духъ системы обложенія въ средніе вѣка на то, что мы видимъ теперь.

Взглянемъ прежде всего на Англію.

Первый сборъ, внѣшнимъ образомъ напоминающій косвенный налогъ, встрѣчается при Ричардѣ-Львиное сердце. „Весьма замѣчательно,—говоритъ сэръ Джонъ Синклэръ, въ своей „History of the Publice Revenue of the British Empire“ т. I, стр. 96—что правительство этого монарха подало примѣръ увеличенія государственныхъ доходовъ путемъ введенія лиценцій, — а вѣдь это, господа, тоже видъ косвеннаго налога, которые получили такое преобладающее значеніе въ наше время.“

Вы можете, господа, при случаѣ, замѣтить, что баронетъ Синклэтъ не можетъ обойти молчаніемъ этого факта, какъ и буржуазный экономистъ Сэй. Въ чемъ же заключается этотъ косвенный налогъ, введенный при Ричардѣ-Львиное Сердце.

Это былъ налогъ на турниры.

„Ричардомъ было установлено“, продолжаетъ затѣмъ сэръ Джонъ Синклэръ, „что каждый, желавшій принять участіе въ этихъ военныхъ упражненіяхъ, долженъ былъ прежде получить на это разрѣшеніе; такъ каждый графъ платилъ за это разрѣшеніе 20 марокъ сер., каждый баронъ 10 марокъ, рыцарь-землевладѣлецъ 4 марки, и безземельный рыцарь 2 марки. Всѣ же, не принадлежащіе къ ры-

царскому сословію, вовсе не имѣли права быть внесенными въ списки участниковъ турнира.

Вы можете замѣтить, что эта повинность только съ внѣшней, формальной стороны похожа на косвенный налогъ, — по существу же она глубоко отличается, и, даже болѣе того, прямо противоположна тому, что мы теперь разумѣемъ подъ косвеннымъ налогомъ. Это прямой подоходный налогъ, облеченный въ форму косвеннаго: здѣсь, вмѣсто того, чтобы облагать предметы потребленія и первой необходимости, вводится поразрядный подоходный налогъ, основанный на принципѣ сословности и имущественнаго ценза, который ложился на благородныя развлеченія привилегированныхъ сословій„.

Такъ называемая „субсидія“ первый разъ была примѣнена при Ричардѣ II въ 1739 году.

„Налогъ, извѣстный подъ именемъ субсидіи,—говоритъ сэръ Джонъ Синклэръ на стр. 128—былъ въ первые введенъ во второй годъ его царствованія.

Цѣлью введенія этого налога было облегчить участь бѣдняковъ и перенести главную тяжесть его на болѣе состоятельныя классы. Субсидіи эти распредѣлялись между населеніемъ частью, въ видѣ подушнаго, частью, уже въ видѣ подоходнаго налога.

Герцоги Ланкаширскій и Бретанскій платили по 10 марокъ; каждый графъ былъ обложенъ 10 фунтами, каждый баронъ 40 шиллингами и т. д. Главная же масса населенія, торговцы, ремесленники и крестьяне должны были платить большую или меньшую сумму, сообразно съ ихъ состояніемъ.“

Таковъ былъ духъ средневѣковый системы обложенія!

Взгляните теперь на Францію. Въ 1147 г. Людовикъ Молодой въ видѣ налога бралъ со всѣхъ своихъ подданныхъ 20-ую часть ихъ имущества—это былъ 5%-ый налогъ на капиталъ.

Филиппъ Красивый первый призвалъ третье сословіе въ генеральные штаты, которые въ 1302 году соглашаются на подоходный налогъ въ размѣрѣ 20% на всякій доходъ.

Какъ отнеслись бы современные имущіе классы къ налогу, лишающему ихъ 20% доходовъ?

Въ царствованіе Іоанна Добраго генеральные штаты утверждаютъ 4% подоходный налогъ, который должны платить всѣ отъ принца крови, до послѣдняго поденщика.

Только при Карлѣ VII поземельный налогъ, la taille, впервые пріобрѣтаетъ значеніе постояннаго, какъ и нѣкоторые другіе налоги, встрѣчающіеся въ серединѣ 14-го вѣка при Филиппѣ VI Валуа.

При Іоаннѣ Добромъ была произведена робкая попытка обложить налогомъ въ 8 пфеннинговъ на фунтъ сельско-хозяйственные продукты и товары. Но эти налоги не соотвѣтствовали духу времени.

Карлъ VIII въ 1484 году сталъ взимать этотъ налогъ на сельско-хозяйственные продукты въ видѣ добавки къ поземельному, который, при тогдашнемъ положеніи сельско-хозяйственнаго производста, являлся чѣмъ то совершенно инымъ, нежели современный поземельный налогъ.

Что же касается Германіи, то я ограничусь тѣмъ, что укажу на прекрасный трудъ Ланга: „Историческое развитіе законодательства о налогахъ въ Германіи“ Берлинъ 1793 г. Изъ него я приведу одно мѣсто, которое вамъ покажетъ, когда и какимъ образомъ появились налоги на предметы потребленія, и какъ они распространились. Лангъ имѣетъ въ виду время заключенія Вестфальскаго мира. „Такимъ образомъ—читаемъ мы на страницѣ 234—постепенно появляются налоги на предметы потребленія, акцизъ, товарная пошлина, лиценція, добавочный налогъ, и т. д., которые имѣли въ то время одно и то же значеніе. Терминъ акцизъ ужъ въ XIV столѣтіи становится вполнѣ извѣстнымъ, и понимается скорѣе какъ временная пошлина, чѣмъ какъ постоянный государственный налогъ. Точно также слѣдуетъ разсматривать налогъ на вино, муку, рыбу, и т. п., введенный въ 1558 году въ Австріи, для полученія средствъ на войну съ Турками.

„Очень распространено мнѣніе, что налоги на предметы потребленія возникли въ Нидерландахъ, гдѣ впервые былъ введенъ опредѣтенный налогъ, взимавшійся за разрѣшеніе (licentia) подвозить врагамъ страны, испанцамъ, нѣкоторые товары, и получившій отсюда названіе разрѣшительной пошлины.

Около этого времени, какъ думаютъ, и имперскій городъ Кельнъ ввелъ у себя подобный же налогъ.

Первые слѣды косвенныхъ налоговъ въ Брауншвейгѣ мы встрѣчаемъ въ рѣшеніи заключительнаго засѣданія ландтага 3-го ноября 1620 года. Но попытка ввести эти налоги повсѣмѣстно, произведенная въ 1639 году, встрѣ-

тила затрудненія и не увѣнчалась успѣхомъ. Эти затрудненія впослѣдствіи были устранены. Впервые акцизъ на предметы потребленія былъ введенъ законодательнымъ путемъ въ курфюрствѣ саксонскомъ въ 1707 году.

Какъ пошлина вообще, такъ и гербовая бумага являются изобрѣтеніемъ голландцевъ—они пользовались ею какъ сборомъ van de lejegelde brieven.

Въ 1682 году штемпельный сборъ былъ введенъ въ употребленіе не только въ Бранденбургѣ, но также и въ Саксоніи, и уже распространялся на бумагу, сапоги, башмаки, туфли, парики".

Такъ говоритъ Лангъ. Отсюда, мнѣ кажется, достаточно ясно, господа, какъ молода эта система косвенныхъ налоговъ, какъ незначительны и робки ея первые шаги; отсюда ясно, что она появляется и начинаетъ распространяться какъ разъ въ самый моментъ перваго выступленія буржуазіи, и что, наконецъ, эта система шагъ за шагомъ сопровождаетъ буржуазію въ ея дальнѣйшемъ развитіи по пути къ могуществу и господству. Вы видите, какое строгое историческое обоснованіе и послѣдовательность, какую точность имѣетъ за собой мое утвержденіе, что буржуазія, если не изобрѣла косвенныхъ налоговъ, то во всякомъ случаѣ развила ихъ въ цѣлую систему.

Въ своей лекціи я выяснилъ эту внутреннюю связь между распространеніемъ косвенныхъ налоговъ и развитіемъ буржуазіи кратко, но съ достаточной основательностью. Капиталъ, становясь все болѣе и болѣе господствующей силой въ обществѣ, старается обезпечить себѣ привилегію свободы отъ налоговъ, т. е. привилегію, которую всѣ господствующіе классы стремятся присвоить тому, что служитъ основаніемъ ихъ владычества.

Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что капиталисты сознавали эту взаимную связь. Напротивъ, они сознаютъ ее въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Но она тѣмъ не менѣе является двигающимъ и производительнымъ импульсомъ этого явленія. Въ исторіи не бываетъ случайностей; особенно въ такихъ серьезныхъ и важныхъ явленіяхъ, идущихъ рука объ руку въ своемъ развитіи и имѣющихъ міровое значеніе.

Одинъ изъ остроумнѣйшихъ англійскихъ экономистовъ сэръ Джемсъ Стюартъ, выпустившій свой трудъ за 10 лѣтъ до Адама Смита, освѣтилъ это взаимоотношеніе между системой налоговъ и политическимъ господствомъ. „Я ду-

маю, говоритъ англійскій баронетъ въ своемъ въ высшей степени цѣнномъ трудѣ „an inquirz into the principles af politicales economig“ Bd II s. 119—что мнѣ удалось замѣтить очень интересное различіе въ самой точкѣ зрѣнія на обложеніе въ странахъ, въ которыхъ дѣйствуютъ обѣ эти формы правленія (онъ разумѣетъ абсолютное и конституціонное). Въ чистой (абсолютной) монархіи государь какъ бы завидуетъ возрастающему капиталу и потому облагаетъ тѣхъ, кто становится богатымъ; въ конституціонной монархіи налоги разсчитаны такъ, чтобы онѣ всей своей тяжестью ложились на тѣхъ, кто становится бѣднымъ.“

Въ выясненіи невидимыхъ драгоцѣнныхъ нитей этой внутренней зависимости, **вотъ** въ чемъ, заключается истинный смыслъ **философіи и науки**, а не въ награможденіи матеріала и библіографическихъ свѣдѣній. Въ моей лекціи вы найдете лишь самый необходимый матеріалъ. Я выясняю въ ней эту **внутреннюю связь** и оставляю совершенно незатронутымъ лежащій въ ея основѣ матеріалъ. Отъ этого моя лекція только **выигрываетъ въ научности**. Но въ основѣ ея, **неизмѣримо глубоко**, гдѣ-то въ багряномъ сумракѣ, покоится масса положительнаго матеріала, квинтэссенція котораго дана въ моей лекціи.

И эту лекцію прокуроръ осмѣлился представить какъ сплетеніе лжи и софистики! Это заставило меня, какъ въ вашихъ, такъ и въ моихъ собственныхъ интересахъ изложить вамъ, по крайней мѣрѣ, хоть часть, притомъ очень незначительную, того матеріала, на которомъ, какъ я выше указалъ, основывается моя рѣчь, и не меня, а этого прокурора должны вы винить за ту большую потерю времени, которую я принужденъ былъ допустить, несмотря на мое желаніе ограничиться самымъ необходимымъ. Теперь, мнѣ кажется, ясно, что каждое мое слово защищено **тройной броней науки и истины**! Итакъ, довольно научныхъ цитатъ!

И все же, господа, я долженъ сослаться еще на одинъ авторитетъ, который скажетъ вамъ о косвенныхъ налогахъ то же самое, что и я; но этотъ авторитетъ не будетъ научнымъ.

Какъ вы думаете, господа, на какой авторитетъ я сошлюсь, чтобы закончить мою кампанію противъ косвенныхъ налоговъ?

Ну, конечно, это никто иной, какъ самъ король! Никто иное, какъ правительство! Никто иное, какъ министерство мантейфеля, которое ужъ никто не обвинитъ въ революціонномъ образѣ мыслей.

21 сентября 1849 года министерство передаетъ на разсмотрѣніе палатъ высочайшій королевскій рескриптъ, который предлагаетъ имъ обсудить законопроектъ о введеніи подоходнаго налога классной подати — законопроектъ, который, какъ вы узнаете впослѣдствіи, былъ отвергнутъ.

Этотъ законопроектъ, которымъ предполагалось, съ одной стороны, отмѣна налога за помолъ зерна и убой скота, съ другой стороны, устанавливался трехпроцентный подоходный налогъ и классная подать, министерство мотивировало совершенно тѣми же положеніями, которыя я приводилъ вамъ сегодня въ той же самой лекціи. Вы найдете эту мотивировку въ оффиціальныхъ отчетахъ 2-ой палаты томъ II за 1849 годъ, приведенной подъ №№ 171 и 172. Я позволю себѣ привести оттуда только нѣкоторыя выдержки.

„Современныя соціальныя условія“—говоритъ министерство во вступленіи къ этой мотивировкѣ, подчеркнувъ предварительно, что, внося настоящій законопроектъ, оно вовсе не стремится увеличить государственные доходы, а исходитъ изъ „едва ли нуждающейся въ защитѣ основной мысли болѣе равномѣрно распредѣлить бремя налоговъ“— современныя соціальныя условія требуютъ обложенія, основаннаго на такихъ принципахъ, въ силу которыхъ государственные налоги, ложащіеся на беднѣйшіе классы населенія и ведущіе, благодаря своимъ размѣрамъ и способу взиманія, къ непомѣрному отягощенію, были или отмѣнены, или соотвѣтственнымъ образомъ уменьшены. Происходящее отъ этого уменьшеніе суммы государственныхъ доходовъ должно быть пополнено за счетъ тѣхъ, чье участіе въ государственныхъ повинностяхъ не соотвѣтствовало до сихъ поръ ихъ птатежеспособности и которые тѣмъ не менѣе больше другихъ пользовались государственными учреждніями. „Наконецъ все зданіе финансой системы должно быть поставлено на такую почву, которая возбуждала бы довѣріе населенія въ ея справедливость и безпартійность при распредѣленіи налоговъ.“

Затѣмъ правительство напоминаетъ, что оно еще въ 1847 году внесло въ соединенный ландтагъ — но и тогда безуспѣшно—законопроектъ, которымъ вводился трехъ или двухпроцентный подоходный налогъ, и отмѣнялись всѣ остальные налоги.

Правительство заявляетъ въ мотивахъ къ законопроекту, что оно хочетъ проводить его въ высшей степени умѣренно и осторожно, что оно не разсматриваетъ прямой подоходный налогъ „какъ мѣру, способную немедленно во всей полнотѣ возмѣстить уменьшеніе государственныхъ доходовъ, которое можетъ произойти отъ уничтоженія всѣхъ иныхъ налоговъ". Оно оговаривается затѣмъ, что оно вовсе не намѣрено подрывать основы существующей системы обложенія „болѣе, чѣмъ того требуетъ необходимость"; поэтому, оно не имѣетъ въ виду требовать уничтоженія цѣлаго ряда существующихъ налоговъ, приносящихъ до 30 милліоновъ талеровъ, и не надѣется ихъ возмѣстить путемъ всеобщаго подоходнаго налога. Пусть изъ всѣхъ косвенныхъ налоговъ только налоги за помолъ зерна и убой скота будутъ отмѣнены, или замѣнены прямымъ подоходнымъ налогомъ.

„Пусть законопроектъ, ограниченный такимъ образомъ — я привожу подлинныя слова—обманетъ ожиданія тѣхъ, кто убѣжденъ, что только путемъ коренной реформы всей существующей финансовой системы можно упорядочить эту сторону государственной жизни."

„Во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ томъ, что онъ дѣлаетъ шагъ впередъ по пути улучшенія системы обложенія; а именно, считаясь съ соціальными отношеніями, онъ стремится достигнуть болѣе справедливаго распредѣленія государственныхъ повинностей, чѣмъ это было до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ создаетъ масштабъ, по которому въ будущемъ могли бы быть установлены политическія права гражданъ по отношенію къ государству и общинѣ такимъ образомъ, чтобы они отвѣчали справедливости и интересамъ цѣлаго."

„Можно надѣяться, что путемъ распространенія прямыхъ налоговъ постепенно будетъ представляться возможность двинуться впередъ—я цитирую дословно—въ дѣлѣ ограниченія и отмѣны еще нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, которые мало соотвѣтствуютъ требованіямъ равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія обще-

ственныхъ повинностей и мѣшаютъ по возможности облегчить участь неимущихъ классовъ населенія."

Затѣмъ правительство старается обосновать, почему прежде всего именно налогъ на помолъ зерна и убой скота долженъ быть замѣненъ прямымъ налогомъ, и я прошу васъ обратить особенное вниманіе на слѣдующія положенія.

„При этомъ", — читаемъ мы въ мотивахъ къ законопроекту на стр. 8,—„главнымъ образомъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, благодаря налогамъ на помолъ зерна и убой скота въ ихъ теперешней формѣ, въ особенности благодаря первому изъ нихъ, бѣдный несетъ непосильное бремя сравнительно съ обезпеченнымъ". Замѣтьте, господа, „непосильное бремя!" Королевское посланіе говоритъ то же самое, что и я. „Уже въ неоднократно упоминаемой памятной запискѣ — 1847 г. это обстоятельство особенно принято въ соображеніе. Здѣсь слѣдуетъ для примѣра обратить вниманіе на то, какъ велико это отягощеніе бѣднѣйшаго берлинскаго населенія."— „Отягощеніе бѣднѣйшаго населенія", господа! Королевское посланіе говоритъ то же, что и я!

Правительство указываетъ затѣмъ, что въ среднемъ семья берлинскаго рабочаго, состоящая изъ мужа, жены и трехъ дѣтей, потребляетъ въ годъ 1000 фунтовъ или 10 центнеровъ ржаного хлѣба и, такимъ образомъ, уплачиваетъ 2 тал. 15 зильбергр. налога.

„Бѣдное населеніе", продолжаетъ правительство,— „потребляетъ у насъ изъ всѣхъ мясныхъ продуктовъ главнымъ образомъ свинину. Если мы допустимъ, что семья рабочаго, не доведенная до полной нищеты, потребляетъ 6 фунтовъ въ недѣлю,—это не будетъ слишкомъ смѣлымъ допущеніемъ, — то это въ суммѣ составитъ 312 фунтовъ въ годъ, т. е. количество, съ котораго будетъ причитаться

по крайней мѣрѣ	4 тал.	7 злб.
Это составитъ вмѣстѣ съ прежним . . .	2 „	15 „
налога на хлѣбъ всего	6 „	22 „

Такова сумма налога, которую семья рабочаго уплачиваетъ теперь, тогда какъ по введеніи классной подати, (включая сюда и общинный 50% дополнительный налогъ), она составитъ

самое большее	1 тал.	5 злб.
т. е. на	5 „	17 „

меньше, чѣмъ теперь.

„Еще тяжелѣе дѣло обстоитъ въ дѣйствительности. Въ гораздо болѣе „тяжеломъ и безпощадномъ видѣ,— обратите вниманіе, господа, «тяжеломъ безпощадномъ видѣ“,—оно представится намъ, если мы примемъ во вниманіе, что состоятельный человѣкъ не привлекается къ этой повинности въ большей, соотвѣтствующей его состоянію мѣрѣ; наоборотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ несетъ даже гораздо меньше повинностей, чѣмъ бѣдный.“

„Богатый несетъ повинностей въ гораздо меньшей степени, чѣмъ бѣдный!“—это слова королевскаго правительства,—это же говорю и я!

„На это можно было бы возразить,—читаемъ мы дальше въ посланіи, — что косвенные налоги взимаются мелкими взносами и незамѣтнымъ образомъ; но во вснкомъ случаѣ остается на лицо тотъ фактъ, что при существующей податной системѣ бѣдный человѣкъ лишается части, тяжелымъ трудомъ добытаго, заработка. А между тѣмъ при правильномъ распредѣленіи государственныхъ повинностей онъ могъ бы употребить эту часть на улучшеніе своего домашняго быта.“

„При всемъ этомъ цѣна труда никогда не регулируется, какъ это говорили, сообразно съ повышеніеиъ цѣнъ на необходимѣйшие предметы потребленія.“

Такимъ образомъ аргументъ прокурора, что въ заработной платѣ рабочему классу возмѣщается вздорожаніе, вызываемое налогами, оказывается, даже по словамъ королевскаго правительства, ложнымъ и несостоятельнымъ. „Ни въ коемъ случаѣ“, говоритъ королевское посланіе. Не удивляйтесь, господа, что королевское правительство такъ сильно расходится и по данному поводу съ королевскимъ прокуроромъ, и что оно высказываетъ мысли, которыя по мнѣнію прокурора не что иное, какъ софизмы и ложь. Оно обыкновенно, прежде чѣмъ высказаться о такихъ вещахъ, совѣтуется не съ такими знатоками, какъ прокуроръ.

Королевское правительство заканчиваетъ свои разсужденія по этому поводу слѣдующими словами (на стр. 11): „Такое положеніе несовмѣстимо съ основами правильнаго веденія государственнаго хозяйства и справедливаго податного законодательства; оно поэтому приведетъ, если мы нэ прибѣгнемъ къ даль-

нѣйшимъ коренным реформамъ, къ необходимости изыскать какую нибудь замѣну предлагаемыхъ налоговъ". Кромѣ того посланіе признаетъ, что промысловый налогъ (стр. 12), который бюджетомъ разсматривается какъ прямой, — цитирую далѣе дословно, — „въ очень малой степени отвѣчаетъ намѣреніямъ закона. Онъ пріобрѣтаетъ скорѣе значеніе косвеннаго налога, т. к. всѣ промышленники, ведущіе болѣе или менѣе обезпеченное дѣло, могутъ путемъ возвышенія цѣнъ на товары возмѣстить за счетъ покупателя и заказчика налогъ, взимаемый съ нихъ, въ зависимости отъ величины предпріятія. Такимъ образомъ они, въ концѣ концовъ, вовсе не платятъ промысловаго налога."

На стр. 13 своей мотивировки правительство замѣчаетъ, что „относительно поземельнаго налога наблюдается совершенно то же самое явленіе, какое только что было выяснено по отношенію къ промысловому налогу."

Точно также правительство хорошо знаетъ, что даже при прямыхъ налогахъ, — а прокуроръ не допускаетъ этого и при косвенныхъ — низшіе классы участвуютъ въ нихъ въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ зажиточные классы. Оно подтверждаетъ это слѣдующими цифрами (стр. 14): „изъ числа 4891777 плательщиковъ, при тогдашней классной подати, къ двумъ высшимъ классамъ принадлежало 86632 плательщика, вносившихъ 1661509 тал., въ то время какъ число плательщиковъ обоихъ низшихъ классовъ достигало 4805145, платившихъ до 6118781 талеровъ!"

Королевскому правительству, конечно, очень хорошо извѣстно, что это явленіе наблюдается еще въ гораздо большей степени при косвенныхъ налогахъ; это видно изъ того, что вслѣдъ за вышеприведенной цитатой оно говоритъ: „поэтому то введеніе всеобщаго, падающаго также и на бѣднѣйшіе классы населенія, прямого налога и соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ города и деревни. Съ введеніемъ такого налога пріобрѣтается возможность избѣжать въ крупнѣйшихъ городахъ увеличенія общей суммы косвенныхъ налоговъ, такъ какъ эти налоги, замѣтьте, господа, выраженіе министерства, — въ гораздо большей степени выплачиваются неимущими классами, и такимъ образомъ сумма косвенныхъ налоговъ, приходящаяся на ихъ долю, гораздо болѣе суммы, которая

собиралась бы съ нихъ при помощи прямыхъ налоговъ. Съ другой стороны, то обстоятельство, что теперь за каждымъ классомъ признано конституціей право непосредственнаго участія въ государственной жизни, могло бы послужить къ тому, чтобы всѣ граждане были привлечены по мѣрѣ ихъ силъ къ участію въ государственныхъ повинностяхъ."

Болѣе того, правительство даже признаетъ, что и прямой подоходный налогъ для того, чтобы быть справедливымъ, долженъ быть прогрессивнымъ. Но на проведеніе послѣдняго въ жизнь оно пока не разсчитываетъ.

Итакъ, господа, вы теперь совершенно ясно представляете себѣ положеніе дѣла. Все, что я сказалъ, вы найдете въ мотивахъ къ королевскому посланію. Мужи науки надорвали себѣ глотки, крича въ продолженіе столѣтій о тѣхъ истинахъ, которыя, наконецъ, достигли слуха правительства; и все же нашелся таки прокуроръ и судъ, которые, несмотря на весь этотъ шумъ, остался глухъ къ нему и, подобно Одиссею, не желавшему поддаться чарамъ сладкозвучныхъ сиренъ, залѣпили себѣ воскомъ уши. И только благодаря этому я долженъ итти въ тюрьму?! И это называется справедливостью?!

Вы, можетъ быть, спросите у меня, какова была судьба этого законопроекта, предложеннаго министерствомъ Мантейфеля? Infandum, regina, iubes! *)

Уже въ коммисіи второй палаты лишь съ большимъ трудомъ удалось провести этотъ законопроектъ большинствомъ 10 голосовъ противъ восьми. Напрасно министръ финансовъ воскликнулъ въ общемъ засѣданіи палаты (см. стр. 2323 стеногр. отч. сессіи 1849—50 г.): „Правительство его величества короля уже нѣсколько лѣтъ считаетъ неизбѣжнымъ требованіемъ времени—проведеніе этой реформы. Берлинскій депутатъ возразилъ даже на это заявленіе королевской власти, что оно плодъ кабинетныхъ теорій—и это возраженіе берлинскаго депутата вызвало горькія сѣтованія со стороны королевскаго коммисара Биттера." Не напоминаетъ ли это вамъ моего прокурора, который про мою лекцію говорилъ, что она полна софизмовъ и лжи.

---

*) Великъ тотъ трудъ, котораго ты отъ меня требуешь, царица! Цитата изъ „Энеиды" Виргилія.

Наконецъ, правительству при помощи „министерскаго кнута“ (Ministerieller Einpeitscher), какъ сказали бы въ Англіи, съ большимъ трудомъ удалось добиться слабаго большинства 32 голосовъ. Высшіе классы стараются изо всѣхъ силъ возбудить общественное мнѣніе противъ этого закона, что имъ—въ виду того, что въ ихъ рукахъ находятся всѣ средства направить общественное мнѣніе въ ту или иную сторону,—конечно, очень легко удается,—и законопроектъ, попавъ въ первую палату, проваливается!

Этотъ законопроектъ, несмотря на правильность и ясность мотивировки въ своей положительной части, настолько труслив, нерѣшителенъ и уступчивъ, что я никогда не согласился бы подписаться подъ нимъ; — этотъ законопроектъ, который по заявленію самого королевскаго правительства долженъ быть пока первымъ шагомъ на новомъ пути,—былъ проваленъ въ первой палатѣ! При первомъ же шагѣ по этому новому пути онъ былъ основательно прегражденъ. Проваливъ законопроектъ, первая палата вотируетъ другой, который, не содержа въ себѣ даже сравнительно умѣренныхъ предложеній перваго, по всѣмъ наиболѣе важнымъ и принципіальнымъ пунктамъ выдвигаетъ прямо противоположныя требованія. Налоги за помолъ зерна и убой скота оставляются въ полной силѣ; вмѣсто простого процентнаго подоходнаго налога устанавливается широкое поразрядное дѣленіе; для очень крупныхъ доходовъ устанавливается maximum обложенія, такъ что доходы свыше опредѣленной нормы остаются совсѣмъ неподлежащими обложенію.

Но предоставимъ слово опять самому министерству Мантейфеля. Потерпѣвъ крушеніе въ первой палатѣ, получивъ во второй, несмотря на всѣ усилія правительства повліять на результаты баллотировки, большинство лишь 32 голосовъ, что немногимъ отличалось отъ пораженія, возстановивъ противъ себя общественное мнѣніе, министерство Мантейфеля выступаетъ передъ палатами 2 января 1851 года съ новымъ королевскимъ посланіемъ, въ которомъ оно отказывается отъ собственнаго законопроекта и утверждаетъ законъ, выработанный въ первой палатѣ.

„Правительство и теперь“, — съ глубокимъ вздохомъ заявляетъ министерство Мантейфеля, — я опять дословно цитирую изъ „Печатн. отчетовъ сессіи“ 1850—51 г. т. I, № 26, стр. 22,—„правительство и теперь остается при

своемъ прежнемъ мнѣніи, что принятіе его законопроекта отвѣчало бы гораздо болѣе уже назрѣвшей и признаваемой повсюду потребности въ измѣненіи податной системы, а также болѣе соотвѣтствовало бы созданному въ это время государственному строю. Мѣсто теперешнихъ частичныхъ измѣненій въ законодательствѣ о налогахъ занялъ бы прямой подоходный налогъ, установленный на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ и охватывающій всѣ классы податного населенія. Но министерство сознается, что оно не въ силахъ сломить сопротивленіе, какое оно встрѣтило въ палатѣ и со стороны общественнаго мнѣнія."

„Слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе—гласитъ мотивировка этого новаго королевскаго посланія (стр. 22) — что постановленіе второй палаты, въ силу котораго было принято предложеніе правительства, имѣло за собой сравнительно только незначительное большинство (32 гол.); непосредственно за этимъ постановленіемъ и вплоть до обсужденія его въ первой палатѣ во всѣхъ слояхъ общества сталъ обнаруживаться такой рѣшительный протестъ противъ проектируемой системы обложенія, какого не было еще съ того времени, когда въ 1847 году правительство внесло первый проектъ по этому вопросу. Такимъ образомъ первая палата руководствовалась въ своемъ рѣшеніи опредѣленно выраженнымъ общественнымъ мнѣніемъ." Вслѣдствіе этого правительство на стр. 23 заявляетъ слѣдующее: „послѣ того, какъ общественное мнѣніе, съ которымъ ему приходится считаться при осуществленіи своего проекта, достаточно опредѣленно высказалось по поводу послѣдняго, правительство уже не надѣется встрѣтить съ его стороны сочувственное отношеніе.

Съ такимъ вздохомъ министерство Мантейфеля прощается со своимъ законопроектомъ и принимаетъ законопроектъ первой палаты, который и является въ настоящее время дѣйствующимъ закономъ; — такъ возникъ этотъ законъ! Если упомянутый законопроектъ и его мотивировка и служатъ къ чести министерства Мантейфеля, то, съ другой стороны, послѣднее нельзя не упрекнуть въ томъ, что оно не сумѣло отстоять свои требованія передъ оппозиціей первой палаты и общественнаго мнѣнія, которое, являясь при современныхъ условіяхъ монополіей имущихъ, всегда неблагопріятно

настроено по отношенію къ интересамъ низшихъ классовъ. Вѣдь сумѣло же оно не считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы объявить осадное положеніе, изъять политическіе процессы и дѣла о преступленіяхъ въ печати изъ компетенціи суда присяжныхъ, сумѣло пренебрегать имъ, когда вообще какимъ-нибудь образомъ ограничивало публичныя права!

Вы видите, господа, что 20 лѣтъ тому назадъ — какъ это указывалъ Буа-Гильберъ, слова котораго приведены въ началѣ этой рѣчи—и теперь голосъ богатыхъ въ вопросахъ обложенія и ихъ жалобы громче, чѣмъ голосъ бѣдныхъ и производитъ поэтому болѣе сильное впечатлѣніе. Мы не будемъ впрочемъ оспаривать то, что министерство констатируетъ съ такимъ глубокимъ вздохомъ; я стараюсь подготовить это общественное мнѣніе, поддержка котораго такъ необходима правительству для осуществленія мѣропріятій, признаваемыхъ имъ „безспорно необходимыми“ въ интересахъ справедливости.

И что же?—прокуроръ безцеремонно лезетъ съ своими грубыми сапогами въ мою лекцію, обвиняя меня въ томъ, что я возбуждаю презрѣніе и ненависть и разсматриваетъ ее, какъ смѣсь лжи и софизмовъ. Я оставляю теперь область косвенныхъ налоговъ, я не буду касаться тѣхъ выводовъ, въ которыхъ, по мнѣнію прокурора, заключается мое преступленіе, и перехожу къ тому, что въ глазахъ первой инстанціи является внутренней стороной преступленія въ моей лекціи — я перехожу теперь къ общей тенденціи ея.

Эта общая тенденція заключается въ историческомъ доказательствѣ того, что какъ въ средніе вѣка, такъ и въ новое время капиталъ являлся господствующимъ принципомъ общества, такъ съ 1848 года для всемірной исторіи наступилъ третій періодъ, задачей котораго является возвысить до господствующаго принципа, выясненную мною нравственную идею рабочаго сословія — принципъ труда. Впрочемъ даже приговоръ первой инстанціи не можетъ не признать, что этотъ историческій выводъ имѣетъ чисто научный характеръ, но что онъ, сказано и въ приговорѣ, „разсматривается обвиняемымъ съ субъективной точки зрѣнія“.

Но оправдывая меня по существу этими словами, судъ все же не можетъ воздержаться отъ того, чтобы не

обвинить меня за то, что я считаю современный исторический періодъ призваннымъ сдѣлать господствующимъ принципомъ идею рабочаго сословія, того самаго рабочэго сословія, къ которому я въ своей лекціи причисляю всѣхъ безъ исключенія, кто хоть какимъ-нибудь образомъ приноситъ пользу обществу, а стало быть васъ и самого себя.

Я уже достаточно ясно указалъ по этому поводу въ своей апелляціонной жалобѣ на тѣ ужасныя противорѣчія съ самимъ собой, какія допускаетъ приговоръ первой инстанціи, и поэтому я не буду ихъ больше ни выяснять, ни повторять.

Тамъ же я вамъ доказалъ, что мною не было представлено ничего, кромѣ строго объективнаго вывода изъ того, что совершается само по себѣ по непреложнымъ законамъ исторіи, правда очень медленно, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Я доказывалъ вамъ, что я поступалъ чисто научно: какъ естествоиспытатель предсказываетъ по зародышу будущую форму даннаго организма, такъ я поставилъ себѣ задачей изъ зародыша современнаго историческаго періода, а такимъ періодомъ являются послѣдніе 15 лѣтъ, предусмотрѣть и выяснить будущія общественныя формы, которыя изъ него разовьются съ неизбѣжностью закона природы.

Я указалъ вамъ, что въ моей лекціи нѣтъ иного призыва къ рабочему классу, кромѣ призыва къ образованію; болѣе того, всякій иной призывъ исключенъ по самому смыслу объективнаго историческаго міровоззрѣнія, которымъ проникнута вся моя лекція, и которое заранѣе считаетъ всякій такой субъективный призывъ недостигающимъ цѣли и не имѣющимъ смысла. Я, наконецъ, доказалъ вамъ, что судьи первой инстанціи, *horribile dictu*, съ цѣлью отыскать этотъ призывъ въ моей лекціи, искажаютъ мои слова, придумываютъ и прибавляютъ къ нимъ то, чего я не говорилъ!

Всего этого я уже болѣе повторять не буду!

Мнѣ хочется привести только еще одно доказательство— и это доказательство будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Въ моей первой защитительной рѣчи я, какъ будто по предчувствію, воскликнулъ: „Если бы я прочелъ свою лекцію въ консерваторіи напр., передъ такъ называемымъ избраннымъ обществомъ, то меня и не подумали бы обвинить!

И въ самомъ дѣлѣ! Вынесенный мнѣ обвинительный приговоръ произвелъ громадное впечатлѣніе въ обществѣ, и мнѣ вскорѣ сообщили объ одной лекціи, которая какъ то ускользнула отъ моего вниманія. Лекція эта была прочитана въ консерваторіи 15 февраля 1862 г.; позднѣе она была выпущена отдѣльнымъ изданіемъ, которое я вамъ и представляю. Лекторомъ былъ не кто иной, какъ королевскій прусскій тайный совѣтникъ д-ръ Энгель, директоръ правительственнаго статистическаго бюро, общепризнанный первый статистикъ Германіи. Лекція озаглавлена: „Народныя переписи, ихъ отношеніе къ наукѣ и ихъ роль въ исторіи".

Въ этой лекціи тайный совѣтникъ Энгель говоритъ слѣдующее: Цитирую буквально (стр. 5): „Третье сословіе эмансипировалось. Возникаетъ новая аристократія денегъ и ума. Ученые, чиновники и капиталисты въ качествѣ буржуазіи становятся господствующей силой. Такимъ образомъ умственный трудъ, при помощи крупнаго капитала, завоевалъ себѣ права, но теперь подымается физическій трудъ, абсолютно лишенный капитала, и требуетъ признанія и уравненія въ правахъ. Трудящіеся классы подъ могучимъ давленіемъ индустріализма, созданнаго паромъ, выросли въ особое четвертое сословіе и стали общественной силой, которая естественно стремится къ полному господству въ государствѣ, какъ это дѣлали, пока могли, первое, второе и третье сословія."

Далѣе на стр. 6: „И если торжество свободы торговли и завоеваніе рынковъ сыграли крупную роль въ производствѣ, т. е. въ дѣлѣ созданія богатствъ,—то на этомъ борьба четвертаго сословія далеко еще не закончилась. *) Возникновеніе богатства, накопленіе его обсолютной массы не такъ важно для четвертаго сословія, какъ вопросъ о распредѣленіи этого богатства, т. е. объ его отношеніи къ числу тѣхъ лицъ, которыя и могутъ и должны имъ пользоваться. При ложномъ политическомъ и экономическомъ способѣ веденія производства не вполнѣ исключается опасность, что немногія лица будутъ непомѣрно обогащаться, а другія дойдутъ до послѣдней степени нищеты, и при

*) Къ свѣдѣнію г. Шульце-Делича.

этомъ, разумѣется, всего сильнѣе пострадаетъ четвертое сословіе въ виду его непрерывнаго раздробленія. Одна изъ величайшихъ задачъ нашего времени,—которая, если до сихъ поръ когда и достигалась, то случайно,—состоитъ въ томъ, чтобы задержать это раздробленіе, снова соединить элементы старыхъ союзовъ, неудержимо распадающихся вслѣдствіе своей непригодности въ новыхъ условіяхъ, и придать имъ новыя формы, согласныя съ требованіями времени. Государственная экономическая политика, если она вѣрно понимаетъ свою задачу, должна стремиться разрѣшить не только проблему о наивозможно большемъ и раціональномъ производствѣ, но и вопросъ о распредѣленіи, такъ, чтобы онъ удовлетворялъ интересамъ всѣхъ. Повсемѣстное разрѣшеніе этихъ вопросовъ будетъ побѣдой, освобожденіемъ четвертаго сословія." *)

„Могучимъ орудіемъ этой побѣды является общественная самопомощь, которую не слѣдуетъ однако смѣшивать съ фантазіями соціализма и коммунизма, которые стремились не къ здоровому экономическому распредѣленію, а къ насильственному, болѣзненному, чисто физическому дѣлежу."

Вы слышали, господа! То, что я, на основаніи подробнаго историческаго изслѣдованія, признаю за новѣйшую фазу постепенно развивающагося историческаго процесса, то, что якобы составляетъ преступную тенденцію моей лекціи, то самое говоритъ тайный совѣтникъ Энгель съ такой же опредѣленностью, но въ еще болѣе рѣзкой формѣ. „Рабочіе классы, говоритъ онъ, выросли уже въ особое четвертое сословіе, въ общественную силу, которая естественно стремится къ полному господству въ государствѣ, какъ это дѣлали, пока могли, первое, второе и третье сословія."

Если обращать вниманіе только на внѣшнюю форму выраженія, то окажется, что тайный совѣтникъ Энгель идетъ даже гораздо дальше меня. Онъ опредѣленно говоритъ объ исключительномъ господствѣ, къ которому рабочіе классы должны естественно стремиться, тогда какъ я—впрочемъ и тайный совѣтникъ Энгель по-

---

*) Ср. мой „Гласный отвѣтъ Рабочему центральному комитету въ Лейпцигѣ", гдѣ я провожу совершенно ту же самую мысль.

нимаетъ это утвержденіе совершенно также, что явствуетъ изъ общаго смысла приведенныхъ мною его словъ — тогда какъ я опредѣленно говорю о господствѣ идеи рабочаго сословія, т. е. признаю, что рабочее сословіе призвано къ господству, поскольку оно заключаетъ въ себя всѣхъ насъ, всѣхъ, кто чѣмъ-либо полезенъ обществу; поскольку, какъ я опредѣленно говорю, оно охватываетъ весь человѣческій родъ, при чемъ не будетъ уже мѣста для какого-либо новаго различія.

Во всякомъ случаѣ, мы оба, я и тайный совѣтникъ Энгель, говоримъ совершенно одно и то же.

Какое согласіе господа!

Ничего не зная другъ о другѣ, мы одновременно работаемъ каждый въ своемъ кабинетѣ, и затѣмъ на публичныхъ лекціяхъ объ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ говоримъ одними и тѣми же словами! Одни и тѣ же научныя знанія привели насъ къ одному и тому же выводу!

Но почему же, спрашивается, тайный совѣтникъ Энгель не стоитъ здѣсь рядомъ со мною, не находится на скамьѣ подсудимыхъ, какъ мой сообщникъ, обвиняемый въ одномъ со мною преступленіи? Куда дѣвалось равенство передъ закономъ, господа?

Тайный совѣтникъ Энгель высказываетъ научное положеніе—и остается, какъ ему и подобаетъ, облеченнымъ всѣми государственными почестями.

Я высказываю то же самое положеніе, и взбѣшенная Фемида бросаетъ мнѣ въ лицо свои вѣсы и поражаетъ меня своимъ мечемъ.

Далѣе, господа! Тайный совѣтникъ Энгель впослѣдствіи напечаталъ свою лекцію, прочитанную имъ въ консерваторіи, въ редактируемомъ имъ съ 1862 г. оффиціальномъ журналѣ статистическаго бюро.

Этотъ журналъ издается и распространяется самимъ государствомъ, на средства государства, т. е. расходы по его изданію покрываются изъ налоговъ гражданъ. Отсюда слѣдуетъ, что я проповѣдую государственное ученіе, такое ученіе, которое само государство одобряетъ и распространяетъ на свой собственный счетъ, а я на скамьѣ подсудимыхъ и приговоренъ къ наказанію!

Больше того, господа!

Когда я познакомился, послѣ моего осужденія, съ лекціей тайнаго совѣтника Энгеля, я послалъ ему, хотя и не

имѣлъ чести знать его лично, мою осужденную брошюру съ нѣкоторыми шутливыми замѣчаніями по поводу того, съ какимъ различнымъ успѣхомъ развивали мы одну и ту же теорію.

Тайный совѣтникъ Энгель отвѣтилъ мнѣ письмомъ, которое я, съ его разрѣшенія, позволяю себѣ прочесть вамъ.

Берлинъ, 14 февраля 1863 г.

Уважаемый г. Лассаль!

„Почтительнѣйше отвѣчая на Ваше вчерашнее письмо, позволяю себѣ выразить Вамъ мою признательность за любезную присылку мнѣ Вашихъ новыхъ брошюръ. Ваша лекція о связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія была прочитана мной еще прошлымъ лѣтомъ, и тогда же мнѣ доставило большое удовольствіе и удовлетвореніе, что мои философскія и историческія воззрѣнія нашли въ Васъ одного изъ даровитѣйшихъ защитниковъ.

Такое же удовольствіе испыталъ я, когда натолкнулся на подобный же ходъ идей въ талантливомъ сочиненіи Арнольда о собственности. Съ экономическими истинами происходитъ то же самое, что мы ежедневно наблюдаемъ въ сферѣ новыхъ изобрѣтеній: Онѣ являются зрѣлыми плодами дерева, которое стоитъ только потрясти, чтобы собрать ихъ.

Ваше замѣчаніе, что судья, постановляющій приговоръ о спеціальныхъ научныхъ произведеніяхъ, самъ долженъ обладать знаніями въ данной научной области, я позволяю себѣ истолковать въ томъ смыслѣ, что во всѣхъ процессахъ, затрагивающихъ область какой-либо спеціальной науки, окончательное рѣшеніе должно принадлежать экспертамъ, какъ это и практикуется обыкновенно, когда суду приходится имѣть дѣло съ медицинскими, техническими или коммерческими вопросами.“

Позволяю себѣ просить васъ, господа, пріобщить это письмо къ дѣлу.

Приходилось ли вамъ, господа, когда-либо встрѣчаться съ болѣе рѣзкимъ, болѣе вопіющимъ противорѣчіемъ? Чиновники, поставленные государствомъ во главѣ тѣхъ самыхъ отраслей науки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, высказываютъ мнѣ благодарность и удовольствіе по поводу обнародованныхъ мною мыслей, которыя они признаютъ эконо-

мическими истинами, зрѣлыми плодами древа познанія, а чиновники судебнаго вѣдомства преслѣдуютъ и осуждаютъ меня за эти самыя мысли!

Сознайтесь же, господа, въ томъ, что можно считать доказаннымъ, благодаря лекціи тайнаго совѣтника Энгеля: вы осудили здѣсь не то, на что единственно имѣетъ право уголовный судъ,—не высказанныя мысли, не содержаніе, вы осудили лицо, которое высказывало мысли, и мѣсто, гдѣ онѣ были высказаны!

Обвинительный приговоръ произнесенъ потому, что говорилъ я и говорилъ передъ рабочими!

Что это? справедливость, господа, или нѣчто ей совершенно противоположное, нѣчто такое, чему имени нѣтъ?

Справедливость должна примѣняться одинаково ко всѣмъ безъ различія; что же касается до мѣста, то судья, согласно § 100 Уголовнаго уложенія, обязанъ только опредѣлить, публичное оно, или нѣтъ.

Но вѣдь консерваторія такое же публичное мѣсто, какъ и собраніе рабочихъ.

Что не наказуемо въ одномъ публичномъ мѣстѣ, то не должно быть наказуемо и въ другомъ.

Судья, объявляющій преступнымъ для публичнаго собранія рабочихъ то, что не считается преступленіемъ для всякаго публичнаго собранія, и въ частности для публичнаго собранія буржуазіи,—совершаетъ безпримѣрное превышеніе власти, создаетъ новое запрещеніе, котораго не знаетъ уголовный законъ, онъ позволяетъ себѣ смѣяться надъ цѣлымъ общественнымъ классомъ!

Судья первой инстанціи самъ долженъ былъ признаться, что онъ потому только осудилъ мою лекцію, что она была прочитана передъ рабочими. Обвинительный приговоръ видитъ преступность моей лекціи — цитирую буквально— „именно въ томъ, какъ обвиняемый сопоставляетъ результаты своихъ размышленій, какъ онъ ихъ формулируетъ и излагаетъ публикѣ, которая не стоитъ на такой высотѣ образованія, чтобы понять научную сторону его лекціи“.

Слѣдовательно, моя лекція является преступленіемъ потому, что рабочіе необразованы!

Мнѣ приходитъ въ голову одно жгучее историческое воспоминаніе изъ нашей отечественной исторіи. Въ 1811 году 9 мая дворяне землевладѣльцы (чины) округовъ Лебуса,

Сторкова и Бускова подавали королю петицію, въ которой они протестовали противъ революціонныхъ мѣропріятій Гарденберга, при чемъ также указывали на необразованность низшихъ сословій. Государственный канцлеръ Гарденбергъ, которому король передалъ петицію, дѣлаетъ противъ этого мѣста отмѣтку на поляхъ: „Вы говорите о необразованныхъ? Кто же эти необразованные? Не слѣдуетъ ли сюда причислить прежде всего самихъ господъ землевладѣльцевъ, авторовъ петеціи? Все это одно самохвальство“ *). Такъ полагалъ Гарденбергъ!

Что касается меня, то у меня для судьи первой инстанціи готовы два отвѣта — одинъ in facto, другой in jure. Начнемъ съ фактическаго отвѣта. Судья первой инстанціи жестоко заблуждается, предполагая, что рабочіе, какъ люди необразованные, менѣе способны къ воспріятію научныхъ положеній, чѣмъ „стоящая на высотѣ образованія“ публика консерваторіи. Если бы дѣло шло о свѣтскомъ образованіи изящныхъ салоновъ, тогда разумѣется, между буржуазіей и рабочимъ сословіемъ окажется громадная разница. Но разъ рѣчь идетъ о наукѣ и ея ученіяхъ, то рабочій въ общемъ отнюдь не дальше стоитъ отъ нихъ, чѣмъ образованная буржуазія, а напротивъ — гораздо ближе. Худое знаніе и полузнаніе гораздо больше удаляютъ отъ науки и отъ способности воспринимать ее, чѣмъ полное незнаніе.

Конечно, рабочіе не знакомы съ послѣдними выводами науки, и въ этомъ смыслѣ они необразованы. Развѣ мы не видимъ, какъ рабочіе рукоплещутъ даже проповѣдникамъ свободы торговли, когда они имъ преподносятъ такія вещи, что всѣ, хорошо знакомые съ экономической наукой, съ изумленіемъ спрашиваютъ: что это — полное невѣжество, или эти господа смѣются и издѣваются надъ бѣдняками?

Не вытекаетъ ли отсюда, что рабочіе **неспособны** понимать и истиннаго научнаго знанія, когда, его развиваютъ передъ ними?

Не составляетъ ли это, наоборотъ, еще лишняго довода въ пользу того, что необходимо знакомить рабочихъ съ

---

*) См. „die neuere und neueste Preussische Geschichte mit Beurtzung vieler bis her ungedrukter Quellen“ д-ра Фр. Ферстера Ld. II стр. 523.

истинной наукой, необходимо работать надъ тѣмъ, чтобы они усвоили себѣ результаты науки? Посмотрите на Англію. Тамъ даже министры не гнушаются посѣщать рабочія собранія и читать имъ лекціи по самымъ труднымъ вопросамъ. Такъ 1 ноября 1854 г. Пальмерстонъ читаетъ гемнширскимъ поденщикамъ лекцію, гдѣ онъ отрицаетъ догматъ о первородномъ грѣхѣ. Въ Манчестерѣ 6 ноября 1856 годъ тотъ же Пальмерстонъ читаетъ рабочимъ лекцію о двойственной природѣ человѣка, интеллектуальной и моральной, и о характерѣ нашего времени. Въ 1854 г, лордъ Джонъ Рессель читаетъ рабочимъ лекцію о препятствіяхъ, стоящихъ на пути къ успѣхамъ цивилизаціи.

Что касается до отношенія между прямыми и косвенными налогами, то гдѣ же всего умѣстнѣе проводить это ученіе, составляющее какъ разъ преступную тенденцію моей лекціи, какъ не въ рабочемъ сословіи?

Угодно вамъ знать, какой главный доводъ выставляютъ приверженцы рутины въ пользу косвенныхъ налоговъ? Они заявляютъ, что хотя косвенные налоги чрезвычайно вредны, но замѣнить ихъ прямыми невозможно, такъ какъ подобное мѣропріятіе неминуемо встрѣтитъ отпоръ въ низшихъ слояхъ народа. Говорятъ, что народъ ненавидитъ сборщика податей и никогда не согласится уплачивать всю сумму податей прямымъ путемъ, т. е. замѣчая, что онъ уплачиваетъ налогъ, тогда какъ при системѣ косвенныхъ налоговъ у него нѣтъ этого сознанія и онъ воображаетъ, что просто платитъ лавочнику за товаръ, тогда какъ въ сущности онъ при этомъ уплачиваетъ и налогъ государству. Джонъ Стюартъ Милль называетъ этотъ доводъ ребяческимъ и основаннымъ на заблужденіи. Но ни онъ, да и никто изъ насъ, не можетъ отрицать относительной справедливости этого довода. Слѣдовательно, главнымъ препятствіемъ къ превращенію этого нечуствительнаго налога въ прямой и является, какъ утверждаютъ защитники косвенныхъ налоговъ, предполагаемый или дѣйствительный предразсудокъ низшихъ классовъ народа.

Гдѣ же всего умѣстнѣе раскрывать истинную природу косвенныхъ налоговъ, показывать тотъ вредъ, который они приносятъ народу, тотъ несправедливый гнетъ, который они на него налагаютъ? Разумѣется, въ рабочемъ сословіи, потому что именно его противодѣйствіе, не безъ основанія, выставляется главной причиной, дѣлающей эту реформу

евозможной. Слѣдовательно, чтобы сдѣлать эту реформу озможной, нужно предварительно выяснять народу харакэръ косвенныхъ налоговъ, и это дѣло является вполнѣ еобходимымъ, въ высокой степени благотворнымъ и досойнымъ истинно-государственнаго мужа!

Судья первой инстанціи и не подозрѣвалъ ничего этого!

Въ 1856 г. въ Брюсселѣ засѣдалъ международный конрессъ благотворительности (Congré international de bienaisance). Туда собрались экономисты всѣхъ странъ. Германія, Франція, Англія прислали своихъ представителей. Груды этого конгресса изданы въ Брюсселѣ въ 1857 г. ъ 2 томахъ.

Въ числѣ постановленій и предположенныхъ мѣропріятій того конгресса обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій пунктъ Т. I, стр. 484): „Конгрессъ рекомендуетъ принятіе слѣдующихъ принциповъ и мѣръ: I, свободу торговли жизненными припасами и вообще всѣми предметами первой необходимости.“

Пока это постановленіе конгресса только увеличиваетъ собою рядъ авторитетовъ, указывающихъ на то, какъ пагубно отражаются косвенные налоги, между которыми акцизъ на предметы первой необходимости играетъ выдающуюся роль, а я уже сказалъ, что не намѣренъ увеличивать списокъ свидѣтельствъ въ пользу этого мнѣнія.

Но девятый пунктъ постановленій того же конгресса гласитъ:

„Распространеніе политико-экономическихъ ученій, имѣющихъ цѣлью уничтожить предразсудки и выяснить необходимость свободы торговли хлѣбомъ и другими жизненными припасами, изданіе популярныхъ сочиненій, предназначенныхъ выяснить населенію этотъ вопросъ“.

Но конгрессъ ученыхъ всѣхъ націй, дѣлая свои постановленія не принялъ, въ расчетъ прусскую прокуратуру.

Я распространяю подобныя ученія, я издаю для населенія популярныя брошюры, согласно постановленію международнаго конгресса благотворительности, а меня преслѣдуютъ и осуждаютъ, потому что я распространялъ эти ученія въ средѣ р а б о ч и х ъ!

Мой отвѣтъ in jure (юридическій) будетъ еще убѣдительнѣе.

Я уже обращалъ ваше вниманіе на то, что § 100 Уголовнаго уложенія имѣетъ въ виду только п у б л и ч н о с т ь

мѣста и не допускаетъ, чтобы то, что дозволено говорить въ одномъ публичномъ мѣстѣ, оказалось недозволеннымъ въ другомъ.

Статья 4 конституціи гласитъ, что всѣ прусскіе граждане равны. Слѣдовательно, они должны быть равны и передъ уголовнымъ судомъ, и передъ наукой, которая должна имѣть доступъ къ нимъ. У насъ нѣтъ кастовыхъ различій, которыя запрещали бы распространять въ одной кастѣ знанія, свободно циркулирующія въ другой!

Какъ? Статья 20 конституціи гласитъ: „Наука и ея ученія свободны", — а вы хотите отстранить отъ науки все рабочее сословіе?

Но приговоръ, на который я апеллирую, даетъ поводъ къ еще болѣе серьезнымъ возраженіямъ. Я сейчасъ докажу, что приговоръ этотъ представляетъ тяжкое посягательство на все наше публичное право, такое посягательство, которое могло бы привести къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ, если бы теперь царила энергичная послѣдовательность прежнихъ временъ.

Если бы раньше, при неограниченной монархіи, лекція была бы признана преступной только на томъ основаніи, что она была прочитана передъ рабочими, какъ людьми необразованными, то и тогда это рѣшеніе въ юридическомъ смыслѣ было бы совершенно несостоятельно, но оно было бы, по крайней мѣрѣ, понятно. Тогда царилъ девизъ: Все для народа, ничего черезъ народъ. Низшіе классы не принимали никакого участія въ законодательной власти и не оказывали на нее никакого вліянія. При подобныхъ условіяхъ было понятно, что распространеніе въ низшихъ сословіяхъ научныхъ знаній признавалось только безполезнымъ возбужденіемъ массъ.

Но такъ ли обстоитъ дѣло въ конституціонномъ государствѣ? Эти необразованные, что бы ни говорилъ судья первой инстанціи, являются однимъ изъ факторовъ законодатеьной власти, черезъ посредство своихъ выборныхъ представителей они составляютъ законы, и, слѣдовательно, судья изъ ихъ рукъ получаетъ законъ, который онъ долженъ примѣнять.

Можно находить это дурнымъ или хорошимъ, но это такъ!

Они не стоятъ на „высотѣ образованія", говоритъ судья первой инстанціи. Но они своими выборами рѣшаютъ всѣ законодательныя вопросы, отвѣчаю я ему.

Не должны ли эти необразованные, разъ они косвенно являются законодателями, пользоваться cum cognitione causae [1]) своимъ избирательнымъ и законодательнымъ правомъ? Не хочетъ ли судья принудить ихъ подходить къ избирательной урнѣ съ завязанными глазами, не зная, о чемъ и какъ они рѣшаютъ?

Развѣ быть освѣдомленными во всѣхъ важныхъ вопросахъ законодательства не составляетъ абсолютнаго права этихъ необразованныхъ, права, которое коренится въ общемъ публичномъ правѣ страны и совпадаетъ съ нимъ?

Могутъ ли мнѣ запретить начать мирную и законную агитацію въ пользу отмѣны косвенныхъ налоговъ и внушать этимъ необразованнымъ, чтобы они избирали выборщиками и депутатами только такихъ людей, которые о косвенныхъ налогахъ или о всеобщемъ избирательномъ правѣ думаютъ такъ-же, какъ и я? Развѣ можно препятствовать этимъ необразованнымъ классамъ, имѣющимъ однако законодательную власть, изучать всѣ эти вопросы, чтобы лучше использовать свое избирательное право въ цѣляхъ самаго законодательства?

Помните вы, съ какимъ вздохомъ говорило министерство Мантейфеля о неподготовленности общественнаго мнѣнія къ этой неизбѣжной реформѣ, неизбѣжной даже въ глазахъ правительства въ 1847 г. Помните вы заявленіе правительства, что оно ничего не въ состояніи сдѣлать, пока общественное мнѣніе не придетъ ему на помощь? Въ какой средѣ нужно создать это общественное мнѣніе? Въ высшихъ классахъ общества, которые остались глухи даже къ правительственному предложенію? Или въ средѣ низшихъ словій, насущные интересы которыхъ поставлены на карту, которые приносятся въ жертву господствующему общественному мнѣнію, и которые въ правѣ собраній и въ избирательномъ правѣ имѣютъ законное средство создать другое общественное мнѣніе?

Все это просмотрѣлъ судья первой инстанціи, когда указывалъ на „публику, не стоящую на высотѣ образованія". Онъ мысленно вернулся къ эпохѣ абсолютизма, когда считалось безполезнымъ возбуждать необразованный народъ, misera plebs contribuens (жалкую платящую чернь), поученіями о природѣ податной системы и другихъ зако-

---

[1]) Сознательно.

новъ, на которые онъ не могъ влiять, не имѣя на то законныхъ средствъ.

Весьма естественно, что судья, выросшiй и воспитавшiйся въ эпоху абсолютизма, тяготѣетъ къ нему мыслью, и само по себѣ это еще не большое несчастiе.

Но дѣло имѣетъ болѣе серьезныя послѣдствiя.

Судебный приговоръ приводится въ исполненiе общественною властью, полицiей и войскомъ. Всякiй судебный приговоръ является такимъ образомъ дѣйствiемъ, примѣняющимъ силу, актомъ силы, и такимъ онъ и должен ъ быть.

Силой удерживая меня, — да и не одного меня, а всѣхъ, кто оказался бы въ подобномъ положенiи и возымѣлъ бы такое же желанiе, — запрещая намъ выяснять народу вопросы законодательства, судебный приговоръ тѣмъ самымъ насильственно препятствуетъ народу пользоваться cum cognitione causae своимъ конституцiоннымъ законодательнымъ и избирательнымъ правомъ. Возникаетъ вопросъ, — впрочемъ такому вопросу не было бы мѣста, если бы у насъ царила строгая послѣдовательность римскихъ юристовъ, — не имѣемъ ли мы передъ собой тяжкаго посягательства на конституцiю государства?

Я вамъ доказалъ, господа, доказалъ оффицiальными документами министерства Мантейфеля, мотивами правительственныхъ посланiй, насколько законна и дозволительна была бы мирная агитацiя, направленная къ созданiю общественнаго мнѣнiя, которое высказалось бы за отмѣну косвенныхъ налоговъ. Подобная агитацiя была бы величайшей заслугой, актомъ государственной мудрости!

Но я даже этого не сдѣлалъ, я не агитировалъ!

И не потому, конечно, я не предпринималъ агитацiи, что не желалъ бы горячо замѣны косвенныхъ налоговъ прямыми, а потому, что я слишкомъ хорошо понимаю эти вещи и знаю, что всякая коренная податная реформа абсолютно невозможна, пока ей не предшествуютъ мѣры другого рода, особенно пока нѣтъ у насъ законодательнаго корпуса, основаннаго на всеобщемъ избирательномъ правѣ.

А вышеупомянутый фактъ, что само королевское правительство сознается, что, не смотря на всѣ усилiя, оно съ 1847 г. не могло сдѣлать даже перваго шага по пути намѣченной податной реформы, ясно показываетъ

замъ, насколько основательно мое убѣжденіе по данному вопросу.

Моя лекція, такимъ образомъ, преслѣдовала чисто-научную и теоретическую цѣль: уяснить рабочимъ классамъ основную идею нашего времени.

Одинъ остроумный мой пріятель сказалъ мнѣ впослѣдствіи: Вамъ слѣдовало озаглавить вашу лекцію такъ: „Рабочее сословіе и положеніе рабочихъ въ исторіи". [1]) И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ эпиграмматическомъ заглавіи заключается основная мысль моей лекціи. Меня пригласили прочитать лекцію въ рабочемъ собраніи: какъ видите даже инициатива не отъ меня исходила. О чемъ же мнѣ слѣдовало имъ читать? Не о томъ ли, сколько тюковъ хлопка ввозится ежегодно изъ Америки въ Англію и тому подобныя вещи, которыя на другой день забываются? Я сказалъ себѣ: ты долженъ со всей широтой научнаго размаха изобразить имъ всю богатую исторію современныхъ націй во всей простотѣ ея внутреннихъ законовъ; ты раскроешь передъ ними внутренній ходъ развитія этой исторіи и наполнишь утомленныя сердца угнетенныхъ бодростью, утѣшишь ихъ тѣмъ, что дѣло ихъ движется впередъ, хотя медленно и незамѣтно, но неустанно и непрерывно. И эту радостную надежду, эту бодрость прокуроръ называетъ ненавистью и презрѣніемъ!

Если моя лекція и имѣла какую-либо практическую цѣль, то эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы дать теоретическое обоснованіе для законной и мирной агитаціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права.

Эта цѣль ясно выражена въ томъ положеніи, которымъ я на стр. 184 своей лекціи заканчиваю разборъ налоговой системы: „Обратите вниманіе, господа, на своеобразное противорѣчіе и на своеобразную справедливость такого образа дѣйствій: всѣ издержки по содержанію государства покрываются косвенными налогами, т. е. ложаться на плечи бѣднаго народа, а для установленія выборнаго ценза, который даетъ политическую власть, берутъ за основаніе прямые налоги, дающіе при государственномъ бюджете въ 108 мил. лишь незначительную сумму въ 12 мил.!"

---

[1]) Игра словъ; der Arbeiterstand und der Stand der Arbeiter in der Geschichte.

Эта цѣль ясно выражена и въ собственныхъ словахъ прокурора, который восклицаетъ: „Обвиняемый забываетъ, что государственные налоги въ дѣйствительности распредѣлены чрезвычайно неравномѣрно и что размѣру уплачиваемыхъ налоговъ долженъ соотвѣтствовать и размѣръ правъ".

Я безусловно согласенъ съ этимъ юридическимъ тезисомъ прокурора, я твердо стою за него, такъ какъ вся моя лекція построена на этомъ тезисѣ!

Если правда, что размѣру налоговъ долженъ соотвѣтствовать и размѣръ правъ, если, съ другой стороны, правда, что, какъ заявляетъ само королевское правительство, даже прямыми налогами бѣднѣйшіе классы платятъ неизмѣримо больше, чѣмъ состоятельные классы, а при косвенныхъ налогахъ, которые всею тяжестью ложатся именно на бѣднѣйшіе классы, это несоотвѣтствіе платежей проявляется еще рѣзче, если все это правда, то почему же бѣднѣйшіе классы пользуются только $^1/_3$ избирательнаго права, тогда какъ платятъ налоговъ въ 5, 6, 10 и 20 разъ больше, чѣмъ состоятельные классы?

Гдѣ же тутъ справедливость? И почему должно считаться преступленіемъ желаніе склонить общественное мнѣніе въ пользу измѣненія такого несправдливаго порядка вещей, осужденнаго не только королевскимъ правительствомъ, но даже собственными словами прокурора?

Одно изъ двухъ, господа!

Или чистый абсолютизмъ—или всеобщее избирательное право! Объ этихъ двухъ крайнихъ пунктахъ можно спорить, при различіи во взглядахъ, но все, что лежитъ между ними, во всякомъ случаѣ невозможно, непослѣдовательно, нелогично.

Абсолютный монархъ, удаленный, въ силу своего положенія, отъ всѣхъ классовыхъ противорѣчій, поставленный высоко надъ обществомъ и его интересами, могъ, по крайней мѣрѣ, на сколько это вообще мыслимо, посвящать себя интересамъ всѣхъ, интересамъ безконечнаго большинства народа. Дѣлалъ—ли онъ это и насколько полно дѣлалъ, — это зависѣло отъ случайныхъ личныхъ воззрѣній, отъ его дарованія и отъ направленія характера. По крайней мѣрѣ, онъ могъ это дѣлать, а положеніе его напоминало ему, что онъ и долженъ такъ поступать. И въ самомъ

дѣлѣ, девизомъ стараго абсолютизма въ его лучшія времена было: Ничего черезъ народъ, все для народа.

Это время прошло. Наступила пора конституціонализма, т. е. такое время, когда общество, сознавъ себя совершеннолѣтнимъ, хочетъ взять въ свои руки защиту своихъ интересовъ.

Съ этого момента представляется логической невозможностью, очевиднымъ противорѣчіемъ, вопіющей несправедливостью—отдавать эту защиту въ руки меньшинства, въ руки состоятельныхъ классовъ общества. Эти классы не стоятъ въ сторонѣ отъ общественныхъ интересовъ, они, наоборотъ, находятся какъ разъ въ перекрестномъ огнѣ этихъ интересовъ и въ силу своего положенія, связаннаго съ ихъ интересами, они не могутъ не примѣнять силу своей власти въ пользу своихъ классовыхъ интересовъ, принося въ жертву общій интересъ, т. е. благо безконечнаго большинства низшихъ сословій; маленькимъ доказательствомъ этого можетъ служить судьба законопроекта Мантейфеля.

Слѣдовательно, разъ ужъ выступилъ принципъ общественнаго самоуправленія, то является самой вопіющей несправедливостью, и логически невозможнымъ вручать рѣшающую власть, посредствомъ классоваго избирательнаго закона, однимъ привилегированнымъ классамъ, вмѣсто того, чтобы предоставить всему народу право рѣшать свою судьбу! А это право вручается какъ разъ тѣмъ классамъ, которые, по собственнымъ словамъ прокурора, несутъ самую ничтожную часть государственныхъ повинностей.

Необходимо выяснить общественному мнѣнію эту несправедливость, эту невозможность; пусть эта мысль станетъ всеобщимъ убѣжденіемъ и увлечетъ за собой самыхъ упорныхъ противниковъ! Необходимо такимъ путемъ положить основаніе для мирнаго устраненія учрежденія, которое, пока существуетъ, будетъ всегда давать поводъ къ развитію классовой вражды.

И прежде всего надо убѣдить буржуазію въ томъ, что ей приходится выбирать между чистымъ абсолютизмомъ и всеобщимъ избирательнымъ правомъ, что все промежуточное будетъ раздавлено желѣзнымъ ходомъ исторіи и что, если она дѣйствительно держится за конституціонализмъ, то она можетъ его спасти, только положивъ въ его основу принципъ всеобщаго избирательнаго права,

только взявши этотъ принципъ за свой собственный боевой лозунгъ. Я хочу избавить буржуазію отъ той участи, которая постигла ее во Франціи, гдѣ она попала въ лапы Наполеона, а прокуроръ называетъ этотъ призывъ къ общественному разуму и общественной совѣсти возбужденіемъ къ ненависти и презрѣнію!

Мнѣ остается еще отвѣтить на два пункта.

Въ первой части своей рѣчи, прл обзорѣ среднихъ вѣковъ, я упоминалъ, что уже въ 1672 году на германскомъ сеймѣ, въ 1614 году на французскихъ генеральныхъ штатахъ было предъявлено требованіе объ отмѣнѣ цеховъ. Я упоминалъ, что въ 1776 доду министръ-реформаторъ Тюрго отмѣняетъ во Франціи цехи, но что вопли привилегированныхъ классовъ заставили короля черезъ нѣсколько мѣсяцевъ взять назадъ свой собственный эдиктъ и что, наконецъ, штурмъ Бастиліи въ одинъ день сдѣлалъ то, чего напрасно добивались Германія и Франція въ теченіе почти двухъ столѣтій.

По поводу этого я высказалъ слѣдующее вполнѣ объективное историческое замѣчаніе: „Вы видите изъ этого, господа, что легальный путь преобразованій, при всѣхъ своихъ громадныхъ преимуществахъ, имѣетъ, однако, во всѣхъ болѣе важныхъ пунктахъ одинъ большой недостатокъ — безсиліе, растягивающее иногда реформы на цѣлыя столѣтія; съ другой стороны, революціонный путь, несмотря на свои безспорныя неудобства, имѣетъ ту выгодную сторону, что быстро и энергично ведетъ къ практической цѣли„.

Въ этомъ строго-объективномъ историческомъ замѣчаніи, гдѣ я констатирую одинаково какъ выгоды, такъ и невыгоды революціи, при историческомъ изображеніи средневѣковаго періода, — судья первой инстанціи усматриваетъ основаніе къ осужденію, заключая отсюда, что я, с л ѣ д о в а т е л ь н о, предпочитаю революціонный путь легальному и что я, с л ѣ д о в а т е л ь н о, долженъ то же самое думать и о теперешнемъ историческомъ періодѣ и о тѣхъ задачахъ, какія предстоитъ ему выполнить, что, слѣдовательно, въ глубинѣ души я долженъ лелѣять мысль, что рабочіе классы и теперь должны добиваться своей цѣли посредствомъ революціи! Я едва повѣрилъ своимъ глазамъ, когда прочелъ въ приговорѣ этотъ мотивъ моего осужденія! Если бы даже и можно было согласиться съ

такимъ выводомъ, то меня должны были бы обвинить въ возбужденіи къ революціи противъ государственной власти, а не въ возбужденіи къ ненависти и презрѣнію противъ подданныхъ государства, но, кромѣ того, развѣ судья первой инстанціи не видитъ, что осужденіе, построенное на подобныхъ умозаключеніяхъ, представляетъ очевидное нарушеніе всѣхъ принциповъ права?

Эти умозаключенія въ корнѣ неправильны и ложны.

Это — паралогизмы, несостоятельность которыхъ я кратко, но ясно доказалъ въ своей аппеляціи.

Но если бы даже всѣ эти заключенія были въ такой же мѣрѣ правильны, въ какой они на самомъ дѣлѣ ложны, неужели судья первой инстанціи не понимаетъ, что онъ не имѣетъ никакого права дѣлать ихъ? что онъ обязанъ имѣть въ виду только высказанное мной, а не вторгаться во святое святыхъ моей внутренней свободы мысли? что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права вытаскивать на арену суда такія невысказанныя мысли, хотя бы онъ и предполагалъ, на основаніи сказаннаго мной, что онѣ таятся въ глубинѣ моей души?

Мое изумленіе по поводу этого приговора безгранично. Онъ представляетъ такое вопіющее оскорбленіе всѣхъ самыхъ священныхъ принциповъ права, что даже времена величайшаго безправія не знали ничего подобнаго.

Знаете, господа, какой случай приводятъ консервативные историки въ доказательство того дикаго, ужаснаго безправія, которое царило въ террористическихъ трибуналахъ французской революціи? Это случай осужденія, основаннаго на томъ, что обвиненный былъ уличенъ въ пѣніи пѣсни: „O Richard mon roi!“ „О, Ричардъ, мой король!

Прекрасно! А меня обвиняютъ за то, что судья въ глубинѣ моей души подслушалъ мелодію: „O, revolution ma reine!“ О, революція, моя королева!

Не хотятъ ли суды дѣйствительно принудить насъ идти по пути французской исторіи? Не желаютъ ли они, чтобы мы начали взаимную рѣзню изъ-за различія во взглядахъ? Неужели призывъ къ германскому правовому чувству не находитъ болѣе отклика въ душѣ нашихъ судей? Неужели это чувство умерло въ насъ? Неужели уваженіе къ праву личности, которымъ гордится нѣмецкая нація съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, — окончательно стерлось и вывѣтрилось во время историческаго процесса!

Неужели мы настолько ужъ романизировались, чтобы преслѣдовать другъ друга, какъ преступниковъ, за убѣжденія?

Не стану скрывать отъ васъ, господа, что наши воззрѣнія, вѣроятно, рѣзко расходятся. Я, конечно, желаю многаго, чего вы совсѣмъ не желаете, и не желаю многаго, чего вы желаете.

Но какое же это имѣетъ отношеніе къ области нашего права?

Еще больше, чѣмъ наши желанія, раздѣляютъ насъ наши вѣрованія.

Вы не вѣрите въ революцію, господа, а я принужденъ въ нее вѣрить, мои научныя занятія привели меня къ этой вѣрѣ.

Въ своей защитительной рѣчи на судѣ первой инстанціи я уже высказался относительно того научнаго значенія слова революція, въ какомъ я всегда его понимаю.

Слово это въ научномъ смыслѣ означаетъ такое положеніе вещей, когда новый принципъ становится на мѣсто прежняго строя, все равно, происходитъ ли это насильственнымъ или мирнымъ путемъ.

И въ этомъ смыслѣ я убѣжденъ, что въ будущемъ революція неминуемо наступитъ.

Она пойдетъ вполнѣ законнымъ и мирнымъ путемъ, если хватитъ мудрости вовремя рѣшиться на нее и произвести ее сверху; или она черезъ неопредѣленный промежутокъ времени разразится со всѣми ужасами насилія, ворвется съ дико развѣвающимися волосами и съ желѣзными сандаліями на ногахъ!

Такъ или иначе — она придетъ во всякомъ случаѣ, и когда я, удаляясь отъ дневного шума, погружаюсь въ исторію, я слышу ея поступь.

Но развѣ вы не видите, что, несмотря на все различіе нашихъ вѣрованій, стремленія наши идутъ рука объ руку?

Вы не вѣрите въ революцію и хотите потому ставить ей препятствія. Хорошо! Исполняйте то, что составляетъ вашу служебную обязанность.

Я вѣрю въ революцію и, потому что я въ нее вѣрю, я хочу не произвести ее, — я уже заявлялъ вамъ въ своей критикѣ приговора, что все мое историческое міросозерцаніе заставляетъ меня считать безплодными усиліями отдѣльнаго трибуна вызвать революцію, какъ было бы безплодно стремиться вызвать бурю на морѣ дыханіемъ,

— я хочу только гуманизировать ее, цивилизовать заранѣе на тотъ случай, если она придетъ и придетъ снизу!

И я вамъ докажу это на основанiи послѣдняго пункта предъявленнаго мнѣ обвиненiя.

Меня обвиняютъ въ томъ, что я указалъ на величайшiй эгоизмъ и, слѣдовательно, на безнравственность высшихъ классовъ.

Не буду говорить, что Фихте, Руссо, Евангелiе учили тому же самому.

Но, спрашивается, въ связи съ чѣмъ затронулъ я этотъ вопросъ. А вотъ съ чѣмъ:

„Быть можетъ, говорю я, мысль сдѣлать принципъ низшихъ классовъ общества господствующимъ принципомъ государства и общества покажется очень опасной и безнравственной, потому что грозитъ гибелью нравственности и просвѣщенiя, грозитъ превращенiемъ въ „современное варварство". Но этотъ страхъ, продолжаю я, является только предразсудкомъ: можно доказать, напротивъ, что эта мысль будетъ началомъ величайшаго прогресса и торжества нравственности, какого не знала до сихъ поръ всемiрная исторiя. Этотъ страхъ—предразсудокъ и притомъ предразсудокъ нашего времени, которымъ управляетъ еще привилегiя. Было время, когда господствовалъ даже противуположный предразсудокъ, — время французской республики 1793 года".

Вы видите, слѣдовательно, что я коснулся этого вопроса исключительно для того, чтобы защитить свой взглядъ на значенiе нашего всемiрно-историческаго перiода отъ упрека въ варварствѣ и грубости, упрека, который многимъ представляется вполнѣ заслуженнымъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ не имѣетъ подъ собой почвы.

Уже одно это сочетанiе мыслей, цѣль, съ которой онѣ были высказаны, лишаютъ мои слова о нравственности различныхъ классовъ общества, какого бы то ни было характера насилiя, провокацiи и возбужденiя. Это было сказано для того, чтобы научнымъ образомъ показать значенiе нашего историческаго перiода и доказать несостоятельность нѣкоторыхъ возраженiй. Но статья 20 конституцiи „наука и ея ученiя свободны" должна же, по меньшей мѣрѣ, имѣть тотъ смыслъ, что наука имѣетъ право говорить все, что необходимо для вывода и подтвержденiя ея

положеній, что для нея не должно быть ничего запрещеннаго, ничего наказуемаго, ничего такого, что она ради своей конечной цѣли не могла бы излагать и доказывать.

Впрочемъ, на это я обращаю ваше вниманіе только попутно, доказательство же, которое я вамъ обѣщалъ, будетъ другое.

Въ какомъ смыслѣ разбираю я вопросъ о нравственности сословій, которая, какъ говоритъ Фихте, тѣмъ ниже, чѣмъ выше сословіе, и въ какомъ смыслѣ освѣщаю я противуположный предразсудокъ санкюлотства?

Я говорю: „Въ то время противоположный принципъ достигъ крайней степени: всякій, на комъ былъ крѣпкій сюртукъ, считался уже въ силу одного этого развращеннымъ и подозрительнымъ, а добродѣтель, чистота и патріотическая нравственность считались присущими тѣмъ, на комъ не было хорошей одежды. То былъ періодъ санкюлотства. Этотъ взглядъ, господа, имѣетъ въ основѣ истину, которая однако выступаетъ въ ложной и извращенной формѣ. А нѣтъ ничего опаснѣе истины, облеченной въ ложную, извращенную форму. Какъ бы мы къ ней ни относились,—будетъ одинаково плохо. Если истина признается въ своей ложной извращенной формѣ, то при извѣстныхъ условіяхъ это поведетъ къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ, какъ это и было съ санкюлотствомъ“.

Слѣдовательно, я категорически высказываюсь противъ санкюлотскаго пониманія этого принципа, обвиняю его въ ложности и извращенности, признаю, что онъ привелъ къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ и что при извѣстныхъ условіяхъ то же должно произойти и у насъ, если заранѣе не убѣдятъ народъ, насколько ложенъ и превратенъ этотъ принципъ; а сдѣлать это можно, только показавъ народу истинное содержаніе этого понятія, скрытое подъ ложной формой. И я показываю, что высшіе привилегированные классы по необходимости, безъ вины каждаго члена въ отдѣльности, должны быть безнравственны, потому что они свой личный интересъ необходимо противополагаютъ всему историческому прогрессу, идеализму культурнаго развитія, тогда какъ именно служеніе этому идеалу и есть источникъ истинной нравственности.

Благодаря этому противорѣчію съ ихъ личнымъ интересомъ, служеніе идеалу прогресса въ высшихъ классахъ

встрѣчается только у такихъ людей, которые вслѣдствіе широты своихъ взглядовъ сумѣли подняться надъ своимъ личнымъ благополучіемъ, а такіе люди, конечно, составляютъ рѣдкое исключеніе. Это противорѣчіе личнаго интереса съ культурнымъ прогрессомъ націи, которое необходимо порождаетъ ту историческую безнравственность высшихъ классовъ, въ которой они и не виноваты, совершенно отсутствуетъ, къ ихъ счастію, въ низшихъ классахъ. Низшіе классы находятся въ счастливомъ положеніи, потому что у нихъ историческая нравственность совпадаетъ съ ихъ личнымъ интересомъ. Имъ поэтому легко быть нравственными. Правда, и въ низшихъ классахъ проявляется еще достаточно своекорыстія, но здѣсь, въ противоположность высшимъ классамъ, это порокъ отдѣльныхъ лицъ, а не естественное слѣдствіе ихъ классоваго положенія.

Итакъ, что же я говорю этимъ своимъ разсужденіемъ рабочимъ? чему я поучаю ихъ?

Знаете ли вы, господа, внутреннюю связь событій французской революціи?

Я знаю ее во всѣхъ ея тончайшихъ изгибахъ!

Отчего возникъ терроръ во Франціи?

Nous battons de la mounaie sur la place de Greve — — „мы чеканимъ монету на Гревской площади“ (мѣсто казней)—говорилъ Барреръ. Во имя „vertu“, во имя республиканской добродѣтели, Робеспьеръ снималъ головы съ богатыхъ, потому что они не раздѣляли патріотичской любви къ равенству, а, по его мнѣнію, это было личнымъ преступленіемъ.

Тогда не знали, какъ измѣнить объективный химизмъ общественныхъ установленій, не знали, какъ улучшить объективное неравенство матеріальнаго положенія, и склонны были въ принципѣ признавать это неравенство непреложнымъ догматомъ. Доведенные до бѣшенства въ своемъ безсиліи измѣнить что-либо въ данномъ положеніи вещей, которое естественно и необходимо коренится въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ, дѣятели революціи свалили всю вину за это на отдѣльныхъ лицъ и рубили головы богатымъ во имя добродѣтели!

Эти грозныя событія предостерегаютъ меня, и я хорошо знаю, какъ легко бѣдные классы могутъ повторить ту же роковую ошибку, а потому моя лекція косвенно говоритъ

рабочимъ: Если когда-нибудь наступятъ события, которыя отдадутъ власть въ ваши руки, то имѣйте въ виду только положеніе вещей, старайтесь разумно улучшить его и измѣнить внутренее соотношеніе силъ, но отдѣльныхъ лицъ не трогать! Безнравственность, отсутствіе патріотической добродѣтели — вина не лицъ, а необходимое выраженіе ихъ классоваго положенія. Вы ни на волосъ не были бы лучше ихъ, если бы вы очутились въ ихъ положеніи.

Это такой же призывъ къ ненависти и презрѣнію, какъ, напр. слова Христа: „Кто безъ грѣха, пусть первый броситъ камень!"—были призывомъ къ убійству. Я отъ всей души стараюсь убѣдить рабочихъ, что лицъ винить не слѣдуетъ, такъ какъ они являются неповиннымъ и непроизвольнымъ продуктомъ своего положенія, а меня—такова иронія судьбы! — обвиняютъ въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ этимъ лицамъ!

Какъ возможно было возбудить противъ меня это обвиненіе, какъ возможно было предположить во мнѣ намѣреніе совершить это преступленіе, потому что безъ намѣренія это не было бы преступленіемъ?

Человѣкъ, влекомый ненасытной, фаустовской жаждой знанія, упорно и серьезно работаетъ надъ греческой философіей и римскимъ правомъ, черезъ различныя отрасли исторической науки переходитъ къ современной политической экономіи и статистикѣ,—и вы можете серьезно думать, что онъ все свое долгое изученіе хочетъ завершить тѣмъ, что вложитъ факелъ пожара въ руки пролетаріата?

Какъ? Неужели такъ мало пониманія науки, такъ мало вѣры въ его облагораживающую, цивилизующую силу, что даже это считается возможнымъ? Неужели вы не видите, что подобнымъ предположеніемъ вы оскорбили бы не только меня, но и себя и всю науку въ цѣломъ?

Чѣмъ была бы въ концѣ концовъ наука, если бы она не приводила необходимо къ этическому направленію духа? Что такое нравственность, какъ не обязательное слѣдствіе истинной науки? Вся культура была бы величайшей ложью, всѣ узы, внутренно связующія цивилизованный міръ, распались бы, еслибы предположеніе, на которое васъ наталкиваютъ, было бы только мыслимо!

Этого, слѣдовательно, я не могу хотѣть!

Чего же я хочу, когда обращаюсь къ рабочему классу

съ мирной агитаціей и стараюсь подѣйствовать на его образъ мыслей?

Чувствую, что мнѣ необходимо выяснить вамъ это въ двухъ словахъ. Мелькомъ я коснулся этого вопроса въ своей защитительной рѣчи на судѣ первой инстанціи, а позднѣе я высказался по этому поводу яснѣе въ другомъ мѣстѣ. Я хочу свободныхъ рабочихъ ассоціацій, но я хочу, чтобы онѣ были связаны со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, такъ какъ я считаю ихъ возможными и дѣйствительными только подъ благодѣтельной цивилизующей эгидой государства!

Я приписываю государству высокую могучую задачу развить начала человѣчности, какъ оно и дѣлало всегда, во всѣ времена исторіи, и будетъ дѣлать вѣчно; какъ органъ всѣхъ, государство своей заботливой рукой должно создать человѣческое существованіе для всѣхъ своихъ членовъ.

Это ученіе, господа, не представляетъ собою теорію разрушенія и варварства, — это въ высшей степени государственное ученіе!

Вы, господа, конечно, не принадлежите къ манчестерской школѣ, къ этимъ современнымъ варварамъ, которые ненавидятъ государство, — не то или другое определенное государство, не ту или другую форму его, а государство вообще. Они, какъ и сами открыто признавались не разъ, всего охотнѣе уничтожили бы всякое государство, юстицію и полицію продали бы съ аукціоннаго торга, а сами вели бы войну посредствомъ акціонерныхъ обществъ, чтобы нигдѣ въ мірѣ не осталось ни одного нравственнаго пункта, откуда можно было бы оказать сопротивленіе ихъ вооруженной капиталомъ страсти къ наживѣ!

Какъ ни различны наши взгляды, господа, но передъ такимъ попраніемъ всякой нравственности и мы съ вами пойдемъ рука объ руку. Я защищаю вмѣстѣ съ вами противъ этихъ современныхъ варваровъ древній священный огонь всякой цивилизаціи — государство!

Я кончаю.

Вы сами замѣчаете, господа, какое гигантское усиліе употребилъ я, чтобы оправдаться. Я потерялъ такъ много времени на апелляціонную жалобу и на эту защиту, что четырехмѣсячный арестъ въ этомъ отношеніи почти оказался бы удобнѣе для меня.

Но я считалъ своимъ долгомъ именно передъ вами — вполнѣ выяснить сущность дѣла, чтобы предохранить васъ отъ безпримѣрной несправедливости!

Я считалъ своимъ долгомъ передъ наукой — защитить великую область умственной дѣятельности!

Я считалъ своимъ долгомъ передъ страной — убѣдиться въ томъ, существуетъ ли у насъ еще тотъ судъ, о которомъ при Фридрихѣ Великомъ создалась поговорка, перешедшая во Францію; Il y a des juges à Berlin есть судьи въ Берлинѣ!

Каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, онъ будетъ увѣковѣченъ. Не равнодушнымъ шумомъ нашей ежедневной прессы угрожаю я вамъ, — сама наука, а я до нѣкоторой степени имѣю право говорить отъ ея имени, — занесетъ этотъ приговоръ въ лѣтописи исторіи!

Ф. Лассаль. Принципы труда въ современномъ обществѣ. (Програма работниковъ) пер. съ нѣмецкаго ц. 5 к.

А. Бебель. Академики и соціализмъ. Рѣчь, произнесенная на студенческомъ собраніи въ Берлинѣ 17 декабря 1897 года поправлена и дополнена авторомъ, пер. съ нѣмецкаго, ц. 5 к.

К. Каутскій. Классовые интересы. Переводъ съ нѣмецк. подъ редакціей В. А. Поссе, ц. 5 к.

Либерализмъ и демократизмъ, ц. 5 к.

Мих. Ник. Коваленскій. Изъ исторіи государственной власти въ Россіи, ц. 25 к.

К. Марксъ. 18-ое брюмера Луи Бонапарта. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей привать-доцента Н. А. Рожкова, ц. 20 к.

К. Каутскій. Республика и соціаль-демократія во Франціи. Выпускъ I. Пер. Ольгина, ц. 7 к.

В. Браке. Долой соціаль-демократовъ! Пер. съ нѣмецк. Э. Берштейнъ, подъ ред. привать-доцента Н. А. Рожкова, ц. 5 к.

Исторія «Заговора равныхъ». (Заговоръ Бабефа). Изложено по Девиллю, Л. Жбанковымъ подъ редакціей прив-доцента Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

А. Б. Городское самоуправленіе въ Россіи, ц. 10 к.

Н. Чумаковъ. О народномъ самоуправленіи въ Новой Зеландіи, ц. 5 к.

Робертъ Швейхель. «За свободу». Романъ изъ эпохи крестьянскихъ войнъ Перев. О. А. Аносовой, 456 стр., ц. 50 к.

Петръ Масловъ. Критика аграрныхъ программъ. Съ приложеніемъ проекта аграрной программы Р. С.-Д. Р. П, ц. 10 к.

А. Бебель. Профессіональное движеніе и политическія партіи, ц. 5 к.

Д. Курскій. Американскій рабочій, ц. 4 к.

Артемъ К—въ. Какъ рабочимъ союзы устраивать, ц. 5 к.

Наумовъ. Къ аграрному вопросу въ Россіи, ц. 10 к.

Густавъ Экштейнъ. Рабочее движеніе въ современной Японіи. Переводъ съ нѣм. И. Бронштейна и С. Семковскаго, ц. 8 к.

Кирикъ Левинъ. Первый борецъ за свободу. (Радищевъ), ц. 10 к.

Рабочая библіотека. Составили: П. Рыковскій А. Шрагъ и В. Яковлева ц. 5 к.

N. N. О пролетарской этикѣ. (Пролетарское творчество съ точки зрѣнія реалистической философіи). Съ предисловіемъ и подъ редакціей привать-доцента Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

Этьенъ Бюйссонъ. Всеобщая стачка. Перев. съ франц. Сергѣя Волкенштейна, ц. 15 к.

К. Каутскій. Потребительныя общества и рабочее движеніе. Переводъ съ нѣмецкаго В. Л. Шанцера, ц. 10 к.

Герцъ (Геризау). Условія труда въ Швейцаріи. Перев. съ нѣм. Плавтова, ц. 5 к.

Шиппель. Профессіональные союзы. Переводъ съ нѣм. съ предисловіемъ Д. Кольцова, ц. 10 к.

Н. Чумаковъ. О налогахъ. Подъ редакціей прив.-доцента Н. А. Рожкова, ц. 5 к.

И. Полонскій. Мѣстное управленіе въ Англіи подъ редакціей привать-доцента Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

Вандервельдъ. Программа Бельгійской рабочей партіи, ц. 3 к.

Андрей Нѣмосвскій. Разсказы изъ рабочей жизни. Переводъ и предисловіе Алексинскаго, ц. 10 к.

Лиссагаре. Исторія коммуны 1871 года, съ предисловіемъ Мендольсона. Переводъ съ французскаго подъ редакціей приватъ доцента Н. А. Рожкова, ц. 80 к.

Гере. Три мѣсяца рабочимъ на фабрикѣ. Перев. съ нѣм., съ предисловіемъ Антонова, ц. 40 к.

Л. Декаевъ, Фленго. Майскія воспоминанія 1871 г., ц. 3 к.

Пролетарій. Соціализмъ «соціалистовъ-революціонеровъ», ц. 10 к.

Кампфмейеръ. Соціаль-демомкратія при свѣтѣ культуры ц. 20 к.

Каутскій и Шенланкъ. Программа Германской соціалъ-демократіи. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. О. А. Аносовой, ц. 20 к

Стефенсъ. Аграрный соціализмъ въ Бельгіи. Предисловіе и переводъ М. Сильвина, ц. 20 к.

Таганскій. Демократическая республика и Новая Зеландія п. 5 к.

Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ Гершензона, ц. 20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи. Перев. подъ ред. В. Л. Шанцера, ц. 20 к.

Э. Марксъ. Классовое рабочее движеніе въ Англіи. Пер. М Переса, ц. 10 к.

Минаевъ. 8-часовой рабочій день. Подъ ред. приватъ-доцента Н. А. Рожкова, ц. 10 к.

Лафаргъ. Капиталъ и трудъ. Популярное изложеніе К. Маркса. Перев. Козеренко, подъ ред. Антонова, ц. 25 к.

В. Канель. Фабричная медицина и бюрократія, ц. 8 к.

О. Мирбо. Дурные пастыри. Пер. Селюкъ, ц. 10 к.

Шахназарьянцъ. Крестьянское движеніе и соціаль-демократія въ Грузіи. ц. 30 к.

В. Либкнехтъ. Изъ исторіи Германіи XIX вѣка. Перев. съ нѣм. подъ редакціей Степанова, ц. 25 к.

Анри Мишель. Задачи французской демократіи, ц. 10 к.

Дивильковскій. Вольная земля и наше земледѣліе, ц. 10 к.

Папъ. Организація общественныхъ учрежденій въ будущемъ о—вѣ, ц. 15 к.

Росси. Движеніе въ Сициліи, ц. 25 к.

Объ анархизмѣ. Пер. Переса, ц. 15 к.

Бертранъ. Право на жизнь, ц. 10 к.

Блюмъ. Какая свобода нужна рабочему классу, ц. 10 к.

Станиславъ (А. Вольскій). Къ вопросу о націонализаціи земли ц. 25 к.

Батыревъ. Что такое бюрократія, ц. 4 к.

Каутскій. Бернштейнъ и соціальдемократическая программа. Полный переводъ съ нѣмецкаго. Подъ редакціей М. Г. Лунца, ц 50 к.

На складѣ имѣются всѣ изданія Е. Д. Мягкова

«Народная Мысль».

Типографія «Сѣверъ» А. М. Песмана. Спб. Садовая 42